

ტიციან ტაბიძე

ტიციან
ტაბიძე

საქართველოს
საბჭოთაო

საბჭოთა
ნოტა

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Предисловие Симона Чиковани

Вступительная статья Г. М. Цуриковой

Примечания Л. С. Шепелевой

Общая редакция Павла Антокольского

Тициан Табидзе (1895—1937) — выдающийся грузинский поэт. Он прошел сложный творческий путь от символистской поэзии времен группы «Голубые роги», одним из основателей которой он был в предреволюционные годы, и до стихов и поэм, посвященных советской Грузии — ее природе и людям. Его многокрасочная, полная драматизма лирика и поэмы — в переводах русских поэтов П. Антокольского, Н. Заболоцкого, Б. Лифшица, Л. Мартынова, Б. Пастернака, Н. Тихонова и других — стали достоянием всей многонациональной культуры советского народа.

СЛОВО О ТИЦИАНЕ ТАБИДЗЕ

Тициан Табидзе родился в селении Шуамта, что лежит на берегу реки Риони, названной античными авторами Фазисом. Русло этой прославленной реки протекает в непосредственной близости от дома Тициана Табидзе; волны ее омывают ворота, ведущие к дому поэта, в творчестве которого легендарный колхидский поход Язона и весь комплекс античных сказаний о Колхиде нашел новое и блистательное воплощение. Как известно, существует предание, что именно в этих местах было похищено золотое руно, что именно здесь разыгралась драма Язона и Меден. И чрезвычайный интерес представляет в этом свете то обстоятельство, что спустя четверть века после смерти Тициана Табидзе — в 1961 году — раскопки археологов подтвердили существование большого античного материально-культурного слоя в этих местах, на родине Тициана Табидзе. Именно эти образы — затаенное сцепление и переплетение детских впечатлений и поздних осмыслений — определили внутренний образный мир таких произведений поэта, как «Не я пишу стихи...», «Орпири», «Осень в Орпири», «Апрель в Орпири», «Колхида», «Колхида ждет Орфея», «Орпирский комсомолец в Кремле», поэма «Рион-порт» и другие.

Первоначальной грамоте будущий поэт обучался дома, а в 1905 году был отдан в гимназию в крупнейшем городе Западной Грузии — Кутаиси, в городе, который, по более поздним его воспоминаниям, представлялся поэту своего рода «мертвым Брюгге», воспетым Жоржем Роденбахом. Это впечатление субъективно и вряд ли отражает главную сторону жизни тогдашнего Кутаиси. Вспомним хотя бы свидетельство Маяковского (как раз в то время учившегося в Кутаисской гимназии), в представлении которого Кутаиси был воплощением революционного брожения и взрыва, а лично для

него — местом боевого революционного крещения. В автобиографии Маяковский рисует очень яркую и выразительную картину революционных событий: от пламенных гражданственных постановок Кутаисского театра, руководимого Ладо Месхишвили, до уличных демонстраций и кровавых столкновений демонстрантов с полицией и казаками.

Я глубоко уверен, что не та сторона кутаисской жизни, которая могла вызвать у Тициана Табидзе сравнение с «мертвым Брюгге», а именно революционный дух этого города оказал подлинное влияние на грузинского поэта.

Еще в годы моего ученичества в Кутаиси я несколько раз видел Тициана Табидзе издали. В те времена он был очень юн, худощав, нежен и имел, говоря его же словами, «профиль Уайльда и голубые глаза». Он постоянно бывал со своим другом Паоло Яшвили, и они были неразлучны как «сиамские близнецы» (тоже выражение Тициана). Рядом с Паоло Яшвили, уже и тогда замечательным мастером поэтической импровизации, блистательным юношей, который, подобно фейерверку, сверкал экспромтами и остроумными поэтическими находками, Тициан Табидзе как бы оставался в тени; в обществе он не мог произвести такого внезапного поэтического эффекта, какой выпадал на долю его друга. Он был застенчив и казался скромным участником товарищеских интимных бесед на поэтических «тайных вечерах». Стихи его изумляли, как и стихи других «голуборожцев». Чувствовалось, что он идет по непроторенному в грузинской поэзии пути. В то время я еще не мог до конца вникнуть в чаяния поэта и считал его преимущественно теоретиком группы «голуборожцев», которая была для меня чужда. Только впоследствии я постепенно стал привыкать к строкам Тициана Табидзе. Лучшие стихи его я слышал как бы издали, а отдельные строки навязчиво сопутствовали мне, удивляя меня, и передо мной возникал образ творца этих неповторимых звуков, который был и близок и далек мне, — я представлял его живущим за рекой, которая протекала под моими окнами.

Мы сблизились в двадцать девятом — тридцатом годах, когда Тициан Табидзе вошел в пору поэтической зрелости и уже не пересаживал «цветы зла» Бодлера в «сад Бесики». Он со всей искренностью включился в новую жизнь родной страны, и его поэтический голос радостно вливался в грузинскую советскую поэзию.

Нашему сближению предшествовала одна совершеннейшая случайность, которая полностью изменила мое отношение к творчеству Тициана Табидзе, окончательно сделав его поэзию любимой и близкой мне.

Осенью 1928 года, около двух часов ночи, я с одной моей приятельницей поднимались по Чавчавадзевской улице. В самом начале подъема мы догнали Тициана Табидзе, возвращавшегося домой, по-видимому, с очередного дружеского ужина. Он был в приподнятом настроении и очень обрадовался нашей встрече. В ту пору он был уже несколько тучноват и утерял свой прежний облик, но был очень своеобразен и резко выделялся своей наружностью на фоне тогдашнего Тбилиси. Большие голубые глаза с тяжелыми веками казались несколько выпуклыми, и какое-то незаконченное, детское выражение сквозило иногда на его полноватом лице. Чуть поредевшие волосы, подстриженные спереди легкой челкой, спадали на высокий лоб. Челкой и своей характерной полнотой он напоминал образы, запечатленные на картинах Ганса Гольбейна, и всем своим внешним обликом с первого взгляда походил на людей с полотен эпохи Ренессанса.

Он любил прогуливаться по проспекту Руставели, беседуя с друзьями. Часто останавливался, уточняя узловые темы беседы. Или же шел один — широкими старательными шагами, словно шаг за шагом следуя за караваном верблюдов в пустыне. Посторонний прохожий не мог не задержать на нем своего взгляда. В петлице у него всегда красовалась алая гвоздика. Одной рукой он то и дело подбоченивался на ходу, в другой же, казалось, только для того и держал папиросу, чтобы дать возможность полюбоваться своими длинными, красивыми пальцами. Тициан был связан с родным городом не только духовно, но даже внешне — он сам был неотъемлемой и органической его частью, а традиционное ежедневное появление поэта на улицах города всегда казалось необходимым и естественным проявлением городской жизни. Тициан Табидзе был украшением своего Тбилиси.

Таким мы увидели Тициана в ту ночь на подъеме улицы Чавчавадзе. То ли из симпатии к моей спутнице, то ли по внутреннему побуждению или же из желания поразить меня поэт захотел во что бы то ни стало прочесть нам свои новые стихи. Мне и раньше приходилось слушать его, но его манера чтения не очень нравилась мне, я находил, что читает он слишком лихорадочно и немелодично. Казалось, от такого чтения стихи делаются аритмичными, у строчек как бы стесняется дыхание. Его чтение походило на его походку, на то, как он носит свое тело, на его чуть развинченные движения. Но совсем иное открылось мне на подъеме Чавчавадзе. Тициан сделал несколько шагов и остановился перед находившейся тогда на той улице фотографией «Се-го-кю», он повернулся лицом к проспекту Руставели и с увлечением начал читать свои новые стихи. Голос его

звучал бархатисто-мягко, и весь его облик сделался удивительно красивым. Вдохновение поэта четвертым спутником присоединилось к нашему ночному бдению.

Тициан прочел стихи: «Иду со стороны черкесской...», «Не я пишу стихи...», «Илаяли», «Ликование», «Окроканы», «Если ты — брат мне...», «В Кахетии». Он стал уставать, силы убывали, но не убывало обаяние поэта, — стихи соколиной стаей неслись в притихшее пространство.

Моя спутница восторженно заговорила о стихах, но чтение ей не понравилось. Во мне же стихи и манера их чтения вызвали неожиданный восторг. В прочитанных стихотворениях чувствовались и необычайный лирический напор, и глубочайшее напряжение чувств, и внутреннее горение. Неукротимые чувства распирали грудь поэта, и так как он не умел вовремя совладать с ними, дать им выход наружу, они точно грозились разорвать его грудную клетку. Стихи светились внутренним ясным светом, словно они вобрали в себя и подчинили себе все житейские волнения; необходимые для выражения чувств ударения оказывались расставленными правильно, органически вытекали из напряженного духа стихов и настроений, бушующих в сердце поэта.

Патриотическое чувство было выражено в стихах по-новому, оно проявилось в живых образах: оно как бы опиралось на точно обозначенные географические места — песня возникала из природного лона Тбилиси, Окрокан, орпирских лугов, кахетинских виноградников, Дарьяльского ущелья, мухранских полей и Ананурского замка. Места эти как бы придвинулись к нам, — подъем улицы Чавчавадзе, где мы стояли, казался богаче и многокрасочнее. Трагические ноты слышались в стихах поэта, но они не мешали ему любить жизнь, — стихи были проникнуты надеждой на будущее, они обостряли желание борьбы за лучшее будущее.

После этого вечера творчество Тициана Табидзе стало для меня близким, его поэтические устремления сделались понятными и ясными. С тех пор всегда, когда я читаю его стихи, слышится мне, как звучит живой голос Тициана, — словно продолжается тот далекий вечер.

В начале тридцатых годов, когда мы еще больше сблизились, Тициан не раз говорил мне, что если бы он не написал эти стихотворения, то не мог бы считать себя истинным поэтом и что все написанное до них было лишь подготовкой к ним.

Своеобразие творческого дарования Тициана Табидзе с наибольшей полнотой раскрылось после двадцать пятого года. Стихи о любви и о родине, написанные в эти годы, создали ему всесоюзную славу.

Поэтический порыв и обаяние всегда сопутствовали сильно драматизованному, приподнятому поэтическому голосу автора, написавшего знаменитое «Не я пишу стихи. . .». Поэтическая песня извлекалась из самой глубины сердечной и сливалась с величественной природой Грузии. Тициан Табидзе первым обратился к советской Грузии со словами: «И горы твои красивы, и доли красивы, и кого же так обожгла эта красота горячими угольями, как меня!» Эти строки потом часто перепевались многими нашими поэтами. Любовью к родине согрел он собственное творчество, и этой любовью питал он свои стихи.

У Тициана Табидзе как у мастера слова, возможно, и не было того свободного дыхания, каким обладают Галактион Табидзе, Георгий Леонидзе или Паоло Яшвили; у него нет той кованости и завершенности, как у некоторых мастеров слова его поколения; но ему было присуще необычайное лирическое напряжение, порыв, доходящий до самоотречения, и поэтому строки его обладают поразительной емкостью чувства. В грузинской поэзии тех лет я не знаю поэта такого драматического накала. Он точно кровью исходил, когда писал стихи, — все раны его были открыты; и чаша радости была им испита до дна. Поэта волновали грузинское солнце и грузинская земля, и он до самозабвения подчинялся предмету своих песен. «Я родился, чтобы быть рабом и носить ярмо Грузии», — говорил он и сжигал свое сердце на жертвенном алтаре отчизны. Только он один мог сказать, прославляя родину:

О город мой, я тайн твоих угадчик
И сторож твой, и утром, как меньшая
Из тьявкающих по ночам собачек,
Стихами с гор покой твой оглашаю.

К его самоотверженному настроению примешивалось восторженное, радостное чувство:

Поют родные горы хором.
На смерть меня сейчас пошли —
Я даже и тогда с укором
Не упрекну родной земли.

Тициану Табидзе с ранних лет была присуща какая-то особая тревожная интонация, которую поэт сам называл «гадавардна», что означает: «бросаться очертя голову», «окунуться». Это считал он главным, основным свойством поэзии, и свой поэтический мир он развивал в этом направлении. Эта особенность его творчества не

была непосредственно связана с его личной биографией, не имела, так сказать, биографической основы.

Он был человеком жизнелюбивым, приветливым. И личная жизнь его была полна счастья и удач. Иной раз он бывал придиричив в своих отношениях с друзьями, но и эти наивные капризы были привлекательны и красили его. Очень было развито в нем чувство юмора, он смеялся заразительно и долго и в ответ на остроумную шутку иной раз хохотал до слез. За увлекательной беседой он мог просиживать ночи напролет. Несмотря на все это, в поэзии он сохранял сильно драматизованную интонацию: «бросание очертя голову» он считал движущей осью лирической поэзии в целом и одной из основных черт своей собственной поэтики. Поэзия представлялась ему свойством драматизованной души, и стихи для него были необходимой пищей на жизненном пути:

Да, скажет, был у нас такой несчастный малый
С орпирских берегов — большой оригинал.
Он припасал стихи, как сухари и сало,
И их, как провиант, с собой в дорогу брал.

Внутреннюю самоотдачу поэта и песню навзрыд называл он самой природой поэзии. Вот почему он писал: «Стихи я зову лавиной, что увлечет с собой и заживо схоронит». Трагедия была возбудителем его творческого процесса. Творческий процесс тем и отличается от обычного хода жизни, что поэтический «прострел» пронизывает художника, и стихи сами закипают в груди:

И казалось мне, что нить от стихов
Держала в своих руках сама бессонная ночь.
Ударил ливень с плеском и пеной,
И стих промчался прострелом и прохватил меня.

(Подстрочный перевод)

И подобно тому как, говоря словами народной песни, «не придет насильственно любовь», так насильственно не родится и стихотворение. Оно должно нагрянуть как лавина и хлынуть изнутри.

Поэтическое слово живет особой жизнью, и счастье, что это слово может стать затравкой для души будущего поэта и найти у него приют и защиту. Так связывает себя поэт духовно с будущими поколениями. Таким высоким гуманизмом отмечены поэтические устремления Тициана Табидзе.

Таким образом, каждая его строчка является плодом мучительных раздумий и внутреннего горения. «Кого так обжигают горячие уголья?» — обращается к читателю поэт, творчество которого про-

низано каким-то трагическим предчувствием, каким-то тревожным настроением.

Тициан Табидзе однажды говорил мне, что не раз он упускал вдохновение, т. е., будучи в настроении писать стихи, сдерживал себя и не писал их. На мой недоуменный вопрос он отвечал, что рождение стиха для него равносильно потоку.

Этим объясняется, что стихи Тициана Табидзе не отмечены тщательной шлифовкой. Каждое его стихотворение написано точно на одном дыхании, и потому в них встречаются неотделанные, глухие строки и «хромые рифмы». Но и это характерное свойство его творчества не является недостатком. Это свойство он возвел в принцип собственной поэтики: «Я так пою, что стих не может ждать обработки». И как бы добавляет вдохновенно:

Иду, шествую и пою,
С собой я несу мечту Грузии,
Я необструганный ствол тростника,
Что поет и без прикосновения губ.

(Подстрочный перевод)

Стихотворение — это крик души, поэзия — «необструганный тростник», поющий сам по себе в лоне самой природы, без чьей-либо помощи. Тициан Табидзе полагал, что как только поэт начинает чрезмерно обрабатывать и отделять стихотворение, оно теряет свою непосредственность и отдаляется от подлинника — души поэта.

Тициан Табидзе — автор множества прекрасных литературных статей, но при жизни он не успел высказать в печати всего. В дружеской беседе или в ходе дискуссии мне не раз приходилось слышать его высказывания о современной поэзии. В Тбилиси или в поездках по Грузии, а позднее — в Москву, Ленинград, Киев, Минск или в Ереван, часто бывая вместе, мы много говорили о поэзии. И эта моя статья как бы воскрешает наши прерванные споры и беседы и является их продолжением.

Главной областью поэзии Тициан Табидзе считал лирику, а это для него означало, что в лирическую поэзию не должны вторгаться качества художественной прозы или других видов искусства. Он утверждал, что в лирике не обязательно обилие сравнений, метафор и так называемых приемов живописи, а также излишняя музыкальность.

Тициан Табидзе утверждал, что живописность или чрезмерная мелодичность мешают решению основной задачи лирической поэзии, что лирическое стихотворение — это крик души автора, и этот крик должен быть выражен искусством слова, крылатой фразой, интона-

цией и вообще приемами одной лишь поэтической речи. Точно так, как существует независимый музыкальный язык, так же существует и поэтический язык, и интонация — специфика искусства слова.

Он полагал, что поэтический образ должен возникнуть на основе интонации. Интонацию он называл «внутренней напевностью». Главной опорой поэтического образа Тициан Табидзе считал как раз эту «внутреннюю напевность». Он утверждал, что непосредственное впечатление, горение души поэт должен выразить сразу же — внутренней напевностью, одним дыханием.

Разумеется, говорил он, можно заранее выдумать отдельную метафору или сравнение, можно сохранить их в памяти, в запасе, и впоследствии использовать их, но чувство теряет от этого свою первоначальную чистоту и поэтическое творение в целом лишается непосредственности. Вот почему он уподобляет поэта необструганному тростнику, поющему в природе без прикосновения губ.

В своем поэтическом творчестве он избегал сравнительных союзов, вроде «как», «подобно». Он не говорил, что стихотворение обрушивается, *как* обвал, или схватывает, *как* прострел, а говорил: «Стих я называю обрушившимся обвалом» или еще: «Стих схватывает прострелом». Такой поэтический путь ему представлялся возрождением традиций классической поэзии.

Я и в те времена очень ценил поэзию Тициана Табидзе, но не разделял некоторых его взглядов на поэзию, тем более что в своей поэтической практике он и сам не всегда последовательно претворял в жизнь свои взгляды.

Я соглашался с ним и согласен теперь, что широко взятое понятие интонации является основным свойством поэзии; интонация — душа поэтического слова, но я и тогда думал и теперь полагаю, что умеренное вторжение в поэзию свойств живописи и музыки не является большой погрешностью. Более того, живописный образ мне всегда представлялся неотъемлемым свойством поэзии. Разумеется, свойства других искусств должны входить в лирическую поэзию так, чтобы они превращались в язык поэзии, и в этом смысле не должны являться повторением языка музыки или живописи.

Я всегда стоял за расширение рамок лирической формы и отстаивал необходимость вторжения элементов высокой прозы в поэзию. Поднявшаяся на высокую ступень лирическая поэзия не избегает ни описаний, ни поэтического повествования. Если в творчестве присутствует подлинное волнение, они указывают на уровень поэтической культуры, но отнюдь не на ее вырождение.

Для меня, например, «Моя молитва» и «Сумерки на Мтацминда» Н. Бараташвили — равноценные лирические шедевры. В первом из

этих стихотворений нет ни описаний, ни метафор, ни сравнений, это — чистое излияние души. В «Сумерках на Мтацминда» есть и описание природы, и элегические и философские размышления. Точно так же отличаются друг от друга стихотворения Пушкина «Я вас любил...» и «19 октября», но оба они — шедевры поэзии. В то время как в стихотворении «Я вас любил...» нет ни одного сравнения, ни одной метафоры и даже внешнего поэтического рисунка, в стихотворении «19 октября» есть все: воспоминания, описание, метафоры, живописные картины и даже портретные зарисовки нескольких друзей. Рамки лирического мира в этом стихотворении расширены и доведены до грани поэтической эпики. В него вторгаются элементы художественной прозы, однако все подчинено мощному лирическому голосу и свойства художественной прозы возведены в лирическую степень.

Не отрицая, что непосредственные впечатления могут быть сразу закреплены поэтическим словом, я все же уверен, что лирическая поэзия становится совершеннее, когда полученные жизненные впечатления созревают в душе поэта, когда происходит отбор и они становятся воспоминаниями, т. е. входят в духовную биографию художника. Художественное обобщение хранимых в душе впечатлений служит опорой реализма в поэзии. Именно так происходит непосредственное, гармоническое слияние поэтической мысли и чувства. И как раз в этом вижу я восстановление классической традиции.

В поэзии Тициана Табидзе поставлено много важных вопросов. Он пребывал в постоянных поисках и в творческой борьбе. Но прежде всего он был поэтом, а не теоретиком. Взгляды его на поэзию менялись с течением времени; они развивались и видоизменялись в ходе жизни и литературной борьбы. Важно то, что Тициан Табидзе всегда стоял на собственной позиции, защищая собственные взгляды, духовно мобилизуя тем самым всех участников спора. Он не терпел застоя, не прощал невежества и отсутствия поэтической позиции. Своими острыми выступлениями поэт вносил постоянное оживление в наш литературный быт; он увлекал своим юношеским задором, живой трепещущей мыслью.

Тициан Табидзе был одарен острым критическим чутьем и обладал очень развитым вкусом. Он шутя говорил о себе: я не ошибусь в оценке стиха и, подобно крестьянке, рассматривающей яйцо на луч света, проникающего в щель, и точно определяющей его годность, я просматриваю на свет напечатанные стихи и тотчас же определяю — годны они или нет.

Во всем и везде Тициан Табидзе сохранял свой собственный стиль. Он отличался от других и манерой письма, и своим внешним

обликом. Он был простой и какой-то домашний, отрицал всякую манерность и в этом отрицании выработал стиль — неподражаемый артистизм своей жизни и своего творчества.

Беседовал и спорил он также по-особому, по-своему. Вступая в спор, он говорил так же, как ходил, — чуть развинченно, как бы раскачиваясь. И с первого раза порою казалось, что его речь композиционно бессвязна, но от внимательного слушателя не ускользал напряженный ход мысли поэта, его большая литературная эрудиция, глубокая любовь к поэзии. Он был хороший полемист, но иной раз как бы спотыкался, и у слушающего создавалось впечатление, будто ему больше нечего сказать, и слова вязнут во рту, и оратора затягивает безнадежный омут. В ожидании неизбежной опасности слушатель замирал в страхе. И как раз в самый напряженный момент поэт нащупывал брод, делал бросок, преодолевал омут и выходил на берег, неожиданной крылатой фразой выплескивая сверкающую мысль, — и вся его речь озарялась светом, все становилось понятным; у слушателя вырывался вздох облегчения, и мысль поэта радостно заливала его.

Так он поступал и в поэзии: ударом неожиданной строки он приводил читателя в восторг и навсегда подчинял его себе.

Несмотря на то что Тициан Табидзе на словах отрицал необходимость живописной образности в поэзии, в его произведениях немало живописных картин, отмеченных печатью высокого искусства:

Под ливнем лепестков родился я в апреле,
Дождями в дождь, белея, яблони цвели.
Как слезы, лепестки дождями в дождь горели. . .

Еще более блистательную картину создал он в следующих строках:

На миг над Гомборами взойдет луна,
И Горгасал своим мечом отодвинет ее.

(Подстрочный перевод)

Прекрасный метафорический рисунок создан Тицианом Табидзе в стихотворении, посвященном Тамуне Церетели. Он как бы видит ее на фоне родины, где сохранились руины древней крепости:

Тебя не зная, звал я. Так Тамарой
Томился Врубель. Ты осенена,
Как крепость Моды-Нахе, древней чарой,
Как сломанное облако нежна,

Касается тебя мое томленьё
Нежней, чем крылья Демона. . .

Подобные удивительные поэтические прозрения разбросаны по всему его поэтическому миру.

Поэт вносил в стихи с большой сдержанностью подробности своей жизни, то умышленно приземляя их, то видя свою биографию как бы в романтическом свете и связывая ее с героическим прошлым своего народа. Он как будто только потому и воспевал Тамуну Церетели, что в краю, где она жила, находилась старинная крепость Моды-Нахе и под сенью ее древних стен он мог дать большой простор своему вдохновению. И потому любовь поэта к девушке облечена в такие романтические одежды и отношение его к ней полно нежной робости и рыцарской самоотверженности:

Я бьюсь о камни брошенной форелью.
И жабры вырваны. Введен курок.
Я пули жду. И сердце стало целью.
И смерти не избегнуть. Близок срок. . .

Он самоотвержен и трагичен и в любовной лирике, однако в отношении любимого существа он почтителен и сдержанно нежен. Неподдельной скромностью окрашены чувства поэта, и он издала, как бы в обход, начинает свой душевный монолог. Для того чтобы поведать читателю о своих чувствах, он переносит свой монолог на лоно величественной природы, под тень развалин древней крепости. Он никогда не врывается в любовную тему одержимый обнаженной страстью, хотя и переполнен чувством любви и любовь для него «нахлынувший поток слез». Возлюбленная ранила его насмерть, но смерть он свалил на разбойника: «. . .меня разбойники убили за Арагвой, ты в этой смерти неповинна», — освобождая этим свою возлюбленную от гнетущего чувства раскаяния и проявляя свою рыцарскую безропотность.

Он более романтичен и застенчив в своей любовной лирике, чем Паоло Яшвили, Георгий Леонидзе, Иосиф Гришашвили. В поэзии Тициана Табидзе любовь служит возвышению и облагораживанию души, и она — основа патриотических чувств. И патриотические и любовные чувства в его поэзии облечены в романтические покровы. В стихах, проникнутых патриотическим чувством, он более оптимистичен и радужен. Это чувство связало творчество поэта с новой жизнью. Его стихотворения «Орпирский комсомолец в Кремле», «Новый Мцхет», поэма «Рион-порт» родились под грузинским солнцем в

советское время. Прекрасно выразил поэт свою любовь к отечеству в лирическом шедевре «Родина»:

Горы и доли твои ненаглядные
Издавна слыли подобием рая.
Взглянешь — пылают сады виноградные,
Взглянешь — и глаз не достанет до края.

Ночь — молоко голубое олене,
День позолочен кизиловой ягодой.
Где-то черкешенки жнут в отдалении,
Сладко тучнеют могучие пахоты.

Поэт немало стихов посвятил своему Тбилиси. В прекрасном поэтическом цикле показано и воспето своеобразие древнего города, причудливо сочетающего в себе старину и новь, — передан его неповторимый колорит, его дух, его облик. С любовью к Тбилиси связана у поэта и любовь к замечательному питомцу этого города — Нико Пиросмани, раскрывшему в живописи именно то, что так увлекало и завораживало поэта.

Воспевая возрожденную Колхиду, новое, социалистическое строительство Грузии, поэт вплетал в художественные картины воспоминания о своем детстве, как бы делая это детство свидетелем и соучастником наших дней. «Сбылись мечты моего детства, и я вижу пароходы, идущие по Риони. Они пройдут мимо моего двора и кинут лучи Советов к нам. . .» С таким искренним, душевным чувством воспевал он советскую родину. Новая Колхида как бы стала уголком социалистического строительства, вошедшим в личную биографию поэта, и поэтическое слово об этом уголке носит на себе черты особенной заинтересованности и вдохновения. Эта новая радость, ворвавшаяся в поэзию Тициана Табидзе, была результатом экономического и культурного возрождения Грузии. Поэт воочию увидел это восхождение родины на новую высоту:

Разве мы раньше работали мирно —
Правды, труда и свободы сторонники?
Вырви хоть день из неволи всемирной,
Перелистай наши древние хроники.

Счастливая жизнь родного народа вдохновляла поэта на новые песни, чувство братства народов пускало глубокие корни и в его сердце. Поэт прочно встал на позицию социалистического реализма.

В стихах «Александру Пушкину», «Дагестанская весна», «Багдадские небеса», «Мать и сестры Владимира Маяковского» и в

цикле, посвященном Советской Армии, поэт выразил благородное чувство дружбы народов не в декларативных призывах и не во внешнем пафосе, а в лирических песнопениях, с проникновением в суть советской действительности. Любую тему Тициан Табидзе воспринимал под своим творческим углом зрения. Он умел находить ее лирическую основу и давал нам почувствовать интимную близость к предмету своего воспевания. Так, например, обращаясь к Пушкину, он нашел в самой поэзии его — в строках «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной» — исторические корни дружбы между русским и грузинским народами:

И по Грузии прозвучал тот голос печальный,
Что пела тебе грустная грузинка,
И слышны и гул призывов, и слово,
И сердце в груди не умещается, так бьется оно сильно.

(Подстрочный перевод)

Тициан Табидзе любил упоминать в своих стихах античных писателей, древних путешественников, привлекать древние мифы, любил вносить ассоциации, вызванные известными в литературе художественными образами, поэтизировал исторические памятники и географические названия, щедро упоминая их. Но это не накладывало на его стихи печать книжности. Весь этот материал был подчинен сильному, напряженному лирическому голосу поэта, его искренней, задушевной песне. Если, художественно отображая нашу современность, поэт упоминал Гиппократ или, переносясь в Дарьяльское ущелье, чувствовал касание крыльев лермонтовского или врубелевского Демона, он тем самым придавал широту и смелость собственному лирическому голосу. В поэзии Тициана Табидзе, как в единой семье, живут орпирские колхозники и Мцыри Лермонтова, Григол Орбелиани и Гиппократ, Пиросмани и Ануш Ованеса Туманяна.

Тициан Табидзе был неутомимым деятелем грузинской культуры и, как говорил он сам, старательно нес это почетное звание. Темные силы рано оторвали его от нашей действительности и вырвали его неукротимую творческую жизнь из жизни нашего народа. Множество замыслов его осталось неосуществленными. Много необнародованных страниц пропало. Поэт не успел полностью раскрыть свои возможности. Но все, что исторгалось из его взволнованной груди, навеки вошло в сокровищницу советской культуры и духовных богатств грузинского народа.

Автор этих строк не принадлежал к числу ближайших друзей Тициана Табидзе, биографически с ним связанных. Между нами

была возрастная разница в десять лет. Наше поколение иными путями входило в литературу. Но Тициан Табидзе любил молодежь, любил дружеский спор с нею. И для меня было заманчиво находиться в обществе автора «Илаяли», вести сердечную беседу и оживленный спор с ним. У нас было много общих друзей в Москве, в Ленинграде, в Киеве, Ереване. Немало дней провели мы в поэтических спорах с ними.

Как и всякому подлинному поэту-художнику, Тициану знакомы были приступы сомнения, и тогда он напряженно думал о том, как будет воспринято его слово, вызовет ли оно отклик и сочувствие у широкого читателя. Часто в разгаре дружеского пира он любил читать наизусть тютчевские строки:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Наша последняя встреча была также дружеской, хотя и необычной. Я привык его видеть обрадованным жизнью и поэзией. Мне передали, что, оклеветанный, он мечется дома, окончательно потерял покой и с каждым часом тает, как восковая свеча. Я тотчас же пошел к нему — хоть на несколько часов отвлечь его от мрачных мыслей, облегчить его страдания, вызванные напряженным ожиданием надвигающейся беды, о приближении которой он судил по многим неоспоримым признакам. Он очень обрадовался моему приходу. Вскоре он увлекся беседой и прочитал мне несколько еще не напечатанных своих стихотворений. Мы говорили о поэзии, вспоминали наших общих друзей. Муза его поэзии, его Колумбина, неразлучная спутница его жизни Нина Макашвили участвовала в нашем бдении и благодарным взглядом смотрела на меня. Это была наша последняя встреча. Когда я уходил, Тициан проводил меня до середины лестницы и с грустной улыбкой попрощался со мной. С тяжелым чувством вышел я от него и зашагал по спуску улицы Чавчавадзе.

В Тбилиси вступала осень, и на чинарах вдоль проспекта Руставели шелестели усталые листья. То была, как оказалось, последняя осень в жизни Тициана Табидзе.

В тяжелые годы господства культа личности Тициан Табидзе, так искренне и с такой полной самоотдачей служивший своему народу и революционным социалистическим идеалам, был оклеветан и пал жертвой бесчеловечного произвола в 1937 году.

Симон Чиковани

ПОЭЗИЯ ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

1

Тициан Табидзе учился в одной гимназии с Маяковским, одновременно с ним, но был моложе его года на два. Друзья Тициана — поэты-«голуборожцы» — тоже бывшие кутаисские гимназисты. Они уже подростками мечтали о «перевороте» в грузинской поэзии. Революция 1905 года, революционная поэзия этих лет наложили свой отпечаток на их мечты. Об этом говорят страницы «Из автобиографии». Подробнее поэт рассказывает о том времени в статье «Встречи с Маяковским»,¹ вспоминая бурлящую атмосферу революционного Кутаиси — студенческие волнения, демонстрации, наэлектризованные пафосом революции спектакли в Кутаисском драматическом театре. И прокламации, и стихи, похожие на прокламации, и неудержимое желание — писать такие стихи.

Спустя несколько лет Табидзе будет писать серенады весне, элегии в честь дочери колхидского царя Аэта — Медеи, — стихи, исполненные печали, томительных предчувствий, горьких воспоминаний. Наступившая после поражения революции 1905 года полоса реакции в Грузии была особенно долгой и беспросветной. Ее усугублял усилившийся национальный гнет — российское самодержавие жестоко подавило вспышки национально-освободительной борьбы, которая была неотделима от революционных событий 1905—1907 годов в Закавказье.

С 1913 по 1917 год Тициан Табидзе — студент Московского университета.

¹ Сб. «О Маяковском. Дни и встречи». Тбилиси, 1963, стр. 47—53.

В 1915 году, вернувшись домой, в Кутаиси, Табидзе с группой друзей-поэтов организует «школу» грузинских символистов «Циспери Канцеби» («Голубые роги»), в которую кроме него самого вошли Паоло Яшвили, Валериан Гаприндашвили, Колау Надирадзе. . .

В своем выступлении на творческом вечере в Москве в мае 1937 года Тициан Табидзе вспоминал то нелегкое для молодых грузинских поэтов время, когда их борьба с эпигонами писателей далекого и недавнего прошлого не встречала сочувствия со стороны поклонников твердых поэтических авторитетов.

Голуборожцев иногда называли и футуристами.

По этому поводу Табидзе писал в статье, носившей характер своего рода литературной программы, напечатанной в журнале «Голубые роги»: «Невежество пустило против нас словечко «футуризм». Слово это должно было сыграть роль камня, предназначенного нас повалить. Конечно, мы всегда имели в виду, что символизм выступает в Грузии в тот момент, когда в других странах он из школы борющейся стал школой академической. . . и сейчас выступает новая школа футуризма. Однако это ничуть не меняет положения. Европейский футуризм продолжает дело Малларме. Есть ли это углубление символизма или начало футуризма — это все равно. Одно во всяком случае бесспорно: футуризм никогда не сможет отказать символизму в тех культурных и эстетических достижениях, какими он обогатил мысль». ¹

В это время русские футуристы уже видели в символистах противника, они выступали против мертвенности символизма, равно как и против натурализма в искусстве. Для Тициана Табидзе и его друзей — голуборожцев — не было существенной разницы между программой «новой школы футуризма» и «старыми» символистами. Блок и Бальмонт, французские «проклятые поэты» — «идолы святейшего искусства» — будили в них жажду яркого и многокрасочного, удивительного, непонятного слова, которое своим веселым танцем свело бы с ума тусклое зрение обывателя, — и это сближало их с поисками нового, небывалого слова, провозглашенными Хлебниковым и Маяковским. Демократическое искусство XIX века голуборожцам представлялось чрезмерно озабоченным общественными вопросами; позднейшие последователи его утрачивали свойства настоящего искусства, подменяя насыщенную гражданским пафосом подлинную поэзию, звучавшую в творчестве Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, «какофонией гражданской шарманки». Но ведь об этом писал и Мая-

¹ Цитирую по кн.: В. Гольцев. Статьи и очерки. М., 1958, стр. 343.

ковский еще в 1914 году: «Из писателей выживают чиновников просвещения, историков, блюстителей нравственности... Вот с этим очиниванием, с этим канонизированием писателей-просветителей, тяжелою медью памятников наступающих на горло нового, освобождающегося искусства, борются молодые». ¹

Так же как и романтизм, символизм был для голуборожцев литературным понятием достаточно неопределенным, неким литературным настроением. «Эту школу, — писал Тициан Табидзе в предисловии к сборнику произведений Важа Пшавела в 1927 году, — главным образом характеризует отрицание натурализма, переоценка формальных ценностей, что же касается того, что она опирается на символы, то еще французский критик Реми де Гурмон прекрасно доказал, что на символы опиралась вся античная литература и даже литература средневековья». ² Решающее значение имело стремление усвоить новейшие открытия в области поэтической формы, известные русской и европейской (французской, бельгийской) литературе, а также общее романтическое настроение.

Объясняя необычное название школы — «Голубые роги», Табидзе указывал на то, что в словах этих выражено «подлинно грузинское миросозерцание». Роги, из которых пьют вино, — характерная принадлежность грузинского быта, а «голубой цвет — это цвет романтики». «Философский идеализм нашел в голубом цвете свой выход...» — пишет он и тут же подчеркивает характерную особенность этого «идеализма»: У голубого цветка в Грузии стебель всегда был красный. Для Грузии земля и небо никогда не были в разрыве». ³

В силу своего запоздалого развития грузинский символизм не избежал влияния не только футуризма, но и более поздних декадентских течений — вплоть до сюрреализма и дадаизма.

Как и русские футуристы, голуборожцы, несомненно, вкладывали бунтарский смысл в те преобразования, которые они стремились произвести в поэзии. Разумеется, это была прежде всего «революция» в области поэтической формы.

В поэтической практике голуборожцев грузинская поэзия обогащалась изгнанными из употребления или доселе не использованными, часто «антиэстетическими» словами и образами; разомкнулся круг поэтических тем, совершенствовалась система стихосложения. Немалую роль во всем этом сыграла работа над переводами рус-

¹ В. В. Маяковский. Два Чехова. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1939, стр. 336—337.

² Т. Табидзе. Статьи. Очерки. Тбилиси, 1957 (на грузинском языке).

³ Цитирую по кн.: В. Гольцев. Статьи и очерки, стр. 349.

ских и французских поэтов. На развитие грузинской поэзии ближайших лет голуборожцы оказали ощутимое влияние. При их содействии грузинская поэзия теряла свою национальную замкнутость. В творчестве голуборожцев сказались более широкие и общие тенденции развития европейской поэзии начала XX века с ее достоинствами, но и противоречиями тоже. Главное, решающее влияние принадлежало русской поэзии.

В письме к Андрею Белому Тициан Табидзе писал 16 июня 1929 года: «...Нас осеняет величие русской поэзии, трепет которой мы осознали, как только сознали жизнь... Но Вы помните, как И. Анненский в своих «Книгах отражений» писал, что его поколение «прошло сквозь Гоголя и Достоевского»; мучительно приятно, что и дальше мы проходим сквозь А. Блока и А. Белого... Как будто после Вас мы во второй раз родились для поэзии. А до этого пребывали в восточной лени и в омархаямизме; если в этом и есть поэзия, все же она не одухотворена страданием мысли, чему мы и весь мир обязаны русской поэзии. Удастся ли когда-нибудь передать это чувство, когда мы первый раз почувствовали, что нас задел славянский вихрь творчества, во всяком случае, еще упорнее думаю закончить книгу этого трепета».¹

Поэтическую зрелость Тициана Табидзе знаменует этот «трепет», эта одухотворенность поэзии, это «страдание мысли», открытое миру русской литературой.

Раннее творчество Тициана Табидзе (1911—1921) безусловно отмечено печатью декаданса, однако неверно видеть в нем лишь подражательство русским и французским символистам. И в эти годы Табидзе не отказывается от национальных традиций грузинской литературы. Человек большой поэтической культуры, он сочетает национальное грузинское начало и новые, большей частью иноземные веяния. Эту неоднородность своей поэзии он чувствовал превосходно:

Розу Гафиза я бережно вставил
В вазу Прюдума,
Бесики сад украшаю цветами
Злыми Бодлера...

Многочисленные литературные, «вторичные» образы и поэтические мотивы в ранних стихах Табидзе перемежаются не только полумифическими видениями далекого прошлого грузинского народа — «тенями Халдеи», но и непосредственными жизненными впечатлениями

¹ ЦГАЛИ.

и личными переживаниями — тоже. Он ощущает грань, огделяющую его творчество от слепого подражательства иноземным поэтам:

Чанги моя от стыда бы сломалась,
Если бы еле
Внятные слуху стихи под гитару
Вдруг зазвенели.

«В саду», где дурманит душу пряный яд «цветов зла» (намек на Бодлера), поэт себя чувствует ребенком, попавшим сюда по ошибке. Но, кажется ему, и «мир — огромный сад, где всё проклятье и отрава, где гибель — шаг любой». И поэт в этом мире — «всадник без доспехов».

Кто в этот сад впустил ребенка?
Кто душу городов
Исполнил ядовитым дымом,
Заставшим всё вокруг? ¹
...В пустыне я, но почему же
Я вижу свежий луг?

Это важный мотив дореволюционной лирики Тициана Табидзе, в которой ощутим, с одной стороны, глубокий драматизм и пессимизм, близкие поэзии XX века с ее урбанизмом и индивидуализмом, со свойственным ей трагическим восприятием мира; а с другой стороны, всегда присутствует, казалось бы, несовместимая с этим мироощущением, но характерная для Табидзе способность радоваться жизни и верить в нее.

Трагизм дореволюционной лирики Табидзе во многом обусловлен его представлением об историческом прошлом Грузии: неотделимы друг от друга личная трагедия человека и трагическая судьба родины; более того, суть личной трагедии — в этой исторической цепи нескончаемых народных бедствий. И вместе с тем оно так современно — его трагическое мироощущение, так характерно в поэзии той поры. Не забудем, что речь идет о 1914—1916 годах — о времени, когда дух истребления, бессмысленной и бесчеловечной жестокости распространился в мире, охваченном первой империалистической войной. В искусстве — не только в поэзии — царило смутное и тревожное ощущение близкой гибели насквозь прогнившего и утратившего устойчивость строя. Войны нет в стихах Тициана Табидзе, но во многих из них сказалось войною порожденное настроение. Поте-

¹ Подстрочный перевод: «Кто напустил дым от сгоревших городов в мою душу?»

рянность человека в жестоком, бессмысленном мире — в море крови и слез, в мире, похожем на балаган. Это не просто переключки с Блоком. Это — неприятие царства насилия, зла. Это — сознание трагической участи униженной, порабоженной в условиях двойного гнета — социального и национального — современной поэту Грузии, которой он противопоставляет величие своей мифической прародины — Халдеи. Прошлое обличает современность; оно пророчесствует, предвещая гибель тирании в стихотворении «Трепещи, Валтасар!» (1916). Живой, современный пафос гнева и ненависти звучит здесь — в строках о древнем, забытом. . .

Но мотивы гнева и мести тонут в горечи и печали. Из одного стихотворения в другое кочуют мотивы смерти, тоски, забвения: «Опять мне снится мертвая страна», «красны от крови реки», и тоскливо «веселье балагана», скользят «былого тени» «и черный вихрь — как черная печаль». «Сны Халдеи» напоминают о древней славе, о пройденных путях, о городах, когда-то знаменитых (теперь — «ничтожество и прах»).

Всю жизнь томлюсь по беспредельным
Путям. . . Далек мой путь. . .
Под солнцем пламенным Халдеи
Хочу навек уснуть. . .

В душе поэта «рыдает предков голос». Мифический облик прошлого накладывается на лик современной поэту Грузии: фантастическое соседствует с повседневным и не враждует с ним. «Маг-прародитель», возникший в томлении по Халдее, рисуется на фоне вечерней молитвы, которую читает священник-отец:

Астарте предок мой молился,
И в ладанном чаду
Отец возносит приснодеве
Дар сердца своего.

Мадонна в стихах Табидзе, как и Астарта, — образ поэтический. Нет и тени религиозности в этих «молитвах» — лишь следы неизбывного народного горя:

О, долгий путь и бесконечный плач наш
Над гробом собственным. Погост далек,
Но всех проклятий, всех угроз, палач наш,
И этот длинный путь вместить не смог.

И белый призрак над кортежем вьется —
Мадонна белая — пресветлый лик. . .

А пурпурному солнцу остается
Над морем слез — один недолгий миг.

Последний луч над горьким морем тает.
Горит звезда, как скорбная свеча. . .

В национальные мотивы вплетаются образы общеевропейского культурного обихода, от античной мифологии и Шекспира до городского фольклора. Так, в стихотворении с шекспировским названием «Бирнамский лес» в неожиданных, несовместимых сопоставлениях возникает фантастически-причудливый мир образов молодой грузинской поэзии: здесь встречаются Пьеро и леди Макбет, Артур Рембо и друг Тициана — Паоло Яшвили. «И Офелия, быстро взглянув, замечает, как пощечину звонкую вдруг получает бледный Гамлет от дерзкой руки Валериана» (Валериана Гаприндашвили, еще одного голуборожца). И все они — от «больных бесенят» и самоубийц «Артура» до «бледного Гамлета» — ничтожны, убоги, эфемерны, как «храм, возведенный на эшафоте». Жизнь в эту пору кажется поэту призрачной, жалкой, бессмысленной. Его сердце «плутает заблудившимся Пьеро» в «распльвшихся слезами снах о Коломбине». Пьеро в саду, где побывали Саят-Нова и Теймураз.

В ранних стихах Табидзе господствуют образы-маски. Он и в «Автопортрете» видит «профиль Уайльда», «инфанту невинную»:

Кто я? Денди в восточном халате,
Я в Багдаде в расстегнутом платье
Перечитываю Малларме. . .

Маска, поза, драматизированное переживание как бы отделяются от поэта — «в раме зеркала». В его стихах, особо от жизни, расцветает иной, субъективный мир отражений. Поэта манит музыка слова, влечет «странность» окружающего, текучесть, неопределенность, зыбкость образа-смысла, подчиненного одному поэтическому настроению. Вот он — на маскараде:

. . . Темно в глазах. А всё кругом горит —
Сгорает. Запах платьев ядовит.
Зал дышит алым бархатом и черным.
Звук скрипки небывало удрученным
Ко мне приходит, чтоб во мне открыть
Мне самому неведомые раны. . .
Нет имени тому, чего я жду
Сейчас смертельно-сладким ожиданьем. . .

...Зурна рыдает. Дикая танец гор
Показывают иностранцам.
Скор
И медлен танец...

Поэт погружен в эту странность субъективного, никому иному не ощутимого мира, в звуках танца он слышит свой «реквием печальный». Зал — «шумный, мертвый и немой». Двадцатилетний поэт пишет о безнадежности воспоминаний, о разочаровании, о смерти. Во всем этом бросается в глаза не ученическая подражательность, но осознанное стремление воссоздать общее поэтическое настроение, свойственное символистам, характер их стиха. Табидзе дается эта текучесть, эта подвижность образов, эта смятенность, несочетаемость представлений, и резкость контрастов, и неожиданность, и броскость метафор. Это все, выдвигаясь на первый план, часто затмевает поэтический смысл настолько, что уже и самый грагизм становится не более как приемом, поэтической формой, отлично усвоенной и все-таки самоцельной — ибо смысл ее в ней самой:

...Куда мы шли... Мы не шли — металась во мгле
Жеребенком напуганным. За нами на полном скаку
Тишина летела — темный всадник на высоком седле, —
Тишина летела и к груди прижимала тоску.
Казались седые вершины далеких скал
Сломанными крыльями усталого божества.
Небо ли умерло или земля, кто по кому горевал —
Горьким и медленным черным снегом покрывалась трава...

(«Князь Магог»)

Сквозь прием уже почти не проглядывает реальность — жизненная, психологическая основа этих драматических настроений.

Однако Табидзе недолго удерживается в рамках «поэтических», отрешенных от «земной» действительности, «бесстрастных страстей». В нем не угасает порыв к живой жизни, к реальному миру.

«Автопортрет», рисующий созерцательно настроенного, сибаритствующего «денди в восточном халате», который перелистывает «дивной лирики том невеликий», завершается решительным жестом:

Будь что будет, но, жизнь молодая,
Я объезжу тебя и взнуздаю
И не дам потеряться во тьме.

Наперекор «бесстрастной страсти», «увяданию необузданных чувств» рождаются в стихах Табидзе иные, изысканные, но живые и не бесстрастные образы, в которых материализуется, наполняется свежей поэтической эмоцией сама поэтическая банальность, где «ты — моих мучений нераспустившаяся роза»:

Душа о шип твой зацепилась.
Возьми ее, о сделай милость —
Она тебе не в тягость будет!..

С такими словами обращается к «Дальней» поэт, необычной деталью снимая традиционность образа.

Тициану Табидзе присуща иносказательность, но он умеет и живописать, создавая картины, не только полные чувства, но зримые, материально ощутимые, исполненные движения, цвета, звуков. Он видит «высохший лист платана», что «желтизною тяжелой вышит», и то, как «над куполом церкви старой спуют летучие мыши». У него «долина плачет от песни улетающей журавлиной» и «осень пьет за здоровье зимы, что вдали за долиной». Это жизненно емкий стих, вмещающий и настроение, и пейзаж, и бытовые детали:

... В сумеречную пору к душе подкрались печали, —
Они этот вечер, казалось, туманами укрывали.
Отец вернулся со службы, суббота глядит обновой,
Виден отблеск молитвы на седой бороде отцовой.
Глаза впиваются в сумрак, тонет во мраке местность,
Ураган, как ведьма, терзает вздыбленную окрестность.

(«Ноябрь»)

2

Невозможно видеть в раннем творчестве Тициана Табидзе только влияние декадентов, не замечая, что уже в эти годы в его стихах расцветает своеобразнейшая поэтическая индивидуальность. Однако рано еще говорить о сложившемся поэте, — с каждым годом Табидзе нащупывает новые темы и образы, находит новые оттенки в изображении реального, бесконечно близкого ему мира; его поэтический облик, обогащаясь, меняется буквально на глазах. И вместе с тем нельзя заметить в нем резкого перелома.

Поэт не в силах еще отказаться от книжности, от юношеской бравады, своеобразного вызова, намеренной грубости. Тени Халден и разбитые чувства угрюмо скорбленного Пьеро еще сопровождают его и будут сопровождать даже тогда, когда за ними возникает

отчетливый и реальный жизненный фон, проступит время, ворвутся в изысканный стих социальные страсти. Пьеро наденет красную шапку и на миг почувствует себя Гарибальди. Поэт еще смотрит на родину «из сумерек партера» и видит все тот же «старый балаган»; «еще стекаются с актерами фургоны. Раскрашенные, в блестях, сидят фигляры, фокусники, маги; борцы шагают в рост. . .». И скоро на этой сцене переменится репертуар.

Еще не изменились ни смысл, ни тон поэзии Табидзе, и даже не написан еще «Бирнамский лес», но в книге стихов «короля балагана», как он называет себя в эту пору, уже появился — созданный в ночь на 25 октября 1917 года — «Петербург»:

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный Всадник опускает руки.
Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предрешен.
Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон. . .

Надо себе представить политическую атмосферу в Грузии накануне Октября, чтобы оценить это стихотворение по достоинству. Захватившие власть в Закавказье меньшевики и эсеры враждебно встретили Октябрьскую революцию — победу партии Ленина. Они со дня на день ждали поражения петроградского пролетариата и разгона большевистских Советов. Лишь 25 февраля 1921 года контрреволюционное, националистическое правительство было свергнуто и в Грузии победила Советская власть.

Тициан Табидзе радостно принял революцию. «Стоять на стороне поколения, созидающего Октябрь, считалось тогда геройством в искусстве»,¹ — вспоминает он в статье о Котэ Марджанишвили. Заметную роль сыграло выступление Тициана Табидзе против армяно-грузинской войны, разжигавшейся меньшевиками, против их «македонского» метода решения национального вопроса. «В разгаре той войны я напечатал в газете «Сакартвело» открытое письмо Ованесу Туманяну, на которое он откликнулся пространным ответом, полным ненависти к зачинщикам этой братоубийственной бойни. Оба письма обошли тогда всю кавказскую прессу и были напечатаны на

¹ Т. Табидзе. Статьи. Очерки. Тбилиси, 1957 (на грузинском языке).

многих языках» («Ованес Туманян», 1923). Радостное это было время — «время революции, исполнения первых обетов»,¹ — писал Тициан Табидзе.

Но и тогда его стихи все еще звучали трагически. Правда, характер их существенно изменился. Это уже не был «плач над гробом собственным», и тени прошлого перестали заслонять от поэта реальную жизнь. В его стихах впервые возникла родина в очень будничном, почти бытовом аспекте. Не та замученная неволей, залитая потом и кровью страна, что в прежних поэтических картинах представляла как некий символ, — нескончаемый путь в слезах, — но реальный, гниющий в колхидских болотах Орпири. Деревня, вымирающая от малярии.

Образы еще были книжны:

Трупом Левиафана Орпири гниет.
Бродят аисты, пересекая болота.
Гнется ветвью душа. Средь рионских болот
Аист — как тонконогая тень Дон-Кихота. . .

И все же это родина, переставшая быть для поэта символом горя, обретшая плоть и кровь. Теперь он уже не рвется от нее в «сны Халдеи». Пусть пока еще «жабы Лотреамона» оплакивают «грязь эту, самую мощную в мире»:

Всё же всем пантеонам, земле Дидубё
Предпочту я прогнившее тело Орпири.

На смену литературным представлениям в поэзию Тициана Табидзе пришел глубокий, подлинный драматизм, увиденный в самой жизни, в судьбах односельчан. Стихи его полны сострадания.

Старый Орпири. . . Руины пристани длинной.
Лихорадит луну из-под туч навеса. . .
Плачут лягушки в болоте, спрятаны тиюю,
Будто душит чахотка их кашлем усталым. . .
. . . Луна влачится, тяжелым шурша одеялом.
Старая песня: безумный овященник и малярия.

Почти незаметно изменился характер образности, изменился в каких-то частностях. Луну «лихорадит», как лихорадило Колумбину;

¹ Т. Табидзе. Избранное. Тбилиси, 1960 (на грузинском языке).

лягушек душит кашлем чахотка. Тициан Табидзе остается в пределах прежних своих поэтических средств — он строит стих по особой, своей, поэтической логике: как бы развивая музыкальную тему, своего рода реквием старой жизни, мучительно повторяясь, звучит все одна и та же «старая песня» — «отец мой, безумный священник, и малярия». В трех стихотворениях этого маленького цикла: «Безумный священник и малярия», «Сатурн и малярия», «Священник и малярия в гробу» — возникает своеобразный поэтический образ прошлого, о котором Табидзе с горечью пишет в автобиографии: «У меня на глазах деревни вымирали от лихорадки и жители с проклятием оставляли насиженные места», — это о жизни, ставшей частицей его души — ее трагической нотой.

С юных лет только реквием слышу я, длящийся ныне.
Словно звезды по небу расселись лягушки-халдеи,
Мухи дохлые всюду мерещутся мне в паутине,
Паутина же к телу рубашкою льнет всё плотнее.

Судьбы родины... Счастье любви... Все живые
Чувства мной не забыты — поверьте мне в этом.
Но в глазах у других вижу очи отца я слепые —
Обо мне они плачут, навеки покинуты светом...

Человечески-грустный образ отца проходит как главная тема, как поэтический лейтмотив всего цикла. Это очень личный, глубоко интимный мотив, проникнутый чувством сыновним, неповторимым. Чувством горести и непростимой вины. «Когда чужие священники отца отпевали» —

Не был я в трауре,
Был только в черном, —
И вот я страдаю
Только за это.
Но трауром стала
Старая песня:
Отец дорогой мой — безумный священник —
И малярия...

Вместе с тем это образ уже далекий от личного, единственно своего — и «в глазах у других вижу очи отца я слепые...». Он оставил сына-поэта: в душе «растекаются пламенем грозы», он — поэт — вступает в свой поединок со смертью.

Поэт и его неплатный долг перед родиной, перед гибнущей от малярии деревней, перед отцом — «безумным священником», благоговейно чтившим всю жизнь русских шестидесятников-демократов, знавшим всего Некрасова наизусть, — так предстает, раскрываясь, поэтическая тема трех внутренне связанных стихотворений.

Начинается новый этап в творчестве Тициана Табидзе, поэта, чью душу сжигает незримый огонь трагически-страстных переживаний. В стихах 1919—1921 годов рождаются новые связи с жизнью, все еще очень тревожной, — это звучит у него везде: и в стихах о любви («Нине Макашвили», 1920), и в послании другу («Паоло Яшвили», 1921), и в размышлениях о поэзии («Чемпион сезона», «Орпирский златоуст»).

В «Орпирском златоусте» читателю брошено неожиданное признание — не насмешка и даже не вызов чистоплюям от литературы:

Хочу полюбить я поэзию, слово,
Дыханье Орпири родного,
Как мать моя любит доить корову...

В это время «переоценка ценностей» принимает у Табидзе иной характер. Появляются критические ноты в отношении к самому себе и особенно — к той поэзии, смысл которой лишь в ней самой. И вот он, призрак — «златоуст Орпири» — болотная жаба, зазубрившая пустые догматы, играющая словами. В этом стихотворении — боязнь обесценить слово, подменить поэзию красноречием, издевательство над банальностью обывательских словопрений — когда, называя Георгия Саакадзе, обязательно добавляют: «витязь в тигровой шкуре». Чем поэзии быть: полем сражений или словесной игрой? Какая поэзия настоящая? Это переломный момент.

3

Начало нового этапа в творчестве Тициана Табидзе лишь приблизительно совпадает с установлением в Грузии Советской власти. Поэзия не перестраивается тотчас вслед общественным переменам, хоть и зависит от них, — в ней сильна инерция взятого направления. «В начале советизации мы еще тяготели к символизму, французским сюрреалистам и „дадаистам“, — вспоминает поэт. Стихи 1923 года: «Двадцать третье апреля», «Карменсита», «Скверное воскресенье», «Мелита» («Дадаистический мадригал») — по существу не отличаются от стихов 1920—1921 годов и даже более ранних. Перелом назревает, но длительность его — несколько лет.

И лишь пристально вчитываясь в такие стихи, как «Тбилиси» (1923), «Мухамбази, которое не поется» (1925), замечаешь в них новое, изменившееся отношение к излюбленной теме — истории грузинского народа, то трагической, то неиссякаемо поэтичной. Исчезает условность, тяготение к мифу; теперь и легенда оживает, как память народа о своем прошлом, — становится поэтически конкретной. То было прежде: «Путем казненных мне мерещилась Халдея», — признается поэт, — страна прародителей-магов, сожженная веками пустыня, кладбище когда-то славных городов. Теперь прошлое Грузии в стихах Табидзе исторически конкретно; этой конкретности не нарушит и страстность метафор, их гиперболизм. Они насытят поэзию пафосом, переполнившим сердце поэта, — его болью, его любовью. Пластичность образов, и прежде присущая Табидзе, теперь становится все более органичной, все более выразительной:

В Куру потоками стекала кровь с полей,
Врагом растоптанных и кровью напоенных;
Катились наземь купола твоих церквей
В те дни с плеч каменных, как головы казненных.

Меч Саакадзе на врагов за взмахом взмах
Тогда обрушивал разящие удары,
И, как снопы, на окровавленных токах
Детей расплющивали досками татары. . .

(«Тбилиси»)

Пластика табидзевских стихов разнообразна и по настроению различна. Ее все чаще оживляют бытовые детали, усиливающие свежесть и необычность поэтического восприятия, будь то «зурначами встрепанное утро» или горы, ущельями зевающие спросонья. Грузия времен Григола Орбелиани в стихотворении «Мухамбази, которое не поется» не только выразительно живописна, как утро («отливая перламутром росы кожжорских утренних лесов»), не просто многозвучна («Саят-Нова словами поутру трясет за косы сонную Куру»), — она созвучна Грузии сегодняшней, тому Тбилиси, по которому проходит сам поэт. И эта встреча — состязание поэтов. Жизнеутверждающий темперамент Тициана Табидзе ничуть не уступает в силе и выразительности его трагическому пафосу. Пусть «гром гремит и клонится трава» там, где гремят стихи Саят-Нова:

Но я в стихах во много раз сильнее:
Не только гром гремит под песнь мою —

Она под шум кладбищенской травы
Рассыплет в щепы гроб Саят-Новы!

Исторические мотивы отнюдь не уведут Табидзе от современности: как поэтические соперники, как собеседники и вдохновители поэта живут в его стихах Саят-Нова и Важа Пшавела, Давид Гурамишвили и замечательный художник Пиросманашвили. Поэту равно близки и нынешний и исторический Тбилиси. Юрий Тынянов по этому поводу говорил: «Тициан ходит по Тифлису, как ходит человек по своей комнате. Он в своих предстиховых ощущениях (а у него, по видимому, такие ощущения всегда наличествуют) историчен. У него история — это не есть книга, поставленная на полку, нет, история в нем и с ним, он ее чувствует, и поэтому он так открыт для нас, для русской поэзии, которую он любит и понимает». ¹ История органически входит в поэтический мир Тициана Табидзе.

Павел Антокольский вспоминает, что при встречах с русскими поэтами, его друзьями, Тициан невольно оказывался в положении какого-то «мэра города Тбилиси» — «так содержательны и выпуклы были его комментарии и к башне Метехи, и к горе святого Давида с гробницей Грибоедова, и к картинам гениального самоучки Нико Пиросманашвили, и ко многому еще, им же самим найденному, облюбованному, распропагандированному». ²

Стих Тициана Табидзе становится все раскованней, проще, свободней. В поэтической форме он ценит теперь незаметность:

... Чем это проще в стихах твоих скажется,
Тем будет сердцу и радости больше,
Майской красы всей цветущею тяжестью
Бьет меня яблоня ночью хорошею.

Небо багровое, небо рогатое,
Ночью быть ветру, — такое крылатое!

(«Орпири», 1926)

Естественность восприятия жизни придает поэзии Табидзе характерное для него качество, о котором с восхищением писал поэту Н. Заболоцкий: «В Ваших стихах пленяет меня удивительная близость душевного мира к миру природы. У вас эти два мира сливаются в одно неразрывное целое — и это для нашего времени явле-

¹ Стенограмма творческого вечера Тициана Табидзе в Ленинграде 21 марта 1937 года. Архив Т. Табидзе.

² П. Антокольский. Побратимы. Тбилиси, 1963, стр. 276—277.

ние редчайшее... Оно, конечно, есть результат долгой поэтической и душевной работы...»¹

Лирика Табидзе не теряет внутренней сложности и в переводах — у того же Заболоцкого, например.

Так, и в русском варианте стихотворение «Шарманщик» поражает лирической одухотворенностью бытовой и по существу заурядной жанровой сценки, которая благодаря огромной душевной отзывчивости поэта, неразделимости у него внешнего впечатления и скрытого переживания, вызванного этим впечатлением, наполняется тонким поэтическим настроением.

Сюжет стихотворения строится на реминисценциях уличных песенок, исполняемых обычно шарманщиком. Непосредственность, эмоциональная щедрость поэта снимают с затасканных песен их пошлость, банальность, — обнажают в них человеческое, трогающее душу: ничье в песне шарманщика — для каждого слушающего свое, для иных — конкретное и живое.

Композиционный стержень стихотворения — внутренний диалог поэта с песнями шарманщика; в нем-то и обнаруживается невидимое лирическое течение, выраженное поэтически условно, отчасти словами тех песен, музыкально и непереводаемо на язык разговорной логики. Развитие темы песенно сжато, музыкальность образа как бы концентрирует его содержание, усиливает емкость слова.

В каждой строфе — два самостоятельных по смыслу четверостишия, как два по-своему завершенных куплета. Каждая строка — новая сюжетная подробность, отделенная от предыдущей ритмическим придыханьем шарманки:

В Белом духане
Шарманка рыдает,
Кура в отдаленье
Клубится.
Душа у меня
От любви замирает,
Хочу я в Куре
Утопиться...

Слова-намек, следы лирического «сюжета», рождают поэтическую волну, которая по-своему осмысляет надрывную музыку шарманки, несложный драматизм общедоступной песенки про то, как «Тамрико от любви отравилась». И рядом возникает и звучит при-

¹ Письмо от 2 августа 1936 г. — «Литературная Грузия», 1962, № 2, стр. 77.

глушенно, а все же контрастно, вливаясь в уличную мелодраму, но не сливаясь с ней, тема поэта, намеченная столь же пунктирно («торговать мы стихом не умели»). Она проникает в стихотворение пристальным, запоминающим взглядом: поэт видит подробности там, где шарманщик ограничивается сюжетной схемой. Чувства шарманщика одномерны, поэт скептичен и сентиментален одновременно, в нем сумятица чувств. Их связывает странное родство, их доля — тешить людей, но сердце певца — не потеха. Тамрико только в песне отправится «от любви»:

Есть для женщин закон:
Их девичество кратко.
Скоро съест девица
Супруга.
Мы же гибнем, шарманщик,
Жизнь отдав без остатка.
Нам и пуля сквозь сердце —
Подруга!

Любимые мысли Табидзе о доле поэта, о долге поэта, о его самоотверженной и завидной судьбе развиты во многих стихах.

«Тициан Табидзе был устремлен внутрь, — писал о нем Б. Пастернак, — и каждую свою строкой и каждым шагом звал в глубину своей богатой, полной догадок и предчувствий души. Главное в его поэзии — чувство неисчерпанности лирической потенции, стоящее за каждым его стихотворением, перевес несказанного и того, что он еще скажет, над сказанным. Это присутствие незатронутых душевных запасов создает фон и второй план его стихов и придает им то особое настроение, которым они пронизаны и которое составляет их главную и горькую прелесть. Души в его стихах столько же, сколько ее было в нем самом, души сложной, затаенной, целиком направленной к добру, способной к ясновидению и самопожертвованию. . .»¹

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих. . .

Это — самозабвенье, готовность раствориться в стихе, всецело отдать себя неудержимой стихии. Это — стремление выразить самую

¹ Архив Т. Табидзе.

сущность поэзии в том единственном смысле, в каком он ее понимал и ценил: поэзии естественной, как само дыхание жизни, как радость существования.

«Мучительна» для поэта непередаваемая красота природы, родного языка, любовь к родине и народу; она в мельчайших, простейших деталях быта, пейзажа, человеческих отношений. Беспредельна щедрость его открытой миру души. «Пусть по селеньям прокатится громом мравалжамьер¹ чужим и знакомым», «Стол задохнется от песен застольных!» — частые мотивы стихов.

Если ты — брат мне, то спой мне за чашею,
И пред тобой на колени я грянусь.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

Любовь к жизни не беспредметна у Тициана Табидзе, в ней нет ничего вневременного, отвлеченного; она пронизана правдой сегодняшних отношений. Поэт — соучастник, выразитель народных дел, чувств, желаний. Его ответственность перед народом — на грани сил; она — источник радости и страданий. Мера творчества — жизнь, природа, солнце и горы: как с ними сравниться?

4

Эмоциональное, пронизанное ощущением поэтичности мира искусство Тициана Табидзе неотделимо от безоговорочного признания действительной роли стиха, гражданской ответственности поэта. Это с особой определенностью прозвучало в годы 1928—1937, которые можно рассматривать как последний, заключительный, высший этап его творчества. К этому времени окончательно сформировались творческие принципы социалистического искусства.

Начиная с 1927—1928 годов в творчестве Тициана Табидзе совершается новый знаменательный сдвиг — в направлении общем для всей советской литературы: магистральной темой поэзии становится строительство социализма, преобразование страны. Для Табидзе это вовсе не отвлеченное представление. Он и теперь остается верен старым темам — меняется взгляд на жизнь. «Когда говорят, что поэты замыкались в своей среде, — говорил он на встрече с писателями Москвы, — то применительно к Москве это иное дело, а у нас маленькая страна. Мы видим, что наша страна, прослав-

¹ Здравница.

ленная в греческих мифах как золотое руно, — это страна малярного вырождения. А Советская власть принесла с собой перерождение. Страна начала процветать, болота осушаться. Там, где только квакали лягушки, там наступает теперь совершенно новая жизнь, и эта жизнь, конечно, влечет нас.¹

Это новое отношение поэта к миру влияет самым решительным образом и на его творческий метод. Поэзия Табидзе становится все конкретней, приближается к повседневности, к быту. Совсем иначе звучат теперь его стихи об Орпири, о родной деревне, которая всегда с ним, в нем самом, где бы он ни был:

Я в Тбилиси, но дерево всякое,
Травка, лужица — гонят отсюда,
И лягушки весенние, квакая,
Шлют мне весть с деревенского пруда.

Мир природы стал ближе, детальней. Он больше пишет о людях, все чаще вспоминает детство, полузабытые, но дорогие памяти эпизоды. И как ни прост дальний свет детства, от него падают лучи в неведомое, не сказанное еще, до времени скрытое в душе поэта, которая всегда богаче самого щедрого стиха.

Не торопи, читатель, погоди.
В те дни, как сердцу моему придется
От боли сжаться у меня в груди,
Оно само стихами отзовется.

«Не удивляйся!», «Не торопи!» — с такими призывами Табидзе обращается к читателю сейчас, когда его душа полна до краев. Он не спешит расплескивать в стихах ни радость, ни затаенную грусть. Он далек от бездумного бодрячества, каким грешили в ту пору многие советские поэты. Напротив, именно теперь в нем рождается потребность заново продумать многое, казавшееся ясным или забытым.

В 1928 году он работает сразу над несколькими поэмами: о возрождении Колхиды («Рион-порт»), о Тбилиси времен гражданской войны; его волнуют национальные проблемы — в поэме «На фронтах» Табидзе вспоминает события десятилетней давности, «войну» между грузинами и армянами и Ованеса Туманяна, который одним из первых поднял голос протеста против этой грязной «войны». В поэмах Тициан Табидзе обнаруживает новые грани своего выра-

¹ Стенограмма. Архив Т. Табидзе.

зительного таланта, воссоздавая лирические и вместе с тем пластически-живописные картины недавнего прошлого; это — исторические полотна (они невелики по объему, историзм их — в самом характере описания и прежде всего в отношении к событиям).

Поэмы, при всей своей видимой фрагментарности, отмечены внутренней цельностью и по-своему близки к «Двенадцати» Блока, к революционным поэмам Владимира Маяковского.

Поэт воссоздает живую атмосферу тех лет:

Ночь в Тбилиси.
Зима.
Восемнадцатый год.
Мокрый падает снег.
.. Это злое ненастье —
Откуда оно? ..

Поэму «Восемнадцатый год», пожалуй, в большей степени, чем другие, пронизывает лирическая стихия — непосредственное живое чувство поэта, его личное восприятие происходящего, его отношение к событиям, к людям. Поэт не просто воспроизводит историю десятилетней давности, но все это заново переживает: вьюжную, голодную зиму, ненависть к жирным гвардейцам и торгашам —

На крови и на голоде
Ожиревшая банда.
Как за глотки ухватишь их?

Вся эта пестрая карусель спекулянтов, дельцов, фельетонщиков и политиков проходит перед глазами. Именитые «герои» трагических песенок, нахально хозяйничающие в городе англичане, безымянные спорщики, тенью скользящие в сумерках. И ползущие слухи о смерти Либкнехта и Розы Люксембург, о расстреле бакинских комиссаров. . . Зловещее и смешное, тоскливое и нелепое, лирика и злой сарказм — все это смешалось, как бывало нередко у Маяковского, к которому уже в ту пору, о которой говорится в поэме, Табидзе присматривался с особым вниманием, а кое в чем даже пытался ему подражать, выступая в тогдашних газетах с критикой меньшевистского правительства. А может быть, в работе над поэмой сказался опыт, полученный при переводе «Мистерии-буфф» на грузинский язык.

Исторический ракурс не мешает поэту оставаться лириком. Историзм поэтического мышления Тициана Табидзе стал богаче и глубже. Теперь, взглядываясь в историю Грузии, он видит не толь-

ко татарские и турецкие пашества, войны, порабощение. В его картины исторического прошлого вписываются революционные образы, которые теснят лики царей, полководцев; уже знаменитый Джвари, воспетый Лермонтовым монастырь, и Свети-Цховели — «царей усыпальница» — не заслоняют ему новый Мцхет:

Нина и Веспесиан из гробниц,
Мертвые, рвутся из Мцхета рабочих,
Вихрем кружат, повергаются ниц,
Гонит поэт окончательно прочь их.

Поэт прощается с привычными ему образами прошлого, с «тенями Халдеи», с красавицами, что томятся в башнях, с «рыдающими тари» за Курой; застольным песням бражников он противопоставляет героические песни об Арсене, завидуя поющему их нищему певцу. Он хочет все начать сначала:

Я буду петь индустриальный вихрь
И старый мир крушить, как плот дощатый.

Конечно, это не отказ от поэзии, подобной снежному обвалу: и радость весны, и очарование природы — все это осталось при нем. Но рядом возникли гимны свободному труду, иной мечте — «впервые настоящей». Табидзе волнуют ростки новой жизни. В стихах об Армении и особенно в цикле «Всем сердцем», начав с деклараций, требующих от поэта активного участия в строительстве нового мира, поэт переходит к стихам, в которых практически воплощено это действенное внимание к современности («Апрельский сев», «Стихи к посевной, сказанные по радио», «Когда ласточка лепит гнездо»). Это стихи, посвященные «синему небу, где реют знамена», и «пионерам, шагающим с песней», и «парусным яхтам на синем Рионе», и новым каналам в пустыне Самгори, новым дорогам, саженцам тонким, табачным посевам и кисти в руке Пиросмани — тому, что Маяковский называл «весной человечества».

Ласточка лепит
Гнездо в это время,
И нету чудесней
Тех дней, и не знаю,
Что выбрать и славить
Восторженной песней...

Тициан Табидзе всегда любил писать об апреле, о цветении яблонь, о времени, когда сами собой возникают стихи, но теперь в его лирике прозвучала новая нота: в его стихи органически входит тема социалистического преобразования родины.

5

Поэзия Тициана Табидзе вышла за пределы Грузии и зазвучала во всесоюзном масштабе. Глубоко национальное, самобытное, не утратившее своей индивидуальности и в переводах, выполненных разными, зачастую очень далекими друг от друга русскими поэтами, его творчество оказалось понятно и близко широкому кругу советских читателей. Выход сборника стихотворений Тициана Табидзе на русском языке в 1936 году стал выдающимся литературным событием. Появилось много откликов и рецензий. В начале 1937 года в Москве, а затем в Ленинграде с большим успехом прошли творческие вечера поэта.

Тициан Табидзе сразу оказался в ряду крупнейших советских лириков. О нем писали и говорили не иначе, как сопоставляя его творчество с поэзией Тихонова и Антокольского, Заболоцкого и Пастернака. Табидзе оказался в гуще литературных споров середины 30-х годов, особенно острых, когда речь заходила о лирике, которую в то время все чаще стали противопоставлять «гражданской поэзии».

Грузинская советская поэзия, как и вообще жизнь современной Грузии, в 30-е годы оказала заметное и плодотворное влияние на творчество целого ряда русских поэтов, в том числе Пастернака, Заболоцкого, Тихонова.

Не знавший грузинского языка Борис Пастернак глубоко сожалел об этом, полагая, что его переводы не передают и четвертой части того, чем богат оригинал. «Я рассказал только их образы, метафоры и мысли, — говорил он о стихах Тициана Табидзе, — но можете себе представить, какова эта поэзия, если даже при таком ограниченном показе и то уже что-то получается. А если бы я, кроме того, мог передать какую-то внутреннюю сущность быта, которая только в языке передается, а без знания языка ее никогда не уловить, потому что никакой подстрочник не может ее дать, если бы я мог передать какие-то постижения языка, его полутени, какие-то резкие лучи, по нему пробегающие!..»¹ И тем не менее

¹ Из выступления Б. Пастернака на Первом всесоюзном совещании переводчиков в 1936 г. — «Литературная Грузия», 1962, № 2, стр. 79.

русскому поэту удалось нащупать мужественный ритм, составляющий природу грузинского стиха, — и он отразился по-своему в оригинальном творчестве Пастернака, особенно в его стихах о Кавказе. «Демон» и «Волны», по словам Тициана Табидзе, «представляют собой суровый монтаж именно этого ритма». ¹ Здесь интерес переводчика к грузинской поэзии переходит в своего рода поэтический поединок.

Выступивший на ленинградском вечере Тициана Табидзе Н. Тихонов назвал его одним из самых настоящих, подлинных и замечательных грузинских поэтов, в творчестве которого чувствуется размах поэтической работы, ощущение очень больших пространств. Тихонов особенно подчеркнул колоссальнейшую искренность и поэтическую свободу, бросающиеся в глаза в лирике Табидзе, присущее ему чувство родины, места, родной природы, какое редко можно встретить в творчестве современных поэтов.

Юрий Тынянов в творчестве Тициана Табидзе особенно подчеркнул близость его к русской литературе, которую поэт отлично знал и любил. Особенно Пушкину был он многим обязан — Табидзе видел в нем «общую для всех народов Союза гордость», неоднократно писал о пребывании Пушкина в Грузии, о русско-грузинских литературных связях. Пушкин, «пушкинский горький стих», поэтический дух его — живут и в стихах Тициана Табидзе. Образ Пушкина возникает в «Скифской элегии». Пушкинская одухотворяющая стихия пронизывает одно из лучших произведений поэта — «Илаяли», где лирически сосредоточена вся широта его духовных взаимосвязей: от Руставели и Важа Пшавела, от Овидия, Пушкина, Саят-Новы тянутся живые нескончаемые нити —

Россыпь слов,
Водопады стихов,
Илаяли. . .

«Илаяли» — женское имя, придуманное героем романа К. Гамсуна «Голод», — в нем лишь ощущение, не передаваемое иначе, как звуком. . .

¹ Из письма Т. Табидзе В. В. Гольцеву. «В переводе новейших грузинских поэтов у Б. Пастернака мы наблюдаем, — писал Табидзе там же, — предельную смысловую точность, почти сохранены все образы и расстановка слов, несмотря на некоторое несовпадение метрической природы грузинского и русского стиха, и, что важнее всего, в них чувствуется напев, а не переложение образов, и удивительно, что все это достигнуто без знания грузинского языка. . .» (Архив Т. Табидзе).

Близок ему и Лермонтов. Мцыри, «неистойвой монашек из Джвари», мелькает в стихах Тициана Табидзе рядом с героями любимейшего Важа Пшавела. . . Но не менее значим для него Толстой, особенно «Хаджи-Мурат», которого Табидзе перевел на грузинский язык, в котором видел редчайший документ разоблачения насильственной национальной политики царизма, культурного варварства, полагая, что вряд ли в мировой литературе найдутся вещи, которые по художественной силе выражения и идеологической честности могли бы сравниться с этой повестью. «Неизъяснимое чувство восторга владело непрерывно мною, когда я переводил эту повесть на грузинский язык. Изучая «Хаджи-Мурата», на самом деле веришь в волшебство и магию слова, в возможности свершения в пределах земных всего земного», — вспоминал поэт.

Эти связи русской и грузинской культуры своеобразно дополнялись личными контактами; грузинские темы проникли в творчество многих советских поэтов часто под непосредственным влиянием личного человеческого обаяния Тициана Табидзе. Немало возникло стихотворений, посвященных ему самому. Он был несомненно одной из выдающихся достопримечательностей Тбилиси: хлебосольный хозяин, живой, остроумный, полный неожиданностей собеседник; в его доме постоянно бывали друзья — поэты из Москвы, из Ленинграда, из многих других городов. Был у него колоритный, неповторимый облик. Таким вот запомнил его Пастернак — в кругу друзей, в огне садовых ламп:

. . . Сейчас он речь начнет,
И мыслью — на прицеле,
Он слово почерпнет
Из этого ущелья.

Он курит, подперев
Ладонью подбородок,
Он строг, как барельеф,
И чист, как самородок.

Он плотен, он шатен,
Он смертен, и однако
Таким как он, Роден
Изобразил Бальзака. . .

«Он был очень хорош собой, — рассказывает Павел Антокольский. — Несколько полный и грузный, в затрапезной парусиновой блузе, с ярким цветком в петлице, не то гвоздикой, не то осенней

астрой, с челкой римского патриция, с правильным, мягким лицом, скорее славянского, нежели грузинского типа, с чуть охрипшим голосом и могучей грудной клеткой — такую яркую фигуру не часто встретишь на белом свете. Его хотелось писать маслом на холсте, крупно вылепить из глины — иначе говоря, увековечить по возможности эти выразительные черты». ¹

Творческий путь Тициана Табидзе был насильственно оборван в момент его наивысшего подъема. Прошло немало времени, прежде чем его поэзия смогла занять свое место в истории литературы, прежде чем стали ясны закономерности этого немаловажного этапа в развитии советского искусства, одной из вершин которого было самобытное и темпераментное творчество Тициана Табидзе.

Г. Цурикова

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Родился я в 1895 году, 2 апреля, в Западной Грузии, в деревне Шуамта — близ Орпири.

Орпири входит в округ Сачино, в переводе на русский язык значит видный, замечательный. В годы моего детства никто не верил, что в летописях Сачино считалось житницей Грузии, — так запустел этот богатый когда-то край. «В дни голода Сачино прокормит Имеретию» (иначе Колхиду), — подтверждал предание знаменитый географ царевич Вахушти.

Я вспоминаю древнегреческих авторов. Гиппократ так описывает этот край: «Страна, по которой протекает река Фазис, болотистая, знойная, влажная и покрыта лесом. Круглый год здесь выпадают дожди. Местные жители строят из бревен или из тростника жилища в болоте — в воде. Выходят из дому тогда, когда отправляются в город или на базар... Плоды этой страны никогда не созревают. Густой пар от реки вечно окутывает край, — и этому нужно приписать, что местные жители отличаются от других: ростом они высоки, по настолько тучны, что нельзя различить ни суставов, ни вен. Кожа желто-зеленого цвета, точно больны они желтухой...»

Самые причудливые пейзажи окружали меня с раннего детства. Особенно я помню закаты в долине Риона, когда дневное светило опускалось в горящем пурпуре в Палеостомское озеро и комары охватывали пожаром полнеба над морем.

Тропические папоротники, лианы, густые ряды чинар и тополей и необычайный простор пашен вперемешку с болотами — издавна составляли фон для романов Майн Рида, которыми я безумно зачитывался, и необычайных приключений героев Александра Дюма, который, кстати, в 60-х годах прошлого столетия сам побывал в

наших краях и оставил изумительное описание Орпири и потийских болот.

Орпири лежит у впадения горной реки Цхенис-Цхали в Рион. «Название этой реки некогда было Таквери, — повествует тот же Вахушти, — и когда унесла она в пучину шестьдесят тысяч воинов отброшенного от Анакопии арабского полководца Мурвана Глухого, за это прозвана была Цхенис-Цхали (река Коней)».

Старики ведут счет годам со времени чумы и большого наводнения Риона, когда разбушевавшаяся река несла разрушенные жилища, детские люльки и нырявшие в мутных волнах гробы из развороченных могил. Неделями выжидали, когда войдет в берега рионский поток и остановится жуткий оползень.

С незапамятных времен Орпири считался портом на Рионе. Еще на моей памяти заходили сюда речные пароходы и вывозили кукурузу, сушеные фрукты.

В более зрелые годы Орпири и дельта Риона напоминали мне Шельду, родину Э. Верхарна, вызывая в памяти миф о золотой триремe Аргo и о воинственных аргонавтах, которые именно в этих местах высадились, усыпили дракона и похитили у колхидского царя Аэта золотое руно и красавицу дочь — Медею. Трагическая судьба Медеи, убивающей своих детей, воплощает в мифотворчестве судьбу Колхиды с ее неумолимым бичом — тропической малярией.

На моих глазах целые деревни вымирали от лихорадки, и жители с проклятием оставляли насиженные места.

От этих «галлюцинирующих деревень» легко было мне переключиться и на французского поэта — Лотреамона. Монолог Жабы в «Песнях Мальдорора» — это повседневный оркестр лягушек в Орпири, песни вырождения. Усилиями Советской власти в Грузии этот район сейчас превращен в цветущий цитрусовый сад. Осушение колхидских болот и внедрение субтропических культур на Черноморском побережье совершенно изменят облик страны, оставляя далеко позади миф о золотом руне.

Отец мой с достоинством носил имя древнего философа Юстина, но античную философию он легко променял на русский нигилизм. Воспитанник тифлисской духовной семинарии, очага революционного брожения в бурные дни 80-х годов, — он был замешан в беспорядках и выгнан из 6 класса, не окончив курса семинарии. Поводом послужило нашумевшее тогда дело об убийстве ректора семинарии протоиерея Чудецкого учеником Иосифом Лагиашвили. Всю свою жизнь отец мой благоговел перед русскими просвещенцами: Н. Чернышевским, Н. Добролюбовым и Д. Писаревым — и почти до конца жизни помнил всего Некрасова наизусть. Отец мой скоро

сблизился с литературными кругами Грузии и принимал участие в журнале и газете «Иверия» Ильи Чавчавадзе. Скоро отец мой устроился секретарем только что организованного тогда в Тифлисе юридического общества, но через три года приехал к нему его отец, сельский священник, умоляя вернуться в деревню, занять его место и облегчить старость.

Внезапное ли появление деда и его настойчивость или всегдашнее безволие отца, — не знаю, что решило его судьбу, но отец окончательно оставил Тифлис и уехал в добровольное изгнание в деревню, где был посвящен в сан священника имеретинским епископом Гавриилом, в мире Герасимом Кикодзе, автором одного из первых учебников психологии и логики на русском языке, в свое время удостоенного похвального отзыва Н. Добролюбова. В первые годы по инерции отец еще занимался литературой, выписывал все журналы и газеты, сотрудничал в печати и был в постоянной переписке с друзьями, но скоро почувствовал, что навсегда оторвался от города, и ограничил себя деревенской жизнью. По болезни оставил учительство в основанной им приходской школе, где я получил первоначальное образование.

Я не помню, как научился грамоте. Четырехлетним уже посещал школу в нашем доме и легко разбирался в азбуке, на радость моей матери Елизаветы Окропировны, замечательной и трудолюбивой женщины, которая и воспитала нас, детей, когда мы рано лишились отца...

Больной и раздражительный, отец пользовался всеобщим уважением во всем округе, к нему ходили за советами из далеких сел и горных поселков, хотя он был необщителен и в одиночестве доживал свою, как он думал, загубленную жизнь. Зато мама за всех попевала, соседи ее ставили всем в пример, она не гнушалась даже полевой работы, оправдывая свой суровый труд болезнью мужа и множеством детей, хотя работа была ее стихией, а в деревне, как она говорила, есть только одна работа — в хозяйстве.

Отцу моему ничего не стоило настоять на моем светском образовании, хотя для этого требовалось больше средств. В 1905 году отец взял меня в Кутаис — подготовить для первого класса классической гимназии.

Помню, поезд нам попался революционный: везли из Одессы убитого там черносотенцами профессора Саба Квдиашвили. На вокзале в Кутаисе поезд встретили знаменами и пением марсельезы, похороны обратились в многотысячную демонстрацию, и потому привычной показалась мне новая квартира старого препода-

давателя Ав. Сулаквелидзе, где меня поселил отец. Это была штаб-квартира революции; сыновья и дочери моего скромного учителя были главарями движения, и я обычно спал на кровати с винтовками под матрацем и как бы заведовал складом листовок, печатавшихся тогда в бесчисленном количестве. В этом доме я познакомился почти со всеми выдающимися деятелями первой революции, — многие из них были активными участниками Октября. Несмотря на большой конкурс, я попал в первый класс гимназии, которую окончил в 1913 году.

Наша гимназия отдала свою дань и революции и новейшей левой поэзии. Русский читатель это легко вспомнит по автобиографии Владимира Маяковского, питомца нашей гимназии, почти одних лет со мной.

Со всеми друзьями из группы «Голубые роги» я был знаком еще в гимназии, еще подростками мы мечтали о перевороте в грузинской поэзии. В Кутаисской гимназии, как везде в бывшей империи, царил суровый режим, много было у нас Передоновых, но были и преподаватели, которым я навсегда остался признателен.

Как обычно тогда, грузинский язык был в загоне: в неделю всего один пятый или шестой урок, — но у нас расцветали подпольные литературные кружки, где с успехом шло изучение родной речи; мне особенно помогало, что в детстве почти наизусть знал грузинскую Библию и общался в деревне с трудовым народом.

Стихи я начал писать очень рано, печатать — с 6 класса гимназии, сначала в кутаисских газетах, а потом и в Тифлисе; в том числе — ряд переводов: А. Блока, В. Брюсова, Ф. Сологуба, И. Анненского, «Легенду о великом инквизиторе» Ф. Достоевского и французских поэтов.

Вспоминаю один случай из гимназической жизни, который неожиданно кончился для меня благополучно. В романовские юбилейные дни я написал грозную прокламацию, где со всем пылом обрушился на династию. Скоро через кого-то из наших товарищей это стало известно гимназическому начальству, — директор резко упрекнул меня в крамоле. Заинтересовались и в Попечительстве Округа, начали следствие, меня ждал арест, но директор не выдал. Спасал ли он честь своей гимназии или молодого поэта, не знаю, но он мужественно выгородил меня из этого дела.

Кутаис представлялся нам тогда мертвым Брюгге Роденбаха. На фоне этого мертвого города оживали галлюцинирующие при-

зраки, и мы были в плену литературных образов. Город обнищавших мелкопоместных дворян, давно спустивших свои имения, какой-то «аристократической богемы», изощренных в хитрых выдумках, праздных тунейдцев и остряков, — легко настраивал нас на оппозицию мещанству и «пощечину общественному вкусу».

В 1913 году я поступил в Московский университет на филологический факультет — по конкурсу аттестатов — на историческую секцию философского отделения.

Московский университет я застал после разгрома университетской автономии министром просвещения Кассо; лучшие профессора оставили наш университет, и понятно, что наше сознание двоилось и мы предпочитали слушать лекции опальных тогда профессоров А. Мануйлова, Мейзбира и др. При этом я проходил курсы некоторых профессоров Лазаревского института восточных языков и академика Н. Я. Марра, которого до сих пор считаю не только величайшим лингвистом, но и основоположником грузинского научного литературоведения. Из наших профессоров с особенной любовью я вспоминаю декана нашего факультета Аполлона Аполлоновича Грушко, в доме которого жил А. Скрябин, и академика М. Н. Розанова, который читал курс эпохи Возрождения и Просвещения, семинарии Л. М. Лопатина; меня остро огорчило, что уже отзвучали согретые тютчевской «последней любовью» речи проф. Ключевского, которого никак не мог заменить М. Любавский, наш ректор, ставленник Кассо, одноглазый циклоп.

Но уже приближался канун великой войны, и в воздухе запахло порохом. Позорное дело Бейлиса особенно возбуждало студенчество. Наконец убийство эрцгерцога положило водораздел нашей жизни.

Литературная Москва была в плену у символистов. Только что приехавший из Дорнаха Андрей Белый принес свое томление по Иоаннову Зданию, горячие споры о Гете и лекции о театре жеста. Смерть и похороны А. Скрябина, культ скрябинской музыки и, вместо Иоаннова Здания, храм в Гималаях — «Поэма экстаза». Бесчисленные поэзо-вечера парфюмерного Гарун-аль-Рашида Игоря Северянина. Заседания религиозно-философского общества и формула: От Канта к Круппу. Отход русских войск на германском фронте. Оставление Варшавы и конгрессы Славянского общества. Приезд Маринетти и Эмиля Верхарна в Москву. Заседания общества свободной эстетики в художественном кружке и выступления Валерия Брюсова, атаки на символистов, акмеистов и адамистов, знакомство с К. Д. Бальмонтом, переводившим тогда поэму Руставели «Носящий барсову шкуру», увле-

чение Ал. Блоком и Ин. Анненским и, наконец, появление на московских улицах и эстрадах Владимира Маяковского, позднее В. Хлебникова и других русских футуристов — вот что вспоминается мне из круга моих исканий и настроений, что меня влекло и так или иначе отразилось в дальнейшей работе.

В 1915 году мною и моими друзьями, молодыми поэтами Грузии, была создана школа поэтов под причудливым названием «Голубые роги». Мне пришлось написать два манифеста для журнала, называемого также «Голубые роги», и целый ряд лет редактировать газету «Баррикады». В манифестах обобщался опыт французского и русского символизма, а с другой стороны здесь нашло отражение и то, что символизм из революционной когда-то школы превратился в академическую и футуризм начинает завоевывать подступы к литературе. Эта двойственность не могла не вызвать двойственности сознания.

Как французские символисты воскресили Ронсара, так и мною был выдвинут Бэсики (Бессарион Габашвили), замечательный поэт конца XVIII века, тончайший мастер стиха и александриец. С тех пор он неоспоримо занимает виднейшее место в грузинской поэзии. Как русские символисты — Ф. Тютчева, так я выдвинул Важа Пшавела, величайшего из старшего поколения поэтов Грузии, который в монументальных образах создал грузинский эпос, используя для своего творчества народную поэзию горной Грузии, Пшаветии и Хевсуретии. Авторитет Важа Пшавела до сих пор непоколебим в Грузии. Перевод нескольких его поэм уже дал ему всесоюзное признание.

Грузинская поэзия к тому времени была совершенно лишена воздействия этих поэтов, и процветало эпигонство народников и Надсона, на что мы со всей силой обрушились. Как известно, грузинская поэзия имеет многовековую культуру: среди величайших поэтов древней Грузии, перекликающихся с великими иранскими лириками и европейскими поэтами, Руставели предвосхищает в великом своем творении «Витязь, носящий барсову шкуру» итальянское Возрождение. Он как бы предшествует Данте, так же как у Давида Гурамишвили мы находим перекличку с «Большим завещанием» Франсуа Вийона. Поэты начала XIX века: Ал. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Гр. Орбелиани, заканчивая иранское влияние и восприняв Байрона, Пушкина и Мицкевича, создали полноценную поэзию, органично связав ее с грузинскими корнями. Защищая этих поэтов, по существу архаистов, перед последующей школой, которую я называл эпигонами запоздалого русского народничества, я упустил из виду их заслугу в

приближении поэтического языка к народной речи, целеустремленность и общественное их значение. Ясно и то, что декларация приближения к истокам грузинской поэзии долго не находила воплощения в творческой практике поэтов из группы «Голубые роги».

При всем своем отрыве от действительности новая школа поэтов на фоне обнищавшего тогда грузинского стиха сыграла громадную роль. Впервые были введены в строй грузинского стиха слова, изгнанные из употребления или вовсе не использованные. Впервые были написаны правильные сонеты, терцины, триолеты, оглушенная рифма нашла новый простор, обновился ритм стиха, впервые начали разрабатывать свободный стих, аллитерации и ассонансы. Переводы Ш. Бодлера, П. Верлена, Артура Рембо, Ж. Лафорга и других французских и русских новейших поэтов расширили круг поэтических образов, метафор, и грузинский стих обрел новое звучание. Эта наша заслуга не отрицалась никем в грузинской критике и в пору, когда поэты из группы «Голубые роги» выносили лобовую атаку дореволюционной мещанской среды.

То, что наша школа возникла на закате символизма и на заре футуризма, дало нам некоторое преимущество критического осознания нашей действительности. Свободным от узких догм обеих школ, нам легче было самоопределиться в грузинской среде и найти национальную почву. Создавая одной рукой недостающие тогдашней грузинской поэзии образцы символической поэзии, мы через атаку футуристов чувствовали их призрачность и точно бились «на пороге как бы двойного бытия».

Три года меньшевистского господства в Грузии и отрыв от Октябрьской России еще больше усложнили и запутали наше творчество, и в начале советизации мы еще тяготели к французским сюрреалистам и дадаистам. Односторонне и пристрастно понимая классическое наследие грузинской поэзии, мы заразились от него националистическими концепциями. К этому времени относится мое большое стихотворение — «Конь с ангелом», написанное как диссертация на звание «короля грузинской поэзии», восторженно принятое некоторой частью грузинского общества. Это стихотворение не вошло в книгу моих избранных произведений, настолько оно оторвано от действительности и насыщено идеями грузинского мессианизма.

Нас, как и русских футуристов, спасла Октябрьская революция, совершенно перестроив всю нашу жизнь и в перестройке изменив сущность поэзии. Три года от Октября до советизации

Грузии, близость с друзьями из молодых большевиков, работников грузинского подполья, — внесли некоторую трезвость в сознание, но этого было недостаточно для нашей перестройки.

Для тогдашнего настроения характерно мое открытое письмо к известному армянскому поэту, председателю армянских землячеств в Тифлисе, Ованесу Туманяну, во время армяно-грузинской войны напечатанное в грузинской газете «Сакартвело». В письме осуждается македонский метод разрешения национального вопроса меньшевиками и дашнаками и звучит призыв к интернациональной дружбе. Ответ Ованеса Туманяна, напечатанный в тифлиссских газетах, — образец искренности и возвышенной любви великого поэта к достоинству соседнего братского народа и томления по национальному миру, что удалось осуществить в Закавказье только при ленинской национальной политике.

С первых же дней советизации Грузии начинается перестройка рядов грузинской литературы. Политическим декларациям не всегда отвечала художественная продукция: нелегко было освободиться от пережитков буржуазного искусства и ложно понятой национальной природы. К этому времени относится появление в Грузии запоздалых эпигонов русского футуризма. Еще в 1925 году они, запутавшись в творениях В. Хлебникова, превозносили «заумную» поэзию, лишенную всякого национального колорита. Даже появление «Лефа» не подействовало на них отрезвляюще. Просуществовав три-четыре года, большинство из них навсегда вышло из литературы; часть же, пройдя влияние «Голубых рогов», впоследствии влилась в мощный поток пролетарской комсомольской поэзии или переключилась на работу в кино, стараясь постепенно освободиться от пережитков формализма.

Незавершенный цикл становления новейших поэтических школ в Грузии, зигзагообразный путь их развития, перекрестное влияние французской и русской поэзии и сравнительно быстрое самоопределение некоторых видных поэтов на национальной почве, а потом и в советской поэзии, понятно, вызывают некоторое недоумение советской критики, которой трудно разобраться в этой обстановке. Еще больше способствует путанице отсутствие в грузинской критике подлинного изучения новейшей поэзии в целом. Только этим можно объяснить утверждение Д. Мирского: «Уже ясно, что ни о каком знаке равенства между грузинским и русским (а тем более французским) символизмом не может быть и речи» («Литературная газета» № 59, 1935 г.) и «В Грузии весь цикл новой поэзии, начавшись на четверть века позже, чем в России, развернулся и закончился в какие-нибудь десять лет»

(«Знамя», № 3, 1936 г.). На самом деле творческий путь некоторых грузинских символистов начался не в 1915 году, в год декларации школы «Голубые роги», а гораздо раньше. Сохранив почти целиком весь наличный состав школы, не все поэты, участники этого движения, одинаково входят в советскую поэзию.

Мне самому так представляется пройденный мною поэтический путь. В первом цикле стихов «Халдейские города», напечатанном в первых номерах журнала «Голубые роги», я писал в «L'art poétique»:

Розы Гафиза я ставлю в вазу Приюдома,
В саду Бэсики — сажаю ядовитые цветы Бодлера.

Под розами Гафиза я разумел давнишнюю тягу грузинской поэзии к иранским лирикам. Приюдома я брал как образ французской формы, помня об этом из письма Г. Флобера. «Сад Бэсики» — цветник грузинской поэзии, «восточно-западный диван», где грузинский стих дошел до предельного совершенства после Руставели, сохраняя величайшую напевность и органичность. Тогда мне казалось, что «злые цветы» Бодлера тоскуют по этому саду. Однако во всем цикле «Халдейские города» больше романтики и мистического тумана. Воспевая Халдею как прародину, я больше восходил к историческим истокам, почти позабыв о «цветах зла». Этот налет романтизма в стихах долго сопутствовал мне в поэзии, сближая то с Жюлем Лафоргом, с этим французским Гейне, то с Александром Блоком, что дало некоторым критикам право называть меня «грузинским Блоком». Правда, меня долго увлекали и Жюль Лафорг, и Артур Рембо, и Александр Блок, и Андрей Белый, а впоследствии Вл. Маяковский и Борис Пастернак. В Лафорге я чувствовал иронию, переходящую у Рембо в цинизм, неожиданность откровений и необузданную фантазию. Через них я почувствовал «проклятых поэтов», а последние четыре русских поэта, в разное время, открылись для меня как воплощение поэтического подвига. Одна разнородность этих поэтов исключает их влияние на меня. Больше всего я чувствую некоторое соответствие моих стихов досоветского периода с стихами А. Блока о России и Жюля Лафорга (в цикле «Осень в Орпире»).

В самый разгар словотворчества и формализма я защищал первородство вдохновения:

Не я пишу стихи, они как повесть пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов, дохнет и с места сдышит
И заново схоронит. Вот что стих!..

Я давно не защищаю этот тезис, но, может быть, в этом ожидании «нантия» я много раз пропускал настоящее вдохновение, которое дается в результате упорного труда и чувства действительности.

Еще прежде, но явственнее с 1921 года по 1926 год, я почувствовал тягу к грузинским классикам, больше всего к романтикам Н. Бараташвили, Гр. Орбелиани и условному романтику Важа Пшавела. В стихах этого периода есть переключки с ними, но больше всего противопоставление им новой поэтики. Несмотря на новизну темы и ощущение пейзажа, я все же думаю, что иногда я, конечно, отталкивался от классиков. Грузинские поэты XIX века возвели в идеал формулу А. Мицкевича, что родину любит тот, кто ее потерял. Они восхваляли историческую Грузию, героические подвиги, романтику рыцарских обычаев; а Важа Пшавела распад родового быта ощущал как конец мира. Но что было закономерно, даже действительно раньше — потеряло всякое оправдание в наши дни, когда советская Грузия обрела настоящую самостоятельность и ряд за рядом начали появляться люди новой социалистической культуры.

В поисках национальной формы я много думал и писал тогда о Важа Пшавела, художнике Нико Пиросмани, режиссере К. Марджанове, композиторе Н. Сулханишвили — основоположниках грузинского искусства. Это для меня пора изживания формалистических приемов и подхода вплотную к советской поэзии. Этот цикл лирических стихов заканчивается стихотворением «Тифлисская ночь»:

Я сам на загнивающем плоту,
На том дощатом лебеде сосновом,
Но я не кончил. Я еще расту,
Еще надеюсь: всё начнется снова.

До этого у меня были лирические стихи на советские темы: «Петербург», написанный в ночь на 25 октября 1917 года, «Новый Мцхет» — о первенце электрификации Грузии. Первая моя большая советская вещь — «Рион-порт». На фоне описанной мною орпирской природы, где народ вырождался от тропической малярии, выступает советская власть, перестраивая, изменяя лицо страны. Затем следует цикл лирических стихов «Всем сердцем», где дается Грузия первой пятилетки в действии, и цикл «В Армении», где я выразил торжество национальной политики великой партии Ленина. В цикле «Родина», мне кажется, я больше всего приближаюсь к социалистическому реализму.

За последнее время мне очень много приходилось путешествовать, — побывал я почти во всех уголках Грузии. Особенно меня влечет зона субтропических культур на Черноморском побережье Грузии, где осушается двести тысяч гектаров заболоченной земли и разводится гигантский цитрусовый сад. Много я ездил и по Советскому Союзу, бывая часто в Москве, в Ленинграде, на Украине, в Белоруссии, в Армении, на Северном Кавказе и в Средней Азии, знакомясь с строительством социализма, с новыми людьми и среди них с поэтами, гордясь дружбой с некоторыми из них.

Так готовится моя следующая книга «Родина» — о великом Советском Союзе и моя другая книга — переводов лучших советских поэтов.

15 апреля 1936
Тифлис

Тициан Табидзе

СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕРЕНАДА

Ликует мир весенним ярким днем,
Природа крылья радостно раскрыла...
Ты — зеркало души моей! Пойдем —
Встает над нами яркое светило.

Сниму с небес лучистую фату!
Хочу любить... Мне так с тобой отратно.
Я из лучей венков тебе сплету
И пиалу страданья выпью жадно.

Хочу любить... На сердце — ты одна...
Уже моей душе бессмертье снится:
Дорога жизни кончиться должна
И с вечностью навек соединиться!

Бледнеет смерть
В предчувствии конца,
Глаза не прикрываем пеленою...
Прижмись ко мне, пускай стучат сердца!
Хочу любить... Как весел мир весной!

1911

МЕДЕЯ

Ту весну, что пропала, в душе не буди ты:
Эти дни похоронены мною, забыты...

Кто увядшим венкам принесет обновленье?
Кто сумеет вернуть дорогие мгновенья?

На чужой стороне я в печали сгораю —
Без отцовской земли, без родимого края.

Вянет нежности сад, одолели несчастья —
Даже мертвой смогу ли в Колхиду попасть я?

Плачьте горько вы, дочери в доме Аэта,
О безгрешной сестре, пропадающей где-то...

На далекой чужбине должна погибать я —
Истлевать мне живой средь могильного праха,

Даже кости дрожать будут в склепе от страха,
Услыхав надо мною отчизны проклятье!

1911

АДОНАЙ

Господь, прости, я правду не таю:
Меня вела душа — не воля злая;
И прятал я за пазухой змею, —
Сочувствия в несчастьях не встречая.

Страдалец ждет похвал за боль свою,
Счастливец — на земле богов находит...
Лишь всё похоронивший в путь выходит —
И свято верит в истинность твою!

Опять мне снится мертвая страна,
Душа тоскою горькой сожжена,
Повсюду вижу слезы и могилы...

И я пришел, чтоб встретиться с тобой, —
Измучен я безбожною судьбой...
Крепись, мой дух! Надежда, дай мне силы!

1911

АНГЕЛ ТИШИНЫ

Над спящим зефиром — пыльца, словно дым...
Пан дремлет в дубраве без сил...
От ангелов веет жильем неземным
И хладным уютом могил.

И руки твои — крылья легкого сна.
Я здесь. И какис б дожди
Душа ни извергла, оставшись одна,
Взлетай, не спускайся, лети!

Влюбленный в молчанье твое, не дыша,
Печально сажу у колен.
И, тайно пылая, уходит душа
И сон оставляет взамен.

1911

* * *

Слова о том, что я тебя любил,
Сетей тоски с души моей не снимут.
Рожденные для горестей не имут
И в счастье радости. Тот странный пыл,

Который звали мы любовью, — бред.
А ты найдешь рожденного для счастья, —
Они встречаются, пускай нечасто.
Лишь он тебя поймет, а не поэт,

Чьи строки, точно слезы, оросили
Родную землю...
Но не пой, не пой —
О, в этой песне, начатой тобой, —
И сила памяти, и времени бессилье...

1912

НА МАСКАРАДЕ

Темно в глазах. А всё кругом горит —
Сгорает. Запах платьев ядовит.
Зал дышит алым бархатом и черным.
Звук скрипки небывало удрученным
Ко мне приходит, чтоб во мне открыть
Мне самому неведомые раны.
Как странно... Всё, что было, — всё в году
Бог весть каком уплыло, стало дальним...
Нет имени тому, чего я жду
Сейчас смертельно сладким ожиданьем.
Но впереди — мертвец, суров и светел,
Под смертною рубашкою простой, —
Так некогда, оставшись сиротой,
Моя душа скончалась на рассвете...

...Зурна рыдает. Дикий танец гор
Показывают иностранцам.

Скор

И медлен танец. И пищит дудук.
И звук зурны — всё тот же скорбный звук,
Звук реквиема моего. Я знаю:
Нельзя мне вспоминать. И вспоминаю
И май, и яблоню. Ее цветы —
Постелью белой по двору. И ты,
Невозвратимая как время...
Темно в глазах. Но всё кругом горит —
Сгорает. Запах платьев ядовит.
А мертвый зал, и шумный и немой,
Танцует реквием печальный мой.

1913

БЕЛОЕ СНОВИДЕНИЕ

Для Грузии сгорали мы, чтоб снова
Для Грузии гореть. Но как темно!
И солнце мрачное величия былого
В пучину слез вот-вот сойти должно.

И наше горе не возьмешь в поводья.
Красны от крови реки, а кругом...
О, наши рощи в горьком половодье!
О, наши души в трауре глухом!

О, долгий путь и бесконечный плач наш
Над гробом собственным. Погост далек,
Но всех проклятий, всех угроз, палач наш,
И этот длинный путь вместить не смог.

И белый призрак над кортежем вьется —
Мадонна белая — пресветлый лик...
А пурпурному солнцу остается
Над морем слез — один недолгий миг.

Последний луч над горьким морем тает.
Горит звезда, как скорбная свеча...
Гиена стонет... И сова рыдает...
И черный вихрь — как черная печаль...

Пречистая! Мадонна! Откровенье
Даруй нам, мать истерзанной страны:
Где наша смерть, а с ней успокоенье?
Где наша смерть, Мадонна?!.

1914

СОНЕТ ПОЭТА

Исчезнет всё. И все умрут. И эти
Одежды свадебные снимут с нас.
Могильный мрак опустится на сети
Чувств, не успевших расцвести сейчас.
Кто вспомнит, что любили мы с тобою,
Узнает кто, что жили ты и я.
Завеса смерти нас укроет тьмою,
«Прости» нам скажет ночь небытия.

И лишь сонет поэта, встав из пыльной,
Забытой книги, явится. Он — жив.
Он зарыдает над плитой могильной
Под ветром, всколыхнувшем ветви ив.
Погасшее оплачет сновиденье,
Сгоревшей жизни прерванную нить
И за поэта вознесет моленье
Тому, кто всех умеет рассудить.

1914

В ПАРКЕ

Прошествовали сумерки лениво.
Вальс Берлиоза в парке раздаётся.
«Скажи, когда», — любимой торопливо
Влюбленный шепчет... Но она смеется,

Не отвечает, дразнит, убегая.
И всё не назначается свиданье...
Лишь смех звенит... «Откликнись, дорогая,
Исходит сердце мукой ожиданья».

Откликнулась: «Я здесь, я жду, скорее».
И вновь укрылась за листвою узорной.
И в платье, полевых цветов пестрее,
Уносится под страстный ритм валторны.

Что вспомнилось? Веселье балагана.
Мелькнули предо мной былого тени.
И я, от ритмов Берлиоза пьяный,
Затосковал о Блоке и Верлене.

1915

НА КЛАДБИЩЕ

Поэта на рассвете в могилу зарывали,
И ни одна не пала на гроб слеза живая.

Был средь чужих чужим он. Кому какое дело,
Кому какая радость, что солнцу гимны пел он!

Был. Пел. И лег в могилу он, как и все на свете.
Нет для толпы святыни. Забудут о поэте.

Но ведь весна есть даже у черной смерти этой!
Из недр могильных грянет гимн солнцу недопетый!

1915

КНЯЗЬ МАГОГ

Ноябрьский бес приходил с бокалом вина
И подергивал челюстью, коротенькой и смешной,
И потягивался, и поглядывал на меня,
И спрашивал: «Ты ведь пойдешь со мной? ..»
Куда мы шли... Мы не шли — метались во мгле
Жеребенком напуганным. За нами на полном скаку
Тишина летела — темный всадник на высоком

седле, —

Тишина летела и к груди прижимала тоску.
Казались седые вершины далеких скал
Сломанными крыльями усталого божества.
Небо ли умерло или земля, кто по кому горевал —
Горьким и медленным черным снегом покрывалась
трава.

Стопала сова. Нетопырь ей вторил вдали.
Шакал глядел с амбара, у схлеста дорог.
И табуном, словно туча, кентавры шли
По черной земле, где властвовал князь Магог.

1915

МОЯ КНИГА

Заплачет ли дева над горестной книгой моей,
Улыбкой сочувствия встретит ли стих мой?

Едва ли!

Скользнув по страницам рассеянным взглядом очей,
Не вспомнит, жестокая, жгучее слово печали!

И в книжном шкафу, в многочисленном обществе
книг,

Как я одинока, забудется книга поэта.

В подружках у ней — лепестки прошлогодних
гвоздик,

Иные, все в бархате, светятся словно цветник,

Она же в пыли пропадет и исчезнет для света...

А может быть, нет. Может быть, неожиданный друг
Почувствует силу красивого скорбного слова,
И сердце его, испытавшее множество мук,
Проникнет в стихи и поймет впечатленья другого.

И так же, как я воскрешал для людей города,
Он в сердце моем исцелит наболевшую рану,
И вспомнятся тени, воспетые мной, и тогда,
Ушедший из мира, я спутником вечности стану.

1915

* * *

Трижды существуя,
Я крещен втройне,
Смерть придет впустую
В первый раз ко мне.

Я в конец плачевный
Верить не могу,
Вида ежедневно
Выси гор в снегу.

В третье посещение
Буду я — полей
Сжатых совершенней,
Яблока спелей.

1915

ГОЛУБОЙ ЭДЕМ

Рай потерянный и милый! . .

. . .Нас взнуздало, как коней,
Время — демон серокрылый —
И глумится над могилой
Голубой любви моей.

Но неверие нелепо.
Верю в сад, в его расцвет!
Незабвенна юность. Слепы,
Кто забыл о ней. И склепом
Предстает пред ними свет.

Как хохочет откровенно
Грех, безумный и нагой. . .
Страсть темно и дерзновенно
Завывает, как гнена,
Над могилой дорогой.

Но любовь не знает смерти,
Не горит в огне страстей.
В край влюбленных и детей —
В островок зеленый верьте!
Ведь любовь не знает смерти. . .

О, Эдем! И чистых глаз
Блеск. И небывало сильный
Пламень чувства — в первый раз!
И ведет надежда нас,
О, в Эдем, зеленый, синий. . .

1915

ДАЛЬНЕЙ

Будь дальней! Бездну отдаленья
Тоской заполню. Ведь на свете
Нас только двое. Так и встретим
Мы даже светопреставленье.

Я не задам тебе вопроса
О сущности моих влечений,
Но знаю: ты — моих мучений
Нераспустившаяся роза.

Меня твой дальний ветер будит.
Душа о шип твой зацепилась.
Возьми ее, о, сделай милость —
Она тебе не в тягость будет!

О грезы, ставшие золою.
Хвалы надтреснутые крики.
Склеп из химер багрово-диких
Для дорогой и дальней строю!

1915

НОЯБРЬ

Высохший лист платана желтизною тяжелой вышит,
Над куполом церкви старой снуют летучие мыши.
Долина плачет от песни улетающей журавлиной,
И осень пьет за здоровье зимы, что вдали за долиной.
Там ураган свирепеет, в дикой пляске шалеет,
В бесовском огне сгорает, ни других, ни себя не жалеет. . .
В сумеречную пору к душе подкрались печали, —
Они этот вечер, казалось, туманами укрывали.
Отец вернулся со службы, суббота глядит обновой,
Виден отблеск молитвы на седой бороде отцовой.
Глаза впиваются в сумрак, тонет во мраке местность,
Ураган, как ведьма, терзает вздыбленную окрестность.
Ноги в грязи янтарной вязнут. Темень тупая.
В жухлых листьях осенних скрываюсь я, утопаю.

10 января 1916

АВТОПОРТРЕТ

Профиль Уайльда. Инфанту невинную
В раме зеркала вижу в гостиной.
Эти плечи под пелериною
Я целую и не остыну.

Беспокойной рукой перелистывая
Дивной лирики том невеликий,
Зажигаюсь игрой аметистовой,
Точно перстень огнем сердолика.

Кто я? Денди в восточном халате.
Я в Багдаде в расстегнутом платье
Перечитываю Малларме.

Будь что будет, но, жизнь молодая,
Я объезжу тебя и взнуздаю
И не дам потеряться во тьме.

*Ноябрь 1916
Москва*

БЕЗ ДОСПЕХОВ

Мне представляется порою,
 Что мир — огромный сад,
Где всё — проклятье и отрава,
 Где гибель — шаг любой.
И без доспехов, хмуря брови,
 Три всадника летят:
Я узнаю в лицо Верхарна,
 Эредиа, Рембо.

Я чувствую, что по ошибке
 Сюда ввели меня.
За исполинскими тенями
 Я с трепетом слежу.
И, как ребенок робкий, плачу,
 Невольный страх кляня,
Тайком скорей смахнуть стараясь
 Постыдную слезу.

О, как «цветами зла» дурманит
 Мне душу пряный яд!
Как будто на меня кентавры
 Напали табуном...
Сожженная пустыня манит
 Всё пламенней назад,
И твердь, объятая пожаром,
 Горит, как ветхий дом.

Кто в этот сад впустил ребенка?
Кто душу городов
Исполнил ядовитым дымом,
Застлавшим всё вокруг?
Зачем за всадником летящим
Тень вырастает в зов?
В пустыне я, но почему же
Я вижу свежий луг?

1916
Москва

L'ART POÉTIQUE

ИЗ КНИГИ «ХАЛДЕЙСКИЕ ГОРОДА»

Розу Гафиза я бережно вставил
В вазу Прюдома,
Бесики сад украшаю цветами
Злыми Бодлера.

Что бы в далеком пути я ни встретил —
Отдых, как дома,
В мутном стихе обретет, осенится
Тенью морей.

Чувства порыв необузданный вянет
Неудержимо.
Страстью бесстрастной сжигать я желаю
Очи любимой.

Чанги моя от стыда бы сломилась,
Если бы еле
Впятные слуху стихи под гитару
Вдруг зазвенели.

Знаю, возлюбленная, ты близко.
Долгие годы
Я красоты небывалой на свете
Жажду прихода.

Грустно гляжу на подмости, в антрактах
Слез не избуду.
Слов позабытых магнитную хватку
Чувствую всюду.

Пусть же вполголоса я напеваю
Песню несмело —
Верю: пленит соловей безголосый
Сад Сакартвело.

1916
Москвы

СОН ХАЛДЕИ

Мечта целует прошлого следы,
Халдеи сны плывут передо мной:
Нас души предков — яростны, тверды —
Влекут к химерам Грузии родной!

На подвиги твои, отчизна гор,
Столетий опускается вуаль,
Но древней славы вновь горит костер,
И на Востоке вспыхивает даль.

Покрылась высь молочною росой,
Следы оставил дэви — богатырь,
Господь пустыню заслонил рукой —
Ее души пылающую ширь. . .

Надежды древней медленный папев,
Слова о счастье сгубленном слышны. . .
Пустыня спит, от зноя онемев,
Прносятся над ней былые сны.

Евфрат и Тигр качали колыбель,
А гроб качают Мтквари и Рион.
Дойдет обет сквозь толщу лет, земель:
Елiazар, восстань из тьмы времен!

1916

ХАЛДЕЙСКОЕ СОЛНЦЕ

Далекий путь, и беспредельность,
Влекущая вперед,
И солнца яд, и песнопенья
О солнце — к солнцу взлет.

Во мне рыдает предков голос —
О прадеды-волхвы, —
Я к солнцу лестницу дострою,
Приду, куда и вы...

Слова священных заклинаний,
Забытые в веках,
И городов, когда-то славных,
Ничтожество и прах!

Отчизна с нежностью старинной
Смягчает скорбь мою:
Я в золотых стихах величье
Халдеи воспою.

К Сидону путь, залитый светом, —
Один для всех пролег.
Воздвигнется алтарь победы,
Поправ пустынь песок.

Созрев для песнопений мощных,
Излиться жаждет дух, —
Теней величественных зова
Благоговейно жду.

Я буду одинок и плачу,
Предчувствием томим,
Но знаю, встретит смерть бесстрашно
Последний пилигрим.

Я слышу всё и вижу. Видит
И он... И вихорь мчит
Меня... Над кладбищем родимым,
Как ястреб, мысль кружит.

Всю жизнь томлюсь по беспредельным
Путям... Далек мой путь...
Под солнцем пламенным Халдеи
Хочу навек уснуть.

1916

МАГ-ПРАРОДИТЕЛЬ

Священнодействует доселе
Из века в век мой род.
Какое множество обеден
Он отслужить успел!

У нас и ныне на погосте
Храм врезан в небосвод:
Он — герб, что гордому поэту
Дан с первых дней в удел.

Смотрю я, как вечерню служит
Отец на склоне дня.
Псалом мне в душу залегает,
Чтоб лечь на самом дне.

На рясу черную пурпурный
Ложится блик огня.
Мое томленье по Халдее
Уже понятно мне.

В свече мерещится мне солнце
С его теплом благим
И храм, воздвигнутый во славу
Слепительных щедрот:

Как будто каменные плавит
Колонны знойный гимн
И маг поет, собой начавший
Мой бесконечный род.

Астарте предок мой молился,
И в ладанном чаду
Отец возносит приснодеве
Дар сердца своего.

Доныне не переводились
Жрецы в моем роду:
Обедни их состарят, право,
И бога самого.

Не сожалеете о потомке,
О прадеды мои.
Не верьте клевете, что робко
Я перед всем дрожу.

Пусть по себе не совершу я
И краткой литии —
Однажды панихиду миру
Я всё же отслужу!

1916

* * *

Асаргадон твоей упился плотью.
Умашены мускатом, руки пели...
О ты, напоминающая лотос,
Уже грешна от самой колыбели!

Сражений рог трубить не забывает,
Стрела стрелу целует... Зло и яро
Мысль о тебе предсмертно убивает
Раба, и воина, и спасалара...

Кто скажет, где любовь твоя зарыта,
В какой земле махина саркофага!..
Прах растоптали Времени копыта,
Ушла в песок серебряная влага.

Глаз голубой лишь светит в целом мире,
Как светлячок, игрой пленяет женской;
И молится в ночи бездомный лирик,
В том свете голубом узнав блаженство.

И долго-долго голубое око
Слепить поэтов одиноких будет,
И лирик пожалеть заставит бога, —
Пускай за одиночество не судит.

1916

ТРЕПЕЩИ, ВАЛТАСАР!

Трепещи, Валтасар, сметено твое царство, —
Трепещи, Валтасар, трепещи!
Уже смерть рассчитала последний удар свой,
Скоро сгинешь ты в черной ночи.

Да, бедняга, по грубым, по скользким ступеням
Ты спускаешься в смертную тьму.
Нет пощады ни пиршествам, ни песнопеньям,
Ни гостям, ни тебе самому.

Ибо участь твоя — это кара господня,
Приговор рокового суда.
И твой пепел, что ветром рыдающим поднят,
Завтра сгинет и он без следа.

Ошибаешься — думаешь, горе утопишь
В винных кубках, пока рассвело?
Ошибаешься — думаешь, время торопишь, —
Ан последнее время пришло!

Трепещи, Валтасар! То не факелы пира,
То врывается Кир в Вавилон.
То не кравчие пира, а воины Кира
Притаились у грешных колонн.

1916

ФАТЬМА ХАТУН

Терзает душу девы отраженье.
Фатьма Хатун, твой взгляд мне сны прожег!
О милый призрак, множащий мученья,
Когда бы прошлое вернуть я мог!

Певцы любовь поют. Всю ночь — их пенье.
Фатьма целует полный влагой рог.
Любовники спешат к ней в нетерпенье,
Пыль караванов вьется вдоль дорог.

Нет счета поцелуям. Счастлив пленный,
Хотя потом казнишь его изменой.
Кто б ни был — Чачнагир иль Автандил, —

Как не мечтать о жарких тайнах ложа!
Мышь в западне, иль с голубем ты схожа,
Душа? И ястреб голубя сразил.

*Январь 1917
Москва*

ПЬЕРО

Опять весна запенилась в саду,
И розы прошлогодних не бледнее,
А даже ярче в нынешнем году,
Да и любовь во много раз хмельнее.
Здесь был Саят-Нова и Теймураз
Со слугами, одетыми пестро,
А сердце тут в чашобе слов и фраз
Плутает заблудившимся Пьеро
И озирается: всё ново и старо...
Не сон ли это длинный, длинный,
Расплывшийся в слезах над Коломбиной.

1917

КОРОЛЬ БАЛАГАНА

Я знаю, откуда пришел я сюда,
Чье солнце меня обожгло.
Предшественник мой был похож на Христа,
Мне жить на земле тяжело.

А если я пел не о том, что люблю,
То не современен для вас. . .
Забытого бога, как прежде, молю,
Забытым заветам дивясь.

Как бедный жонглер, я бросаю звезду
Одну за другой в потолок, —
Внезапно проснусь, и в кабацком чаду
Блудница мне дарит цветок.

А в диком оркестре всё трубы хрипят,
Всё пьяные негры кричат.
Оборван и нищ с головы и до пят,
Кабацкий покину я чад.

Король балагана, пускай посрамлен, —
Умру, королевство храня.
Вы, солнцепоклонники давних времен,
Примите как брата меня!

1917

ПЕТЕРБУРГ

Ветер с островов курчавит лужи.
Бомбой взорван воровской притон,
Женщины бредут, дрожа от стужи.
Их шатают ночь и самогон.

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный Всадник опускает руки.
Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столстий несомненен,
И исход сраженья предрешен.
Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон.

Черпая бортами мрак, в века
Тонет тень Скитальца-Моряка.

*В ночь на 25 октября 1917
Кутаиси*

ВАНКСКИЙ СОБОР

В древней Наири, в Ванкском соборе
Воспоминания душу томят.
Древней Халдеи вижу предгорья,
Звездный жонглер я, верный ваш брат.

Если земле моих праотцев ныне,
Бедный Пьеро, ничего не даю, —
Пусть будет счастье для них в Коломбине,
В Ване свершим литургию свою.

Если погаснут парные свечи —
Свечи стихов никому не задуть.
Потусторонние, будем далече,
Души отточит нам дальний путь.

Только пустите канатоходцев!
Там будь что будет — жизни видней:
Многими ей панихида поется,
Некто поет и танцует над ней!

6 января 1918

ХАЛДЕЙСКИЙ БАЛАГАН

О родина, смотрю я на тебя
Из сумерек партера.
Мой старый балаган, с тобою снова я —
Бродяга и актер.
От выцвета души твоей не защитили
Ни пестрая фанера,
Ни холст цветной — всё солнцем беспощадно
Расстреляно в упор.

Еще стекаются с актерами фургоны.
Раскрашенные, в блестках,
Сидят фигляры, фокусники, маги;
Борцы шагают в рост.
О братья милые, сегодня с вами я
Сыграю на подмостках.
Поставим «Душу» мы. Старинный этот фарс
Возобновим для звезд.

Пусть о Тамаре, троице святой,
О благодати старинной
Расскажет летописца Грузии
Правдивое перо,
А я, склоняясь над плачущей моей
Подругой Коломбиной,
Лишь звездам расскажу о ней слезами,
Как преданный Пьеро.

Всегда с тобой рыдать я буду, Колумбина!
И правдой наших слез
Не смыть румян твоих, что положил жестокий
Гридер — туберкулез.

22 апреля 1918

ВТОРОЕ АПРЕЛЯ

Сдан уж Батуми, идут по Орпири татары —
Персики кровь источают, цветут, багровея!
Отблеск Сатурна, несчастья вещающий, ярый,
Пал мне на душу, и сгорбились горы над нею.

Сердцу поэта исполнилось четверть столетья,
Чудится ж мне: раньше Грузии в мир я явился...
Время настало — смог красную шапку надеть я, —
И в Гарибальди на миг ты, Пьеро, превратился!

Ярко сверкают страны моей звездные выси...
Ванкский собор! Одиноко стою пред тобою.
В это мгновенье не думает больше Тбилиси
Об эшафоте, куда возведет он бывшее.

Новый позор обречен в эти дни испытать я —
Горе Халдее! Без сил я стою на дороге...
Копоть родных очагов — вот душа моя, братья, —
Нет, не вино — только слезы одни в моем роге!

1918

ВАЛЕРИАНУ ГАПРИНДАШВИЛИ

Мечта твоя варилась в кухне Гойи.
Ты бродишь в сумерках Эскуриала.
Лишь молния, бывало, озаряла
Полночный Кутаиси пред тобою.

Офелия твоя или другое
Твое безумье, — сколько матерьяла!
Ты укрощал стихами рев Дарьяла —
Сам весь в крови — в разгар ночного боя.

Там — трупы двойников твоих простерты.
Там жаждет боя тень Лотреамона.
Там я, твой друг, оружием владею.

Там за тобой пылает Запад мертвый.
За мной — Восток таинственной Халден.
Мы всех поэтов славим поименно.

1918
Орпири

ОСЕНЬ В ОРПИРИ

Трупом Левиафана Орпири гниет.
Бродят аисты, пересекая болота.
Гнется ветвью душа. Средь рионских болот
Аист — как тонконогая тень Дон-Кихота.
Зябко в лужах последним лягушкам. Они
Шевелятся в пузыристых слизистых гнездах.
Въехал на дилижансе Октябрь. О, вздохни —
Полон насморками и простудами воздух.
Слава Грузии! От нехмельного вина
Имеретии все-таки я опьянею.
Как насадка зимою, земля холодна.
Сокрушаюсь о том, наклонившись над нею.
Жаба Лотреамона, оплакать тебе
Надо грязь эту, самую мощную в мире.
Всё же всем пантеонам, земле Дидубе
Предпочту я прогнившее тело Орпири,

Апрель 1919

БИРНАМСКИЙ ЛЕС

Лес Бирнамский... Халдеи глубокие тени...
И у пьяного гостя на жестком колене
Леди Макбет нагая. Смертельно бело
Одеянье согбенного лорда Пьеро.

Вот Артур. С ним больные его бесенята.
Чианури звучит, в тонких пальцах зажата,
Как смычок, отсеченная напрочь нога.
Тотчас самоубийцы, наполнив рога
И бокалы, как будто к заветной отраве,
Припадают к ним — слава тебе, моурави!

Круг павлиний замкнулся, и в нем, точно зайца,
Ярко-желтого гонит Паоло малайца.
И Офелия, быстро взглянув, замечает,
Как пощечину звонкую вдруг получает
Бледный Гамлет от дерзкой руки Валериана.

На большом эшафоте и зыбко и странно
Эфемерный возводится храм. Никому
Я не верю... Мучительны пежности Мэри.

Коломбину бьет кашель чахоточный. Двери
Закрывает ноябрь, чтоб не слышать ему...

1919

ТОГО СКРЫВАТЬ НЕ НАДО

Дезертиры палят из ружей.
Рыжей кровью течет Лиахва.
Проступив из души наружу,
Прожитое тленом запахло.

Десять лет — будто рябь сквозная,
Страшных снов обугленный свиток.
Как я выдержал, сам не знаю,
Столько горечи, столько пыток.

Для страдающего поэта
Все слова потеряли цену.
Пусть расширилась сцена эта,
Мертвецом я вышел на сцену.

Так в грузинской сказке: бедняга
Набредает на ключ бессмертья.
Он домой воротится с флягой,
Тут ему и крышка, поверьте!

Так с поэтами происходит,
Что, видать, от рожденья хилы.
Если слава их и находит,
То лежит на плитах могилы.

Их стихи — словно кубки яда.
Им отравы скрывать не надо.

1919

ЗАПОЗДАЛЫЕ СКАЧКИ

Всё мне кажется, будто на скачки
На хромом я явился коне...
Стихотворная накипь, горячка,
Посрамленье приносишь ты мне!

Я не рыцарь, сражавшийся смело,
Да и поля тут нет для атак...
Ты же знаешь: мечта улетела.
Не пугай — я напуган и так.

Этой крови горчайшей потоки
Не с мечом — так со словом пройди!
Ждет нас бой роковой и жестокий,
Будь же стоек, борьба — впереди...

Возле нашего ясного моря
Море крови уносит сердца...
Разве язву смятенья и горя
Мы не сможем отмыть до конца?

Гибель
Словом прекрасным и гордым
Встретит лебедь с разрубленным горлом!

1919—1921?

БЕЗУМНЫЙ СВЯЩЕННИК И МАЛЯРИЯ

Старый Орпири. . . Руины пристани длинной.
Лихорадит луну из-под туч навеса.
На отцовской рясе — нить паутины.
Ночь бела, но черна халдейская месса.
Старая песня: безумный священник и малярия.

Плачут лягушки в болоте, спрятаны тиной,
Будто душит чахотка их кашлем усталым.
Смешались здесь аисты с павлинами,
И луна влачится, тяжелым шурша одеялом.
Старая песня: безумный священник и малярия.

Шлю я от звезд привет обезумевшим братьям,
К сатурналиям прошлого влекусь забытым.
Уже отдано поле саранче и проклятьям,
Язвы родины смрадной повязкой повиты.
Диссертацию мне бы писать о веке тяжелом:
Саакадзе и желтые очи монголов.
Старая песня: безумный священник и малярия.

Старый Орпири. Прах пристани разоренной.
Небо Халдеи воздвигнуто эшафотом.
Каждую щепку души пересчитать упоенно —
Вот каким мономан предан отныне заботам.
Грузии светлой звезда умерла в небосводе,
Реквием слышится в каждой из наших мелодий.
Старая песня: безумный священник и малярия.

1919

САТУРН И МАЛЯРИЯ

Не от вас — от себя я хочу разрешенья сомнений:
Почему угнетенной душой не могу уйти от тоски я?
Почему рок жестокий сцепляет минуты мучений,
Подсказав мне два цикла стихов: о Сатурне
и о малярии?

С юных лет только реквием слышу я, длящийся ныне.
Словно звезды по небу расселись лягушки-халдеи,
Мухи дохлые всюду мерещутся мне в паутине,
Паутина же к телу рубашкою льнет всё плотнее.

Судьбы родины... Счастье любви... Все живые
Чувства мной не забыты — поверьте мне в этом.
Но в глазах у других вижу очи отца я слепые —
Обо мне они плачут, навеки покинуты светом.

Мне ведь тоже мечталось о доме, пускай небогатом,
И не так уже много прошу у судьбы я лукавой.
Только всё исчезает в скитаньях и мчится куда-то,
Я же собственный гроб проношу, словно памятник
славы.

1919

СВЯЩЕННИК И МАЛЯРИЯ В ГРОБУ

Пройдет годовщина... Ноябрь
Чернее епитрахили.
Мне сердце, плача, напомним
О рясе черной.
Последнее стихотворение
Сложил я в раскаяньи,
Когда чужие священники
Отца отпевали.
Над его могилой
Заплачет старая песня.
Дорогой мой отец — безумный
священник —

И малярня.

Пройдет годовщина... Не знаю
Иной я песни,
И без стихов я плачу,
Каждую ночь вспоминая
Сердце его, холодное
Словно точильный камень.
Твоих мучений горьких
Остался один лишь свидетель,
Он плачет, тебя восхваляя,
Отец мой — безумный священник —
И малярня.

Горит Халдея, покрыта
Несгорающей рясой,
Пламенем растекаются
В душе моей грозы,

И, как всегда, со Смертью
Вступаю я в поединок,
А тень твоя рядом со мною
Уходит в это сражение,
Незримая миру.
Весь мир закружит
Мною спетая песня,
Отец дорогой мой — безумный священник —
И малярия.

Меня среди детей ты
Слабым оставил,
Ведь Грузия — это пустыня
Для одиночки.
Не был я в трауре,
Был только в черном, —
И вот я страдаю
Только за это.
Но трауром стала
Старая песня:
Отец дорогой мой — безумный священник —
И малярия.

Отец, будь и там ты,
Как прежде, спокоен,
Ведь ты здесь оставил
Сына-поэта,
И в сотый раз справь там
Ты панихиду,
Чтоб в жизни своей непутевой
Покой обрел я.
Я для тебя заставил
Плакать старую песню,
Дорогой отец мой — безумный священник —
И малярия!

Ноябрь 1920

НИНЕ МАКАШВИЛИ

Словно с креста балаганного — красное платье.
Голос твой нежностью болен — могу ли молчать я?
Старый сонет навевает терцину упрямо...
Тьма опустилась, молчат на базаре духаны,
Месяц восходит, похожий на труп бездыханный...
Как ты смеялась под сводами Ванкского храма!
Мы на Мухранском мосту, над кипящей водою.
В Грузии жить — всё равно что покончить с собою!
Самозабвенно мы любим ее, беспричинно —
Нравится нам заманившая нас паутина...
Ило, Зенон — орден смерти, старинный, кровавый...
Роги свои наполняем мы сами отравой,
Гибели демон отважно над нами взмывает —
Вижу я морг, что отравленных нас принимает.
Я заклинаю стихами, любовью печальной:
Пусть же Танит осенит нас молитвой прощальной!

1920

ЧЕМПИОН СЕЗОНА

О, это всё темно и непонятно,
Как жизнь иероглифов темна.
Я — мальчик, чиркающий грифелем невнятно,
Когда душа другим увлечена.

Мадонна на базаре Дезертирском —
Не ново ли? Я холоден душой.
А «Западный диван» напишет с блеском
Какой-нибудь торговец небольшой.

Мне прежнее пристрастие к излишням
И слезы беспричинные смешны.
Ведь лира — гусли, лирика — кривлянье,
Когда надежды в прах сокрушены.

О сожаленьи, а не о спасеньи
Молю. Скрипичной мессой мне в ответ
Лафорговское плачет воскресенье —
И просит мирра проклятый поэт. . .

Орпири. . . Дождь. . . Потоп. . . Добыт волною,
Ихтиозавр в ревущей тьме исчез. . .
И мнится: я — в порфире, надо мною
Нашептывает страсти мокрый бес.

Бегу за уходящим днем, едва ли
Не как ребенок. Моего отца
Священники — двенадцать! — отпевали,
Ни одного — в час моего конца!

Господь приемлет душу. В целом свете
Он ведает: не для земли она...
Так малярия плакала в поэте.
Сумбурна речь Табидзе и темна.

1920

ОРПИРСКИЙ ЗЛАТОУСТ

1

На болтуна-златоуста взгляните-ка!
Эта лягушка из топей Орпири —
В багровой она королевской порфире,
Знакома прекрасно ей

догматов эквилибристика.

Тициана Табидзе — меня самого,
Поэта лихого — взрастила она.
Твержу я и в Пасху, и в Рождество
Всё те же слова — без покоя, без сна, —
С церковного амвона, летя над вами,
Провозглашаю я звонко и прямо,
Как «Баккара!» — крупье в казино,
Как будто нам радость приносит одно —
Чтение стихов Рафаэла Эристави
(Конечно, о них забывать мы не вправе).
Хочу полюбить я поэзию, слово,
Дыханье Орпири родного,
Как мать моя любит доить корову. . .
(Ведь тот, кто смеется сейчас надо мною,
Так сильно не любит дитя родное!)
Даниил-урий — бард Имеретии,
Дедас Левана — певец Кахетии. . .
Всё, что имею, готов отдать я,
Чтобы хоть раз попасть в хрестоматию!
Когда Саакадзе упоминали,
«Витязь в тигровой шкуре» твердили. . .
А вы дадаистов в черкесках встречали?

С Плутархом друзья недаром сравнили
Ивана Джавахишвили!
Может, когда-нибудь и обо мне
Ученый труд сочинят:
Поэзия, верная левизне,
Сейчас идет парасхват.

У каждой веснушчатой девушки водится
В Грузии свой поэт. . .
Сегодня
Спустись с небес богородица —
До нее поэтам и дела нет.
Глаголит так златоуст Орпири —
Жирная жаба
В красной порфире:
«Поэты, товарищи, все, кому
Трудно сегодня пишется!
Слову поверьте вы моему,
Пусть громко ваш голос слышится.
Смело и прямо признайте:
Ваш стих
Сегодня суровее вас самих!
Для НОТа теперь наступило время
И для электрификации.
Так кто же сегодня себе позволит
Поэзией увлекаться?»
Каждый честный поэт ответит,
Кто у него на уме:
Даниил-урий из Имеретии
Или Стефан Малларме?

2

Не стих это даже. . . Не песни начало. . .
Аннексия жабы меня испугала.
Хочу в своем слове, лишь правду несущем,
Народу о прошлом сказать — и грядущем.

Эльбрус и Казбек, взоры вдаль устремляя,
Стоят, как столбы эшафота, как братья.
Неистовых деспотов злобная стая,
Терзая хитон, изрыгает проклятья. . .

Но меч Саакадзе настигнет злодея!
Он всех уравниет... Кто сможет укрыться?
И вновь в Цицамури взойдет орхидея
И труп Мачабели Курой возвратится...

Коль Грузия — мост, что из волоса вьется,
То сколько тут гениев в бездну сорвется!

.
.

Последний поэт, остающийся в мире,
Устав от стихов, говорит это, братья...
Когда вас коснется пыланье Орпири —
Вы вспомните сами об этом трактате!

1921

ПАОЛО ЯШВИЛИ

Вот мой сонет, мой свадебный подарок.
Мы близнецы во всем, везде, до гроба.
Грузинский полдень так же будет ярок,
Когда от песен мы погибнем оба.

Алмазами друзья нас называют:
Нельзя нам гнуться, только в прах разбиться.
Поэзия и под чадрой бывает
Такой, что невозможно не влюбиться.

Ты выстоял бы пред быком упорно
На горном пастбище, на круче горной,
Голуборожец, полный сил и жара.

Когда зальем мы Грузию стихами,
Хотим, чтоб был ты только наш и с нами.
Будь с нами! Так велит твоя Тамара.

Август 1921

МЕЛИТЕ

Александрия... Карабулах...
Звездная гончая, нимфа Мелита...
Стих подступает, как конь на рысях,
Ярость мадонны, нимфа Мелита!

Долго поэта терзали мечты;
Вот, заставляя прохожих молиться,
Взор Клеопатры скользит с высоты.
Сердце распорото, стих мой дробится...

Видится мне: тень за тенью идет, —
Что рассказать им, поэзия, сможешь?
Первой мечты окрыленной полет!
Ты красоту открываешь и множишь...

Лирика душу сегодня влечет.
Разве Пиндаров у нас не бывало?
Как этот стих неровно течет, —
Новых стихов он залог и начало.

Пусть, королева сезона, с тобой
Мчит, как герольд, до Парижа афиша...
Сложит в кафе тебе песню другой,
Встретим стихами возврат из Парижа!

Звездная гончая, ярость мадонны...
Кахетии сломанная корона.

1921

ЗНАМЯ КИММЕРИЙЦЕВ

Словно знамя киммерийцев,
Небосвод изодран в клочья.
Стяг Халдеи багровеет,
Кровью, ядом напоен.

Скорпион мгновенье выбрал —
Он себя ужалил ночью;
И над городом сожженным
Вихрь пылающий взметен.

Наша лирика сегодня
Зарыдать опять готова,
Ей о белых днях воскресных
Сердце помнить не велит. . .

Как паяц, на храм Лафорга
Влез паук, искавший крова,
И на тонкой паутине
Он под куполом висит!

У Христа теперь четыре
В мире есть евангелиста:
Гоги, Валериан, Паоло,
Я — четвертый, Иоанн.

Остров Патмос — мой Орпири,
Край нетленный, край лучистый,
А для нового крещенья
Топь Риона — Йордан.

Все уйдем мы. Будет сломан
Меч стиха у рукояти,
И поэзия пред смертью
Свой поднять не сможет взгляд. . .

И в агонии, чуть слышно,
Как последнее заклятье,
Наши имени четыре
Трубы скорбно протрубят!

Но архангельского гласа
Я не слышу рокового,
Патмос гибелью не дышит,
Не влечет его она. . .

А меня сегодня демон
Наших дней тревожит снова,
Подливать не нужно в чашу —
Без того она полна!

1921

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ АПРЕЛЯ

Снова мне снится кафе «Монпарнас»,
Сонм проституток, дряхлеющих в нем...
Мысль о тебе кто похитит сейчас?
Сердце свое я сжигаю вином.

Чуден Тбилиси в преданьях седых:
Входит в гарем свой Ага-Мамед-хан,
Бéсики слышу чарующий стих,
Мир мне апрелем расцвеченный дан...

Как патриарх не хочу умирать,
Грузии солнце не радует взгляд,
Жажду от отчих могил убежать —
Для плясунов тут натянут канат...

Весь я изломан, как рифма моя
(Не извинение это, не злость)...
Скачка сломить не сумеет коня,
Я для судьбы — лишь игральная кость!

Ныне избег я разбойничьих рук,
Счастлив стихам этот день я отдать,
Страсть прошлогодняя вспыхнула вдруг,
Вижу Мелиту-Астарту опять.

Песни Бéсики в сердце моем!
Землетрясенья горийского ждем...

2 мая 1923

КАРМЕНСИТА

Ты налетела хищной птицей,
И я с пути, как видишь, сбит.
Ты женщина или зарница?
О, как твой вид меня страшит!

Не вижу от тебя защиты.
В меня вонзила ты кинжал.
Но ты ведь ангел, Карменсита,
Я б вверить жизнь тебе желал.

И вот я тлею дни и ночи,
Горя на медленном огне.
Найди расправу покороче, —
Убей, не дай очнуться мне.

Тревога всё непобедимей,
К минувшему отрезан путь,
И способами никакими
Былого мира не вернуть.

В душе поют рожки без счету,
И звук их жалобно уныл,
И точно в ней уютится кто-то
И яблоню в ней посадил...

И так как боли неприкрытой
Не утаить перед людьми,
Пронзи мне сердце, Карменсита,
И на небо меня возьми.

Май 1923

СКВЕРНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Шесть лет собиралась,
А ныне исторгла
Душа моя стихотворенье...
Его назову «Воскресеньем Лафорга», —
Скверней я не знал воскресенья!
Не слышится звона колоколов,
Стоят, как призраки, храмы.
Ах, если бы я не сказал этих слов,
Желчь в сердце б мне хлынула прямо!

Похвастать могу, что даже во сне
Являюсь я истинным богом лени;
А если прибавить, что вижу в вине
Родную стихию, исток вдохновенья, —
То в Грузии нашей могу при этом
Самым великим прослыть поэтом!

Теперь сюда, пожалуйста, гляньте:
Котэ Марджанишвили,
Шалва Дадиани,
Ушанги Чхеидзе,
Сандро Ахметели
Восседают в цирке братьев Танти
На юбилее Кула Глданели.
У карачогели сих, в самом деле,
Откуда такой темперамент возник?
Стоит на арене бедняга Глданели,
Как прогоревший купец-оптовик;
А перед ним — его прежний портрет,

Но силы железной —
В помине нет.

Как самоубийцы, бредут по проспекту
Гаприндашвили и Надирадзе, поэты...
Потом (от жары шумит в голове)
Задыхаемся мы на «Веселой вдове».

Описано в этом стихотворенье
Одно упраздненное воскресенье.
Потом — ведь время летит вперед —
Уж так не смогу развлекаться я...
Пора настает, начало берет
Стиха электрификация.

Июль 1923

МЕЛИТА

(Дадаистический мадригал)

Имя мое — Тициан, — как ни странно,
Больше всего опозорено
Сравнением с бархатом Тициана
На старинных полотнах разодранных...
Ведь не предвидел, честное слово,
Ты, Тициан, двойника такого!

Мэри Шервашидзе висит портрет,
Вырван из журнала Диасамидзе —
Художник писал его несколько лет...
Глядит на мой стих с улыбкою дама,
Лицо богоматери у нее —
Издrevле таким воздвигали храмы...
И сверху глядишь на меня ты, Мэри, —
Я из журнала Сандро Канчели
Вырвал этот портрет —
Художник писал его несколько лет...

А ты, Мелита, смотришь на чистое
Небо Тютчева —
Небо Рима.
В Италии, думаю я, футуристы
Сейчас от тебя в восхищении...
Тбилиси ж идет на убыль незримо,
Всё медлит и медлит землетрясение.

1923

ТБИЛИСИ

(Ода)

О землю посохом ударил Горгасал,
И город мой восстал на горе и на муки.
Он голосами павших лиру мою звал,
Бесчисленных крестов протягивая руки.

Сказаньем песенным хотел бы в высоту
Над Қартли взмыть, в заоблачные выси,
От смертной жажды изнывая на лету,
Подобно соколу в легенде о Тбилиси.

В Куру потоками стекала кровь с полей,
Врагом растоптанных и кровью напоенных;
Катились наземь купола твоих церквей
В те дни с плеч каменных, как головы казенных.

Меч Саакадзе на врагов за взмахом взмах
Тогда обрушивал разящие удары,
И, как снопы, на окровавленных токах
Детей расплющивали досками татары.

Навек с душой царя Ираклия ушла
Печаль, окутанная сумеречной правдой,
Когда над Қартли дымно розовела мгла
От моря крови и от зарев над Марабдой.

О том поэты нам не смеют рассказать,
Листая летопись измученной столицы,
И даже Руставели отводил глаза
От крови, склеившей шафранные страницы.

И если чья-то песнь, как стих Саят-Нова,
Как лебедь, крылья над тобою распростерла,
То знай, что эти полумертвые слова
Текут из насмерть перерезанного горла.

Ты — город-мученик, и вечный твой гранит
Мне стал уже давно источником мучений, —
Певец твой легендарным соколом сгорит
В неопалимости купины поколений. . .

Так жди, когда тобой сраженный влет
Поэт к ногам твоим, как сокол, упадет.

1923

МУХАМБА́ЗИ, КОТОРОЕ НЕ ПОЕТСЯ

Из Ортачалы плыл Орбелиани
С уловом рыбы в легком челноке,
Зурна звенела в утреннем тумане,
Как будто бы подъем в татарском стане
Пронзительно трубили вдалеке. . .
И зурначами встрепанное утро
Уже грузилось в сливах на мулов,
В корзинах, отливая перламутром
Росы коджорских утренних лесов.
Саят-Нова словами поутру
Трясет за косы сонную Куру, —
Там песнь его вовсю Каро горланит:
«Где прогремят стихи Саят-Нова,
Там гром гремит и клонится трава!»

И вот опять проснулся мой Тбилиси,
Спросонья потянулись цепи гор.
Ущельями зевнув, поднялись выси
И вызывают сердце на простор.
На двух горах с зарею над Кабахом
Необычайно снег порозовел,
Как на щеках сестер, которых замуж
Орбелиани выдать не успел.
С зарей еще прекрасней храм Кашвети.
В такое точно время, на рассвете,
Орбелиани плыл в родные дали,
Туда, где тамаду уже давно

Рога, вином наполненные, ждали
И подносили с криками вино:
«А ну-ка, парень, пей до дна смелее!»
Я — Тициан. Пусть знают, как я пью...
Но я в стихах во много раз сильнее:
Не только гром гремит под песнь мою —
Она под шум кладбищенской травы
Рассыплет в щелы гроб Саят-Новы.

Май 1925

ТАМУНЕ ЦЕРЕТЕЛИ

Никогда не бывало так радостно мне,
Как сегодня. Не знаю, в чем дело.
Не хочу я, чтоб сердце горело в огне,
А искусство мое охладело.

Из ворот Ташискарри летит ураган,
Блещет пламенем шлем Моурави.
Серп луны изогнулся, прорезав туман, —
Скорбный месяц в холодной оправе.

Замирая, не в силах я глаз отвести
От развалин старинного стана.
Опоясан мечом, я стою на пути,
Но не видно нигде басурмана.

И стихи Гуриели похожи на стон:
«Кто прославит Тамарины чары?»
Жизнь моя — только миг, но разрублен и он
Соименницей дивной Тамары.

Кто прославит Тамару и этой другой
Кто споет, распростершись во прахе?
Светозарная Картли горит надо мной,
И в плену я у стен Моды-Нахе. . .

*Июль 1925
Боржоми*

ИЛАЯЛИ

Али Арсенишвили

Еду под киммерийским
Закатом туманным.
О Али, твоим голосом
Сладко Пушкина вновь мне читать...

Это Бахчисарай —
На лице моем брызги фонтана,
Струям древних фонтанов
Никто не мешает рыдать.

Вопрошаю у полночи
Скифской
Глухой:
«Где ты, юность, исчезла
Подобно виденью?»

Кто, о кто засмолил
Мое сердце
Этой желчью сухой.
Запечатал,
Не дав возмужать вдохновенью?»

Я везу, как Важа,
Свои песни в хурджине,
Предвидя в печали
Эту горечь,
Которую там
Без меня замешали.

И в Скифии. Опаленный Киммерийскими сумерками

Друч (брат) дорогой - я пьюна голова читаю Пушкина

Бахчисарайского Фонтана обливает меня струей
Старые фонтаны никто рожать не мешают.

И Попрашало мглистую скифскую ночь

Куда делась ^{наши} робость и наш восторг (паровая, чужие)

Кто обвинул нашу запящую ~~в~~ руку
и не дал возмущать нашему взождению

Скоро в Тифлисе, как прежде (некогда) Кама - Ишакела

Я привезу перебранными сумками стихи

Но боюсь считать несчастья ~~с~~ горько ~~с~~ собой

Которой ~~то~~ так сердито ~~бывает~~ меня закрывает на Вуде

Книжечко с ~~мной~~ скорбной мыслью Овидия

Ты и ближе ~~к~~ воде, чем в старину (раньше)

Могла с тобой ~~на~~ Руснабели (прелесть) ^{принимать}

и великий позабитые строчки ^{речь в Сивиле}

Не поминано по время, когда с Тобою встретились

как ~~в~~ ^в ~~Тифлисе~~ ^{Тифлисе} ~~Литургия~~

Белая обложка на белом мосту ^{на} ~~Тифлисе~~ ^{как}

Восточная роща в ветреном занюхав ^{леде} ~~стихи~~

что дале в Курмане за зимоване ^{расвета}.

Вспоминаю Тифлисе, могилы уюго, Вардас Чбани (уны
Заур-анути рети, и старшие счастия и Иластли. ^{речи}

Материю (зудки) взлетелный (всорокентки) ^{стихами}

Друч мой! осталось ли ты ^с ~~т~~ ^{того} ~~и~~ ^{моими}?

И Овидия тенью
Клянусь я —
В горячей надежде,
Что я больше теперь для тебя
И роднее, чем прежде.

Я мечтаю с тобою пройти
Под навесом листвы Руставели,
Чтоб забытые строки,
В слезах обновясь, прозвенели.

Вспоминаю я давнее:
Встречу с живым Лоэнгрином;
Белой яблоней к Белому мосту
Ты лебедем плыл.

Ты, как витязь, обложен был
Песенной данью старинной. . .
Помню я: не заметили мы,
Как рассвет наступил.

Вспоминаю Тбилиси. . .
Молочное утро и Вардисубани,
Россыпь слов,
Водопады стихов,
Илаяли.

Струны Саят-Новы
Во вздыбленном песней духане.
О Али! Ты сберег ли то пламя
Любви и печали? . .

Грозный год. . .
Мы — голландцы летучие
В бешеном шквале.

Плачет сердце,
Летит светлячком на ветру,
Илаяли.

Буэнос-Айрес в Тбилиси. . .
Сердце горем натружено.

Александр. . .
Тюрбаны малайцев — в окне его.

Тех страдальческих лет
Панихида отслужена.
Вас оплакал
Нежнейший напев Сабанеевой.

То Давидова колокола
Мне сквозь годы
Доносится звон.
Сплю. Мне Скифия снится,
И длится мой сон.

Август 1925
Анапа

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Был необъезженным, как жеребенок,
Как Чагатар, в крови был весь.
Я очень жалею, что в мир погребенных
Сопровождает тебя моя песнь.

Шла за тобою тоска степная,
Шла — к ущелью Дарьяла пришла.
Душу встретит душа живая,
Слезы хлынут, — нет им числа.

Разве в спасенье сердца не верил?
Разве о жизни не думал всегда?
Кто нас утешит в этой потере?!
Кто же нам смоем краску стыда?!

Стихи твои — рваная рана, горенье,
Боль, воспаленной души непокой.
Самоубийство — увы! не спасенье,
Кровь приобщается крови другой. . .

Пьяный Паоло варил на рассвете
Кепку свою в прокопченном котле.
Мороза стегали нас хлесткие плети,
И вестью о смерти клонило к земле.

Плачет в душе твой завет сокровенный:
Помнить твой случай на пире судеб.
В красном вине ты разбухнешь мгновенно,
Комом кровавым размокнешь, как хлеб.

Верю в родство наше, вспомнить посмею:
Монгольская кровь у обоих у нас.
Душу убили, а тело — за нею,
Тело доби́ли мерзавцы тотчас.

Случилось, как нам, страдать Амирану:
Впились ему в ребра когти беды. . .
Выпить нам яду, как мирро, желанно, —
Первым сказал ты аллаверды.

Ночью мы были у Чопурашвили.
Вспомнив тебя, надрывался орган.
Брату не скажешь о горестной были,
О горечи незарубцованных ран.

Это — тяжелое потрясенье.
А еще тяжелей, что дитя мечты,
Юный красавец Сергей Есенин,
Эту клятву не слышишь ты.

Если в преддверьи иного света
Головы наши от нас отлетят,
Пусть узнают: среди поэтов
Был нам Есенин и друг и брат.

28 февраля 1926

ТАНИТ ТАБИДЗЕ

Саламбо, босоногая, хрупкая,
Ты привязанною за лапку
Карфагенской ручной голубкою
Ходишь, жмешься и хохлишься зябко.

Мысль моя от тебя переносится
К Карфагену, к Танит, к Ганнибалу.
Он на меч свой подставленный бросится
И покончит с собой, как бывало.

Сколько жить мне, про то я не ведаю,
Но меня со второго апреля
Всю неделю тревожат, преследуя,
Карфагенские параллели.

Я в Тбилиси, но дерево всякое,
Травка, лужица гонят отсюда,
И лягушки весенние, квакая,
Шлют мне весть с деревенского пруда.

Спи, не подозревая ни малости,
Как мне страшно под нашею крышею,
Как я мучусь тоскою и жалостью
Ко всему, что я вижу и слышу.

2 апреля 1926

СКИФСКАЯ ЭЛЕГИЯ

1

Здесь горевал Овидий о Риме,
Плакал о злой судьбе сыновей.
Рима и времени необоримей
Пламенный стих в чеканке своей.

Пушкин тут помнил низкое небо,
Северный серый город Петра.
Гибнущий город, — он был или не был,
Или он рухнул только вчера?

Тут Александр Македонский с боем
Гнал амазонок в оные дни,
Не променял он на женский пояс
Львиную доблесть львиной брони.

Скифские орды в похмельи диком
Яро ломали хребты коней.
Рати Ислама промчались с гиком,
Чтоб на Дунае осесть прочней.

Много племен прошло, чье семя
Смешано тут и втоптано тут.
Стихла их ярость. И надо всеми
Тучи седой Киммерии идут.

Что же мне делать? Песней ли это
Сердце мое взмывает, друзья?
Нет, лебединой песни поэта
С порванным горлом запеть нельзя. . .

Много еще племен прокочует,
Высохнут гирла понтийских рек,
Но что поэт однажды почует —
В жилы стиха прольется навек.

Здесь горевал Овидий о Риме,
Здесь вспоминал сыновей своих.
Рима и времени необоримей,
Мною подхвачен памятный стих.

2

Разве я кем-то из дому изгнан?
Сам добровольно кинул отчизну, —
Вот и брожу по скифской стране,
Да не поможет чужбина мне.

Но Киммерия нынче близка мне —
Дикие степи, голые камни. . .
Иль это пушкинский горький стих —
Первопричина скорбей моих?

Или слепец настроил бандуру
И обошел Христа ради базар,
Или собака завывала сдуру,
Или я сам дал волю слезам?

Детство ли вспомнил, юность ли прожил? . .
Сердце мое бандурист растревожил:
Что же он плачет, бедный слепец,
Миру всему пророчит конец?

Словно я ждал еще с колыбели
Ночи такой, непогоды такой, —
Скифы на море песню запели.
На сердце смута и непокой.

3 сентября 1926
Анапа

հոս-հոս

2.

... անք անքառք քո անքառք
քո 157 հասցե անքառք և քո քո.
3-րդ շտաբային քո քո քո քո
քո քո քո քո քո քո քո քո.
սառն զոքս քո քո քո քո քո,
սառն զոքս քո քո քո քո քո;
ձեռք քո քո քո քո քո քո
ձեռք քո քո, քո քո քո քո.
սառն քո քո քո քո քո քո,
քո քո քո քո քո քո քո.
այ քո քո քո քո քո քո,
քո քո քո քո քո քո քո.
քո քո քո քո քո քո քո
քո քո քո քո քո քո քո.
քո քո քո քո քո քո քո
քո քո քո քո քո քո քո...

Չարսեան

ОРПИРИ

Лет двадцати этих будто и не было,
Малым ребенком лежу во дворе я,
Снится еще не забытое небо мне
Детства, что лаской меня еще греет.

Встала гора Накерала там черная,
В топь Чаладидскую солнце украли,
Снится мне платье Тамары узорное, —
Этот узор десять лет расшивали.

Кто даст мне славу, как та, руставелева, —
Всё же могу помечтать я украдкою,
В тень я люблю забираться под дерево —
Сладостней женщины тень эта сладкая.

В высях мучительных небо расплавлено,
Звезд ледяное сияние льется,
Строки пройдохством ныне приправлены,
Сердце ж мое по-старинному бьется.

Чем это проще в стихах твоих скажется,
Тем будет сердцу и радости больше,
Майской красы всей цветущей тяжестью
Бьет меня яблоня ночью хорошей.

Небо багровое, небо рогатое,
Ночью быть ветру, — такое крылатое!

Сентябрь 1926

* * *

Иду со стороны черкесской
По обмелевшему ущелью.
Неистойвой морского плеска
Сухого Терека веселье.

Перевернувшееся небо
Подперто льдами на Казбеке,
И рев во весь отвес расщепы,
И скал слезящиеся веки.

Я знаю, от кого ты мчишься.
Погони топот всё звончее.
Плетями вздувшиеся мышцы.
Аркан заржавленный на шее.

Нет троп от демона и рока.
Любовь, мне это по заслугам.
Я не болтливая сорока,
Чтоб тешиться твоим испугом.

Ты — женщина, а кто из женщин
Не верит: трезвость не обманет,
Но будто б был я с ней обвенчан —
Меня так эта пропасть тянет.

Хочу, чтоб знал отвагу Мцыри,
Терзая барса страшной ночью,
И для тебя лишь сердце ширю
И переполненные очи.

Свалиться замертво в горах бы,
Нагим до самой сердцевины.
Меня убили за Арагвой,
Ты в этой смерти неповинна.

Сентябрь 1926

ЧАГАТАР

Нет, я не смирен, не знаю страха.
Дайте мне слово, выскажусь прямо.
Я не похож душой на монаха,
Не утаю старинного орама.

Друг мой Тбилиси, едва я вспомню,
Как молотили на гумнах малюток,
Пытку твою разделить легко мне,
Изнемогаю от бедствий лютых.

До полусмерти кнутом избитый,
Здесь до конца скажу свое слово.
То, что прошло, — не позабыто,
В час полнолунья грезится снова.

Мы над Курой с Александром бредим,
Мы с Шамилем в наших скалах плачем,
Слышим бубны пляшущих ведьм,
Видим Мкинвари в зареве мрачном.

Ну так пускай не львиным рычаньем,
Не благородным клекотом орлим —
Буду я хриплым бычьим мычаньем,
Сгину на бойне с порванным горлом!

Встречу смело Ага-Мамед-хана,
Не ворочусь и с поля крцанисского.

Пусть не сияет, пусть бездыханна
Слава поэта, родине близкого!

Слава героя выше и краше.
Грузия! Ради нее в бесстрашье
Сколько встали, все как один.
Славою их бессмертных седин,
Доблестью их клянусь я отчизне,
Что не в поэзии — только в жизни
Я свой хозяин и господин.

Ноябрь 1926

В АНАУРИ

Тамуне Церетели

Тебе здесь не бывать, но я упрямо
Под Анаури помню образ твой.
Тут Белая слилась Арагва с Черной,
Меня ж хотят разъединить с тобой.
Тебя, не зная, звал я. Так Тамарой
Томился Врубель. Ты осенена,
Как крепость Моды-Нахе, древней чарой,
Как сломанное облако, нежна.
Касается тебя мое томленье
Нежней, чем крылья демона. И пусть
Подаришь ноги ты свои оленье
Подругам, чтобы их развеять грусть.
Пусть их певцы обрадуются тоже,
Вся жизнь еще пред ними впереди.
А наши грезы время уничтожит,
Прах занесет. И лишь забвенья жди.
Я бьюсь на камне брошенной форелью.
И жабры вырваны. Взведен курок.
Я пули жду. И сердце стало целью.
И смерти не избежать. Близок срок.

Здесь тысячи погибли. Анаури
Тому свидетель. Потому пою
Здесь песню я о страсти и о буре,
И гибель я баюкаю свою.

1926

ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ

Посвящается Нине Макашвили

Понт Эвксинский — да есть ли милее!
Звук тот исторгла какая струна?
Тебя напомнила жизнь Медеи,
И сердце мне обожгла она.

Печь известковая, челюсть дракона,
Колышется шерсть — золотое руно. . .
Я схвачен мечтой о тебе, как циклоном,
Со счастьем таким совладать не дано.

Выскажу слово, но с ног меня валят
Обвалы невысказанности моей.
Старого мифа подхваченный валом,
Я в песню беру тебя, новый Орфей.

Крепкая, точно Саргис Джакели,
И, словно Понт Эвксинский, нежна,
Невысказанность томит доселе,
И сохнет глотка, поражена.

Пальмы. И Гапра, как белая лебедь,
Летит к Эльбрусу сквозь забытье.
Луны, ушедшей за тучи, трепет,
Как будто дэви толкнули ее.

Волны моря загромыхали,
Как песнь аргонатов, — им долго звучать.
В но́чи августа, в дальней дали,
Земля и небо слились опять.

1926
Гагра

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

От прада Вавилона
Гора Сион не так уж далека.
Ветра пустыни доносили
Дыхание кедровых рош.
Жестокосердный Кавкасион
Стерег
Ворота народов и племен,
Накрепко замкнутые.
Одна слеза — не более слезы.
Слеза народа — слеза вдвойне.
Сидели и плакали
На реках вавилонских,
Как будто перед ними
Лежал покойник, —
И вторила Кура
Стенаниям и причитаниям Аракса.
Вставал с рассветом,
Уходил с закатом
И снова раздавался стон:
О, Адонай!
Все скопленные муки, все пытки,
Все грозные проклятья
Обрушил Иегова
На народ.
Каждая страница
Той книги — Библии —
В крови,
Но книга снова
Требует всё новой крови.

Сомкнешь глаза, но слезы продолжают литься
Во сне,
И до сих пор
Еврейская мелодия рыдает,
И Байрон пишет на нее стихи,
И Генрих Гейне
Ее слезами орошает.
Чья поэтическая юность
Смогла избегнуть этих звуков?
Спешите же, поэты,
Пока не разорвалось сердце.

Передо мной предстало детство.
Я снова слышу нежный рокот псалмов Давида.
Я вижу жену Пентэфрия —
Ту женщину из рода Яфета,
Что умирала от юной красоты
Прекрасного Иосифа.
Я вижу Сидонию, Свети-Цховели
И жившего у нас Абиатара.
Но вот залаял пес
И кинулся к раскрытым воротам.
В конце тропинки слышен крик.
То Даниил — еврей — сзывает покупателей.
Ему предшествует мальчишка — Исаак, —
Он завершает фразы, начатые Даниилом.
«Мыло, шпильки, гвоздика, румяна!
Неужто, люди, никто из вас не купит ничего!
Вот ситец! Вот парча! Вот ситец!»
Целый рой шумливых ребятишек
Бежит за коробейником.
Ах, старый, бедный конь! Повытаскали из хвоста
Весь волос.
Он то клянется, то плачет, но слезам его
не верят.

В день по сто раз обманывает бога.
Кто знает, что он пережил,
Какие скитанья и мытарства ему достались.
Я со слезами уговариваю мать —
Не торговаться с этим бедняком,
Выкладывающим на лотке куски
Не мыла — сердца своего.

Лишь много лет спустя
Я вновь услышал обреченный голос:
Был суд над Бейлисом.
Геройские сердца студентов гудели глухо,
Но чего могли добиться правдолюбцы?
В предместьях шла жестокая война.
Я понял, что значит роковое слово «погром» . . .

1926

* * *

Высоким будь, как были предки,
Как небо и как гор венец,
Где из ущелья, как из клетки,
Взлетает ястреба птенец.

Я тих, застенчив и растерян.
Как гость, робею я везде,
Но больше всех поэтов верен
Земле грузинской и воде.

Еще над бархатом кизила
Горит в Кахетии закат,
Еще вино не забродило
И рвут и давят виноград.

И если красоте творенья
Я не смогу хвалы воздать,
Вы можете без сожаленья
Меня ногами растоптать.

Высоким будь, как были предки,
Как небо и как гор венец,
Откуда, как из темной клетки,
Взлетает ястреба птенец.

1926

НА РАССВЕТЕ

По небу мечется звезда денницы,
С глаз матери исчезнув на рассвете.
Родные ждут возврата баловницы,
Ворота всех небес раскрыв планете.

Лес тянется, река в дыму тумана,
День еле отличим от тьмы полночной.
И скалы выросли, как великаны,
Подернутые пеленой молочной.

Охотник притаился — ждет оленя.
Дрожь на заре пронизывает тело.
Но рядом нет тебя, ты в отдаленьи, —
А будь ты здесь, как всё бы закипело!

Кто эти строки, собственно, выводит —
Здесь твой поэт бродил обыкновенно.
Он и сейчас еще здесь часто бродит,
Но без тебя всё потеряло цену.

1926

КАРТИС ЦХОВРЕБА

(Вступление к поэме)

Говорят, что раз в сто лет колышет
Небо языки такого пламени.
То не старец-летописец пишет —
То моя бессонница сожгла меня.

С каждым, кто назвал себя поэтом,
Только раз такое приключается.
Черноморье спит. Под легким востром
Зыбь трепещет, парусник качается.

Пароход «Ильич» причалил к Сочи,
Словно Арго, воскрешенный заново,
В золотом колодце южной ночи
Дивный след преданья первозданного.

И сладка мне, так сладка навеки,
Как ребенку ласка материнская,
Соль морская, режущая веки,
Ширь твоя, прародина эвксинская!

Родина! К твоей ли колыбели
Прикасаюсь, за былым ли следую, —
Человек я или Кахабери,
Сросшийся корнями с почвой этою?

Кем бы ни был, но мечте покорный,
Напишу поэму бедствий родины.
Что мне жизнь? Пускай лавиной горной
Сметены пути, что раньше пройдены!

Словно речь Овидия Назона
О себе самом или о римлянах,
Речь моя — пускай в ней мало звона —
О путях забытых и задымленных.

Часто их меняли. Так меняют
Лед на лбу страдальца госпитального.
Правнуки и ныне поминают
Пропасти у перевала дальнего.

В пламени небесные ворота.
Брошен якорь у высокой пристани,
Мне приснился белый сон народа —
Снег Эльбруса, еле видный издали.

1926

НОВЫЙ МЦХЕТ

Свети-Цховели, царей усыпальница,
Мхами разубрана и паутиной.
Если церковные своды обвалятся —
Сразу Куру заградят, как плотиной.

Высох и стар, затуманенный дымкой,
Мцыри из Джвари, монашек неистовый.
Только Арагва с Курою в обнимку
Плачут о днях перехода скалистого.

Там, где исправник с мегерой законной
Раньше раскладывал чинный пасьянс,
Там, где оравую пешей и конной
В Азию вторгшийся Веспасиан
Шел, как гиена, добычу завидя,
Там, где гремел над Курою Овидий, —

Там над воротами Икар перекрыл
Сталью обломки расплавленных крыл.
Там за плотинами воду ковшами
Пьют огнеглазые гардакешани.

Там, где вчера и подковы не плавил
Бедный кузнец, раздувавший огонь, —
Хор «Интернационала» прославил
Спешку машин, ликование погонь.

Там, где, свирепые выкатив очи,
Идол Ормузда мотал головой, —
Встал Сухишвили, тифлисский рабочий,
В красном чертоге зари мировой.

Там, где развеянный пепел династий
Собран иль втопан в столетний песок, —
Джвари, как башня, раскрытая настежь,
В пламени фар невозможно высок.

Нина и Веспасиан из гробниц,
Мертвые, рвутся из Мцхета рабочих,
Вихрем кружат, повергаются ниц,
Гонит поэт окончательно прочь их.

И, не сгибаясь, знамена горят.
Дальше проносит их пролетариат.

1926

ИСЕ НАЗАРОВОЙ

Время прошло — позабыть я смогу ли?
Снова всплывает в памяти сон:
Ходим, читаем «Восстание в Гурии»,
И колокольный слышится звон.

Разве забудешь горькие годы
Первой любви, ударившей в грудь?
Ведь и тебя терзают невзгоды,
В душах и ныне бездонная грусть.

Ты, как невинный ребенок, дремала —
В сон утомленных поэтов вошла;
Долгое время любви не сломало,
Снова сегодня мечта ожила...

С Паоло вместе выходит в дорогу,
Я ее тоже с собой уношу...
Ближе пути, приводящие к богу,
Жалости нет у него — не прошу.

Что же мне с этими делать стихами?
Ися другому давно отдана...
Что мне с гурийскими делать горами —
Ими былая любовь зажжена.

1926

ИЗДРЕВЛЕ

Издrevле дня каждодневной вершиной
В Грузии вина сердца веселили,
В руки из рук те спешили жувшины,
Как от Дербента до Никопсии.

С собственной кровью смешав, как причастье,
Пил удалец их у смерти порога,
Резал, сшибаясь, татар он на части,
Шашке доверив и битве дороге.

Сгнули в бурях те крестonosцы,
Нет и красавиц, что в башнях томятся.
Кто их вспомянет? Кто в них разберется?
Кто за них выпьет? Нам ли стараться. . .

Пел на Арагве Бараташвили,
«Химерион» меня душит доселе,
Коршуном вглубь взметнулся, и взмыли
Ветры — еще холодней, чем в ущелье.

Что же мне слезы любимой и милой?
Вихрь не прошу рыть могилу я с визгом.
Пусть же сгорят мои кости и жилы
И в крематории новом тбилисском.

Братцы, струею прекрасного света
Пенятся роги и в ветер и в стужу,
В Грузии трудно бранить нам поэта
За то, что с вином так издревле он дружен.

Январь 1927

ШАРМАНЩИК

В Белом духане
Шарманка рыдает,
Кура в отдаленье
Клубится.
Душа у меня
От любви замирает.
Хочу я в Куре
Утопиться.

Что было — то было,
Пирушка-забвенье.
Принесите из Арагвы
Форели!
Оставлю о милой
Одно стихотворенье:
Торговать мы стихом
Не умели.

«Нина, моя Нина,
Замуж не пора ли?» —
«У тебя не спрошусь,
Если надо».
Играй, мой шарманщик,
Забудь о печали!
Для меня мухамбази —
Отрада.

Танцор на веранде
Плывет, приседает.

Любовь за Курой
Устремилась...
«Сначала стемнеет,
Потом рассветает.
Тамрико от любви
Отравилась!»

Неправда, шарманщик!
Забудь это слово!
Ей зваться Тамарою
Сладко.
Но только красавица
Любит другого:
В поклонниках нет
Недостатка.

Играй же, шарманщик,
Играй пред рассветом!
Один я ей дорог,
Не скрою.
Как быть ей со мною,
Гулякой-поэтом?
Розы в Грузии
Сеют с крупкою.

Но коль ты задумал
Потешить грузина,
И твое, видно, сердце
Томится.
Знай, найдет себе мужа
Черноокая Нина,
Не захочет Тамрико отравиться.

Есть для женщин закон:
Их девичество кратко.
Скоро съест девица
Супруга.
Мы же гибнем, шарманщик,
Жизнь отдав без остатка,
Нам и пуля сквозь сердце —
Подруга!

16 февраля 1927

ВСТРЕЧА С БАЛЬМОНТОМ

Я помню поле, ячмень шелестящий,
Синел простор, напоенный светом,
И ты казался пушинкой летящей,
Христом, идущим вослед за ветром.

«Я был в России. Грачи кричали.
Весна смеялась в мое лицо».
И ветер взвевал над худыми плечами
Волосы твои соломенным венцом.

А грач кричал в неизбывной печали.
Росистый лес трепетал в луче...
«Я был в России. Грачи кричали».
Грачи кричали: зачем, зачем...

Мы в дом входили. Плакал грач.
Береза никла... О чем была грусть ее?
И слез моих поток был горяч,
Мне вспоминалась далекая Грузия...

Промчался хор пепелящих лет.
Но в сердце моем живет неизменно
С тех дней лучистый и яркий след
Любви и радости незабвенной.

Важа в ту пору сошел в могилу.
В слезах тебе рассказал я однажды,
Как у сиделок травы просил он —
Олень, томимый предсмертной жаждой.

Мне показалось: я в небе суровом
Два солнца сразу увидел тогда. . .
К обоим нежностью очарован,
Таким останусь я навсегда.

Собачьей площадкой пройду я снова,
Миную ограду церковки старой.
Замедлит рука у звонка дверного,
Тут — храм, где живут моей юности чары.

Здесь жил Грушко, наш старый декан.
Здесь споры, что вел со смертью Скрыбин.
В портфеле своем я несу Руставели.
И лоб мой в поту — в холодном накрапе.

Ты читаешь, — стихам всё светлей, всё просторней.
За окном на деревьях искрится иней.
Земли родной обоняю я корни,
Алыча расцветает в душе моей зимней.

Внимательно слушает Балтрушайтис,
Волошин склонил свою львиную гриву.
Зима осеняет волшебною шалью
Шаири задумчивые переливы.

Сегодня по-русски Шота мы читаем. . .
Мы ждем тебя к нам по счастливой дороге
И снова, как брата, тебя прославляем,
Подняв голубые заздравные роги.

Февраль 1927

ТБИЛИССКАЯ НОЧЬ

Как будто умирающая ночь
Вся изнывала, как певец в ударе.
Иль вправду помогли ей изнемочь
Там за Курой рыдающие тари?

И на плоту сосновом пел старик.
И песни незапамятная старость,
Преобразив его гортанный крик,
На что-то там надеяться старалась.

А я чем жив и до чего дошел?
Как Шавнабада, черен я и гол.
О чем же сердце плачет человечье,
Сжигаемое известковой печью?

Зачем мне стол, накрытый на плоту,
И то вино, что бражники глушили?
Схватить бы лучше в руки бомбу ту,
Что некогда швырнул Джорджиашвили.

Вот чем я стал и до чего дошел.
Как Шавнабада, черен я и гол.
Клянусь вам честью, я бедней и жальче,
Чем тот обугленный загаром мальчик.

Я буду петь индустриальный вихрь
И старый мир крушить, как плот дощатый.
Икар взлетел на крыльях восковых,
Но не крылам, а сердцу нет пощады.

Прости мне, если сердце залито
Еще слезами о заре весенней.
Я сам ревную к нищему за то,
Что он поет и плачет об Арсене.

Я сам на загнивающем плоту,
На том дощатом лебеде сосновом,
Но я не кончил. Я еще расту.
Еще надеюсь: всё начнется снова.

15 марта 1927

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

Нико Пиросмани

Привыкли мы славить во все времена
Нико Пиросмани за дружеским пиром,
Искать его сердце в бокале вина —
Затем что одним мы помазаны миром.

Он трапезы нашей почтил благодать:
Бурдюк и баран не сходили с полотен.
А поводов к пиру недолго искать —
Любой для приятельской встречи пригоден.

Следы нашей жизни, о чем ни пиши,
Изглядятся лет через десять, не боле,
А там на помин нашей бедной души
Придется сходить поклониться Николе.

Заплачет в подсвечниках пара свечей,
В трактире накроется столик с обедом...
Прошел он при жизни сквозь пламя огней,
За ним и другие потащатся следом.

Жил в Грузии мастер... Он счастья не знал!
Таким уж сумел он на свет уродиться.
Поднимем же, братья, во здравье бокал, —
Да будет прославлена эта десница.

20 марта 1927

* * *

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих.

Под ливнем лепестков родился я в апреле.
Дождями в дождь, белея, яблони цвели.
Как слезы, лепестки дождями в дождь горели.
Как слезы глаз моих — они мне издали.

В них знак, что я умру. Но если взоры чьи-то
Случайно нападут на строчек этих след,
Замолвят без меня они в мою защиту,
А будет то поэт — так подтвердит поэт:

Да, скажет, был у нас такой несчастный малый
С орпирских берегов — большой оригинал.
Он припасал стихи, как сухари и сало,
И их, как провиант, с собой в дорогу брал.

И до того он был до самой смерти мучим
Красой грузинской речи и грузинским днем,
Что верностью обоим, самым лучшим,
Заграждена дорога к счастью в нем.

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих.

Апрель 1927

В КАХЕТИИ

1

Слушайте зов Алазанской долины,
Гости далекие, голос старинный.
Пробуйте, пейте вина Кварели,
Чтобы сердца на пирах потеплели.

Всех приведите: певцы здесь желанны,
Стол им открытый лозы обвили,
В Шильде споет вам Дедас Левана
Или в Артанах — Каралашвили.

Пусть по селеньям прокатится громом
Мравалжамиер — чужим и знакомым,
Пусть им послышится град в Цинандали, —
Где еще сердца так песни вмещали?

Стол задохнется от песен застольных.
Будь же названия зятя достойным,
Рог подымай, не смущаясь, почаще,
Выпей здоровье Кахети сладчайшей.

2

Знаю, стреляли семь братьев. . . Но где же
Их попаданье? — Промазали вместе.
Только единожды выстрелил дед наш, —
Тур вниз рогами повиснул на месте.

Пусть семь поэтов пустят, как стрелы,
Семь своих песен — все мимо промчатся.
Путь пересек им Важа Пшавела,
Обвалом над ними повис Чавчавадзэ.

Герои Кахетии, эти — другие. . .
Где состязаться достанем мы силу?
Поднимем же чашу, друзья дорогие,
И выпьем за ту, что на свет их родила.

Ведь рвется, как оползень, песня в привете,
Когда проезжаешь долину Кахетии. . .

Май 1927

ГУНИБ

Я прошел по Дагестану, как мюрид,
Не считал себя гяуром-иноверцем.
Пусть со мной клинок лезгинский говорит,
Забавляется моим проиженным сердцем.

В облаках, в снегах предвечной белизны
Цепи гор — как окровавленные плахи.
И таких громов раскаты там слышны,
Будто мчатся ископаемые в страхе.

Выше гнезд орлиных скученные там
Очаги людские, нищие селенья.
Со стыдом бреду я нынче по следам
Совершенного отцами преступленья.

Всех вповалку упокоила земля, —
Где грузины, где лезгины? — нет ответа.
Но одним джигитам смелым Шамиля
Рай отверзся, суждена обитель света.

Наших братьев истлевают костяки.
И когда вопит ночная непогода —
Это голос бесприютной их тоски,
Это песня их бесславного похода.

Не стрелял я из кремневого ружья,
Не лелеял, не ласкал глазами сабли.
Светом жизни, мирным братством дорожа,
Никогда войны кровавой не прославлю!

17 июля 1927

ЛИКОВАНИЕ

Как кладь дорожную, с собою
Ношу мечту грузинских сел.
Я — к Грузии губам трубою
Прижатый тростниковый ствол.

Я из груди бы сердце вынул,
Чтоб радость была через край.
Чтоб час твоей печали минул —
Свободно мной располагай.

Поют родные горы хором, —
На смерть сейчас меня пошли —
Я даже и тогда укором
Не упрекну родной земли.

С поэта большего не требуй,
Все пули на меня истрать,
И на тебя я буду с неба
Благословенье призывать.

*Август 1927
Кобулету*

ШАШКА ГАРИБАЛЬДИ

Я еще безусый был мальчонка,
Во мне сердце ласточкино билось,
Бой гремел, и пули пели тонко, —
Воевать мне не досталась милость.
В восемнадцатом году, в апреле,
Надсмеялись турки над Батуми.
Без оружия воины старели,
От позора стали мы угрюмей.
Но кипела кровь желаньем мести
В злую пору светопреставленья.
Стар и млад мечтал, чтоб честь по чести
Турок опрокинуть на колени.
Как стена, молчало наше войско.
Мокрый ветер бил наотмашь злобно.
Лишь сердца, исполнившись геройства,
Неприступной крепости подобны.
.. Молодые яростные годы
Сгинули, исчезли, отшумели.
Душу клонят новые невзгоды,
И как свечи в час отходный — ели.
Сердце, не дробись на сто осколков,
Той весны верни знакомый искус.
Пусть тебя навек привяжет к долгу
Пламень шапочки гарибальдийской!

10 сентября 1927

ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ, СВЕТАЕТ

Солнце первыми лучами метит
Склоны гор, очнувшись ото сна,
Из-за тучи светит и не светит
В ней заночевавшая луна.

Сверху Терек набегаёт, воя,
Снизу слышится Арагвы рев,
Солнце незаметною киркою
Разбивает льдины ледников.

По Казбеку вихрь метёт с вершины,
В пурпуре зари его висок.
Стыд тому, кто пред такой картиной
Смерти бы ещё бояться мог.

Я стою внизу, оцепенелый,
И себя совсем не узнаю,
Точно вдунул сам Важа Пшавела
Жар Химикаури в грудь мою.

Декабрь 1927

СОГАНЛУГ

Тихая, смолкла Кура этой ночью суровою,
Лишь под Метехом бушует. У плотовщиков
Ангелы, видно, украли лучину сосновую.
Девой луна возлежит на коврах облаков.
Гонит тюрчонок ослов с Соганлуга. И дроги
Фруктовщика без товара гремят на ходу.
Кто упрекнет меня, если по той же дороге,
Вслед за тобой, современник великий, бреду?
Чем я владею сегодня? Что завтра мне надо?
Я беззаботен и гол, словно склон Шавнабада.
Думаю я об одном средь полуночных троп:
Близка Марабда, и холмы Крцанисские рядом,
Грабитель тут вволю случалось лезгинским отрядам,
Тут Нарикала стоит, как простреленный проб.
Тихая, смолкла Кура этой ночью суровою,
Лишь под Метехом бушует.

У плотовщиков

Ангелы, видно, украли лучину сосновую.
Девой луна возлежит на коврах облаков.

1927

В ГОМБОРАХ

С. Шаншиашвили и Г. Леонидзе

Распыляется, гибнет Уджарма. Но свой
Облик всё ж сохраняют упорные глыбы.
О, хотя бы до нашей доски гробовой
Вы, стихи о любви, сохраниться могли бы!
В ночь такую Вахтангу послышался звон
С темных высей. И я различаю: несмелы,
До сих пор еще плачут, смотря в небосклон,
Остролисты и верески Важа Пшавелы.
В Сартачалах играет на тари Сако,
Напевает для нас «Сулико» Церетели.
Что ж, и наши возлюбленные далеко,
Для потерь, для разлук мы любимых имели.
Да, умел себя высказать прежде ашуг!
Речь должна быть сейчас у поэтов иною.
Но пока еще словом владеет недуг,
Поступь говора нашего стала больною.
Нина, и Суламифь, и Мелита...

Чиста

Прелесть склонов Кахетии. Будто смиряя
Нрав свой, женщиной сделался тигр. Иль с моста
Из волос — нам открылось сияние рая?
Ночь Кахетии сладостнее молока
Материнского. Негу колеблет Иори.
Над Гомборами всплыла луна. И рука
Горгаслана мечом ее сдвинула вскоре.

Январь 1928

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Май, конечно, повсюду хорош,
Но какой же с батумским сравнится?
Май в Батуме! Лишь там узнаешь,
Что красотам весны нет границы.

Тихий вечер. Спокойствие дня.
Море — зеркало. Море ль то было?
Синим поясом воду обняв,
Небо настезь все двери раскрыло.

Белых лилий завесы стоят,
Пальмы тихо кивают зонтами.
И плывут, как стада лебедят,
Розы перед моими глазами.

Где же ты? Я один. Стыдно мне.
Май чудесный цветами играет.
Скрылась ты, от цветов опьянев.
Май — эдем в этой дивной стране.

Только б не было женщины в ней,
Не пускать бы ее в двери рая! . .
Ты ушла. Я один. Горько мне.
Май веселый цветами играет.

1 мая 1928
Батум

* * *

Если ты — брат мне, то спой мне за чашею,
И перед тобой на колени я грянусь.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

Кто дал окраску мухранскому соку?
Кто — зеленым на арагвинском плесе?
Есть ли предел золотому потоку,
Где б не ходили на солнце колосья?

Если умрет кто нездешний, то что ему —
Горы иль сон, эта высь голиафья?
Мне ж, своему, как ответить по-своему
Этим горящим гостям полуяви?

Где виноградникам счет, не ответишь ли?
Кто насадил столько разом лозины?
Лучше безродным родиться, чем детищем
Этой вот родины неотразимой.

С ней мне и место, рабу, волочашему
Цепью на шее ее несказанность.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

Июнь 1928

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧУЖЕСТРАНКЕ

Стих не прочтешь ты этот, и о нем
Ты не услышишь. Говорил тогда я:
«Лишь о Тифлисе вспомнишь ты ночью,
Лишь он останется, не увядая».

Был исцарапан я, изранен. Что ж?
Тифлис и тигра помнит посещение.
И разве розу без шипов найдешь?
Кто строгости твоей придаст значенье?

Сперва тебя Фатьмой хотел я счесть.
Сам выдавал себя за Автандила.
Перчатками, оберегая честь,
Словно кинжалами, меня ты била.

Зачем поведал я про случай тот?
Олень не станет восхвалять поляны
И травы их. Но если воспоет
Тебя другой — припомни Окроканы.

Октябрь 1928

СЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

Дворняжки малые тяв-тяв на месяц в небе,
А он к земле — и шмыг от них в овражек.
Мешая в шапке звезды, точно жеребьи,
Забрасывает ими ночь дворняжек.

Дворняжки малые тяв-тяв на новолуние,
А я не сплю, не спится, как ни силюсь.
Что-то другое б сцапали брехуны, —
Унести в зубах покой мой умудрились.

Всё ближе день, всё ниже, ниже месяц.
Всё больше гор, всё явственней их клинья.
Всё видимей за линией предместий
Тифлис с горы, открывшийся в низине.

О город мой, я тайн твоих угадчик
И сторож твой, и утром, как меньшая
Из тявкающих по ночам собачек,
Стихами с гор покой твой оглашаю.

Из Окрокан блюду твои ворота.
А ведь стеречь тебя такое счастье,
Что сердце рвется песнью полноротой,
Как лай восторга из собачьей пасти.

*Ноябрь 1928
Окроканы*

НЕ УДИВЛЯЙСЯ

Не удивляйся, — Тициан не онемел
И не прикинулся значительно молчащим,
Он просто оглядеться не успел
В плену мечты — впервые настоящей.

Когда-то вынула картонный меч из ножен
Под знаменем «Дада» моя мечта.
Путь заблуждений был мучителен и сложен,
А исповедь, как истина, — проста.

Путем казненных мне мерещилась Халдея, —
Над ней качалось небо в тучах и слезах.
Мое некаменное сердце, холодея,
Шарахалось от шороха впотьмах.

Но отыскала истина меня —
Пришла не робостью просителя и гостя;
Словам не погасить ее огня,
Глубин ее не исчерпаешь горстью.

Овеянный ее весенней новью,
Целую новой жизни крепкие ростки.
И старые стихи, написанные кровью,
Стираю с ученической доски.

1928

ОКРОКАНЫ

Если впрямь ты поэт, а не рохля,
Будь как день в окроканской глуши.
Пусть и руки б, чесавшись, отсохли,
Воздержись и стихов не пиши.

Кто взошедшее солнце, как бомбу,
На рассвете огнем набивал?
Что ты скажешь похожего, в чем бы
Не сказался болтун-самохвал?

Если можешь, чтоб грудь не издрогла,
Стереди Марабды голыши.
Висни в небе, как крепость Короглы.
Стой века и стихов не пиши.

Чуть толкнуть — ты не тверже тростинки,
А она — точно грома раскат,
Оттатакала все поединки
И стоит, как столетья назад.

Если ты не хвастун, если трижды
Наши дни средь веков хороши,
Жди души настоящей и выжди,
Но как все, второпях не пиши.

И тогда, если всё ж ты не шляпа,
Покажи себя впрямь молодцом
И такое украдкой состряпай,
Как вчера соловей из Удзо.

Если мужества в книгах не будет,
Если искренность слез не зажжет, —
Всех на свете потомство забудет
И мацонщиков нам предпочтет.

Июль 1929
Окроканы

ЯРАЛИ

Судьбою ты нам послан, Ярали,
И, верно, музы милость нам явили —
Поэт грузинской солнечной земли
Наш верный брат Сандро Шаншиашвили.

Взгляни, сомкнулся тесный круг друзей,
Мы пленены звенящими словами,
Покорены отвагою твоей.
Веселие повелевает нами.

О, пойте, пейте пряное вино,
Еще полнее наливайте чаши.
Мы молоды, нам праздновать дано,
Так выпьем лыпче за удачи наши.

«Сюда, Нино, вино
И тари и Тамари.
Хорошее вино
И толумбаш в ударе.
Веселый толумбаш,
Нам послужи примером.
Пей крепкое вино,
Не уступай имерам».

Мы молоды, и ты еще не стар.
И с колыбели нас, неискушенных,
Обворожил твой несказанный дар, —
Нас, в музыку поэзии влюбленных.

Ты поднимался с нашим веком в рост
И магию нашел в обычном слове.
Поэт-олень, ты снял покров со звезд...
Ну как не выпить за твое здоровье!

Когда зажглась любовь в твоей крови
И закружила душу круговертью,
Ты словно ранил нас ножом любви,
Себе и нам завоевав бессмертье.

Не для никчемных песен торжество,
О Ярали, а ты дружил с мечтою.
И только пламя сердца твоего
Для нас затеплит солнце золотое.

28 сентября 1929

ОСЕННИЙ ДЕНЬ В ОКРОКАНАХ

В простом стихе вместить мне хочется,
Что дó сердца меня пронзает
Листвой лесов, опавшей дочиста,
Осенней ласкою терзанья.

Кто с Окрокан Тифлис не видывал,
Не знает, что же он такое.
Монгол отсель ему завидовал,
Поэт свой взгляд на нем покоил.

Отсюда весь Казбек в сиянии,
И облака от стада отстали.
Во мне бушует лед нечаянный,
Снега на плечи мне упали.

Заходит в комнату лохматая
Соседская собака Цузрия,
Пятью щенятами богатая,
И худорепрая и хмурая.

Орех последний на орешнике
Сорока ищет развеселая,
Мечтает кляча неутешная,
Чтоб сеном стали скалы голые.

Спускаются стада с Манглиса,
Дорогу полнит их стелание,
И запах лаваша стремится
К хлебам работы Пиросмани.

На школьном двореке ребята,
Бой барабана заглушенный,
А небо, ясностью богатое,
Ясней их глаз неискушенных.

Курсанты после дней маневренных,
С лицом железным от загара,
То песни гул несут уверенной,
То Чан Кай-ши бранят недаром.

Опять засяду за Рабле я,
Пантагрюэлем в Окроканах.
Когда ж от ветра ошалею,
С Рабле грузинским — Иоанном —

Я встречусь, — ста лет не бывало,
Проснулся путник, как родился,
Каликой переходим стал он —
Лежат дороги впереди все.

Но кто сказал: хлеб горек в Грузии?
На правду это не похоже.
И вот без посоха, без груза я
Один пройду весь край, что ожил.

Октябрь 1929
Окроканы

ВСЕМ СЕРДЦЕМ

* * *

Это меня удивляет — стих
У новых поэтов беден;
Если сказать по совести, их
Словесный ковер так бледен.

Вглядываюсь тревожно в стих. . .
Вот моей мысли основа:
Безграничны возможности
Мускулистого слова.

Когда у поэта почва тоща,
Он ругает другого жестоко
И, жаждущий, ждет —
Не дождется дождя
Лирического потока.

А вся вина его, мне поверь, —
Про то говорю открыто, —
Он ищет героя времени,
Но смотрит вокруг сердито,
Проходит придиричиво стороной. . .

Сетями отживших традиций
Поэты опутаны, стариной,
Боязно им обратиться
К воспеванию словом
Жизни в цветении новом.

Друзья, старинный облысел Парнас.
Сегодня тысячи таких нагорий.
Когда про наше время да про нас
Не будешь петь —
Тогда — себе на горе —
Ты душу живую высушишь до дна,
Иссякнут родники, как будто сами
Твои глаза наполнятся слезами. . .

Кому, скажи, печаль твоя нужна,
Рыдания, зазвучавшие стихами?
Стих — это клич,
Он рубит наповал.
Как верно Чавчавадзе написал:
«Что пользы плакать над давно забытым,
Жестокой дланью времени убитым?
Что проку над былой грустить бедою?
Пора идти нам за иной звездой.
Пора глядеть нам в будущие годы,
Ковать судьбу грузинского народа».
И Голиаф всех силою потряс. . .

Мы сами брали будущность
Для нас.

Итак, за нами, братья, наша песня.
Прошли те времена, когда народ
Ценил сладчайший щебет в поднебесье, —
Теперь колес он ценит цепкий ход.
Каналами соединились реки.
Сегодня на примете каждый миг.
Все старые свои грехи, опрехи
Оставь, скорей освободись от них!
Себя ты уважать заставишь сам —
Народ не верит сладким словесам. . .

Пусть будет стыдно тем, кто бестолково
Высушивал свой стих из года в год,
Кто пожалел бы истинное слово
Для наших братьев,

Верно и сурово
Сложивших головы за свой народ.
Позор поэту, если он в испуге
Пойдет, изменника увидев, вспять
И не сумеет песню опеть о друге,
И кровь и пот народа в песню взять.

**СТИХИ К ПОСЕВНОЙ,
СКАЗАННЫЕ ПО РАДИО**

Не одним садам столицы
Шлю я братские приветы;
Там стихам не ново литься,
Без меня там есть поэты.

Предо мною неизменно
Весь мой край с его полями,
Где высокие антенны
Пляшут радио-лучами.

Первый стих мой, и дыханье,
И приветственное слово
Вам, колхозные крестьяне,
Цвет народа трудового,

Кто столетием суровым
Обделен был и обижен,
Кто дрожал под мрачным кровом
Тростниками крытых хижин.

Нет насильника в деревнях,
Обирал не видно в селах,
И народ печалей древних
Стал народом дум веселых.

Я приветствую посевы
И труды земные ваши,
Чтоб нужды не знали все вы
В кукурузе и лаваше.

И, подобно птичке счастья,
Под окошком распеваю:
Лучшим колосом украсьте
Праздник яркий урожая!

Распеваю звонко, бодро
И гоню от вас невзгоды:
Благодетельное ведро
И хорошей вам погоды!

Пусть был нищим день вчерашний, —
День сегодняшний — обильней.
Мой поклон гурийской пашне
С кахетинскою давилей!

Цинандали, Бандза, Вани
И зеленые Ахметы —
Всюду смех и ликование,
Все эпохою согреты.

Там осенний ветер в уши
Шепчет новые сказанья,
Там поют рожки пастушьи
И трубят рога чабаньи,

Там закатами горячий
Пар над лашней фиолетов,
Там внимают передаче
Вдохновеннейших поэтов. . .

Пусть же зреет, как колосья,
Поэтическое слово
И гремит многоголосье
Коммунизма молодого!

АПРЕЛЬСКИЙ СЕВ

Мне снятся юные года,
Когда апрель цветеньем яблонь
Деревню радовал, когда
Взрезала землю борозда
По целинам, от влаги дряблым.

Сосед мой! Помню я тебя...
Ты сам страданьем был изранен,
И всё ж, быков своих любя
Сильней, чем самого себя, —
Ты их жалел, односельчанин!

Слетали с яблони цветы,
И ветерок скользил по прабу,
И, воплощенье нищеты,
В немой задумчивости ты
На пашню гнал больного Лабу.

Но что же делать? Каждый год
Одна нужда, одни печали,
И в сердце дымно от забот,
И жизнь мрачна, как тот завод,
Где известь белую сжигали.

Но не у всех паслись быки.
Полей чужих чужой орадай,
Как и другие бедняки,
Батрачил ты за куль муки
На пашне княжеской богатой.

Навеки сгинул чумный строй,
Когда чужим был даже хворост,
Когда на пахоте порой
Тебе могилою сырой
Казалась каждая из борозд.

Теперь ты пишешь мне письмо,
Читаешь книгу, брови хмуря...
Село грузинское само
Разбило древнее ярмо
И разорвало апеури.

Эпоха юная щедра,
Сбежал сиятельный нахлебник,
Вокруг весеннего костра,
Где тлеют корни и кора,
Не пляшет с ведьмою волшебник.

На взгорье, где, зарей багрим,
Алеет бук в зеленой шляпе, —
Там трактор буйволом стальным
Ревет, гудит, неукротим,
Как легендарный Гвелешапи.

Легко справляется он там,
Где в одиночку люди слабы,
И гулом вторит он сердцам
И равен ста таким быкам,
Как ваши медленные Лабы.

Не затыкай ушей, мой друг,
Не бойся грома индустрии!
Где лишь царапал землю плуг —
Там рвы теперь и через луг
Нужны мосты перекидные.

Держитесь этой борозды,
Кавказа нового сельчане!
С ней проживете без беды.
Коммунистической звезды
С нее виднее вам сверканье.

КОГДА ЛАСТОЧКА ЛЕПИТ ГНЕЗДО

Синему небу,
Где реют знамена,
На солнце алея,
Всем пионерам,
Шагающим с песней
По майским аллеям;

Школьникам сельским,
Их новой дороге
В чудесные дали,
Их юности смелой —
Смене надежной,
Крепости стали;

Передрассветным
Гудкам на заводах,
Тачке и книге,
Ладоням горячим,
В труде прикипевшим
К острой мотыге;

Празднично ярким
Платкам разноцветным,
Парусным яхтам
На синем Рионе,
Водам и недрам —
Морю и шахтам;

Новым каналам
В пустыне Самгори,
Пески напоившим,
И осушенным
Мегрельским болотам,
Как язвам зажившим;

Всем плотогонам
Верховья Энгури,
Плотам их сосновым,
Хатам саманным
И пахнущим лесом
Строениям новым;

Полным лабазам,
Вину и пшенице,
Другу за чаркой
И коконам шелка,
Струящимся пряжей
Солнечно-яркой;

Потокам в ущельях,
Долине Мухранской,
Тушам бараньим —
Жертвам покорным
Ломиси и Лаша,
Древним преданьям;

Проложенным в скалах
Сванетским дорогам —
Линиям новым,
Сванским лопатам
И заступам острым,
Ульям медовым;

Саженцам тонким
Лозы цинандальской,
Источникам горным,
Вершинам Аджарии
С растаявшим снегом
И льдом непокорным;

На солнце сомлевшим
Хевсурским коровам
И буйволам жирным,
Табачным посевам
И пальмам батумским
Над берегом мирным;

Ширакской степи,
Ее травам росистым
Поутру в тумане,
Вдове и хозяйству
Отаров, и кисти
В фруке Пиросмани;

Пене кипящей
Весенних соцветий,
Тени и свету —
Всему пел бы славу,
Что жар-песню в сердце
Вложило поэту.

Ласточка лепит
Гнездо в это время,
И нету чудесней
Тех дней, и не знаю,
Что выбрать и славить
Восторженной песней
Без помощи бога!

ТАПАРАВАНСКОЕ СКАЗАНИЕ

«Парню одному с Тапаравани
Нравилась аспиндзская девица.
Вот зажгла свечу она в тумане,
Чтоб ему во тьме не заблудиться.

Плыл он к ней бушующей рекою,
И душа у парня ликовала.
Нес он жернов левою рукою,
Правой греб, покуда сил хватало.

А свеча во мраке пламенела,
И у парня прибывала сила.
Но одна колдунья то и дело
Ту свечу у девушки гасила.

И погиб тот юноша несчастный,
Потонул, ушел из этой жизни,
И стервятник труп его безгласный
Рвал потом, как водится, на тризне...»

Эту я историю когда-то
Услыхал у вод Тапаравани.
Но не сгинул парень без возврата,
Как об этом говорили ране!

Возвратила нам его судьбина!
Вот плывет он снова, черноокий:
На одном плече его турбина,
На другом — железный бык высокий.

И восходит свет его гигантский,
И отныне нет ему запрета,
И ведь парень тот тапараванский —
Грузия, воскресшая для света!

Давно то было.
 Иверийский след
 Исчез за плотной пеленой тумана, —
 Но и поныне ужасы тех лет
 Сопровождают имя Махмед-хана.
 Рабы защиты ищут от войны,
 Шамиль летит сквозь ветер,
 И картинно,
 Как грифы, посреди чужой страны
 Цари России восседают чинно.
 Страх всю страну сковал.
 Среди живых
 Бараташвили кликнул клич — Мерани!
 Напомнить ли, что этот гордый стих
 Победоносно звал на поле брани.
 Предвестник, прорицатель, маг, поэт
 Увидел путь иной,
 Иной рассвет.
 Родимой Грузии судьба дана
 В стихах исчерпывающе и кратко:
 «Где меч царил в былые времена,
 Видна рука гражданского порядка».
 Мы снова родились.
 Пускай поэты
 Всем сердцем выскажутся — вложим меч
 Обрато в ножны.
 Стоит приналечь —
 И край наш будет садом...
 Цели этой
 Чудесней нет у Грузии теперь.
 Трудом откроем в будущее дверь!

1929

СТИХИ О МУХРАНСКОЙ ДОЛИНЕ

В Мухрани трава зеленой изумруда
И ласточки в гнезда вернулись свои,
Форели прорвали решетки запруды,
В обеих Арагвах смешались струи.

И воздух в горах оглашают обвалы,
И дали теряются в снежной пыли,
И Терека было б на слезы мне мало,
Когда б от восторга они потекли.

Я — Гурамишвили, из сакли грузинской
Лезгинами в юности схваченный в плен,
Всю жизнь вспоминал я свой край материнский,
Нигде ничего не нашел я взамен.

К чему мне бумага, чернила и перья?
Само несравненное зрелище гор —
Предчувствие слова, поэмы преддверье,
Создателя письменный лучший прибор.

Напали, ножом полоснули по горлу
В горах, на скрещенье судеб и стихов,
А там, где скала как бы руку простерла,
Мерани пронесся в мельканьи подков.

И там же и так же, как спущенный кречет,
Летит над Мухранской долиной мой стих
И небо предтеч моих увековечит
И землю предшественников моих.

1931

* * *

Во веки веков не отнимут свободы
У горных вершин и стремительных рек,
Свободны Арагвы и Терека воды,
Свободен Дарьял и могучий Казбек.

И облако в небе не знает границы,
В горах о свободе не грезят орлы,
Туман без приказа в ущельях клубится,
И молния бьет без приказа из мглы.

Не помнит народ, по какому приказу
Ковалось железо для первых оков,
Но ныне слагает он песни и сказы
О тех, кто сорвал их с последних рабов.

В песнях поется, как грозная буря
Смела эриставства и княжеский гнет,
Про иго Шиолы Гудушаури
Всё помнит народ мой и песни поет.

«Шиола, Шиола, ты долгие годы
Сидел в эриставстве на троне своем.
За землю Ачхоти, за слезы народа
Утробу твою мы землю набьем...»

В руках от цепей и борьбы онемелых
Нелегкое счастье родимой земли.
Мы помним Мтрехели и тысячи смелых,
Что ныне герою на смену пришли.

Свобода искрилась на высях снегами
И буйно бурлила бурунами рек,
Теперь она всюду, теперь она с нами,
И запросто с нею живет человек.

Пускай же свобода былым эриставам
За горе поруганной ими земли
Вернет им с избытком весь долг их кровавый,
Накормит землей и растопчет в пыли.

Август 1932
Новый Афон

В А Р М Е Н И И

КАМНИ ГОВОРЯТ

Будто ожил древний миф,
И циклопы скалы рушат,
Разметав их, разгромив,
Всё ущелье страхом душат.

Большевицкая кирка
Бьется в каменные лавы,
Труд, что проклят был века,
Превратился в дело славы.

Города, что твой Багдад,
Не халифам ныне строят,
Человек свободный рад
Сбросить бремя вековое.

Если друг ты — с нами ты,
Если враг — уйди с дороги,
Для исчадья темноты
Суд готов народа строгий.

Серп и молот на гербе, —
То не зря изображенье,
То с природою в борьбе
Мира нового рожденье.

Точно скалы поднялись,
И, как волны, камни встали,
Слава тем, кто эту высь
И стихию обуздали.

Сам с походом этим рос,
За него болел я сердцем,
И взамен ширазских роз
Стал я камня песнопевцем.

Я сложил на этих склонах
Песнь камней освобожденных!

ШАХСЕЙ-ВАХСЕЙ

Лазури, лазурью перекипевшей,
Полон Севан, младенчески ясен,
Как из пращей проносятся камни:
Горы устроили Шахсэй-вахсэй.

Скрыла пустыня лицо, чернея,
Словно тюрбан, его тучи обвили,
Горы поднялись, как минареты,
Будто к Корану они приступили.

Пусть грянет оползень, мир взметнется,
Ливнями ливней, потопом обложен,
Клинопись запечатлеет поэму,
И Гильгамеш спасется всё же.

АВТОДОР ПУСТЫНИ

Без лишнего мяса утес обойдется,
И он не нуждается в тонкой ткани,
Так пали великие стены Звартноца,
Так пали стены Ленинакана.

Так проходил огонь Зангезуром,
Но не могли сломить и в смятении
Жизнь, освеженную темпами бурными,

Землетрясения или обвалы, —
И большевистское летоисчисление
Уже над временем торжествовало.

Как я жалел тебя, неповинного,
Словно под ветром озябшего зяблика.
Когда он рухнул в этой долине,
Утес одинокий, пустыни корабль.

Будто здесь демоны вымыли камни,
Поодиночке скалы отрезав,
Спрятав, закрыли их райскою дверью, —
Пусть. Я на зелень смотрю Алагеза.

Видишь, когда над камнями развалом
Снег Арарата незыблемо стынет, —
Веришь, что именно здесь и звучало
Вечное слово вовеки и ныне.

Время потопа я тоже прожил,
Новый ковчег я вижу как строят.
Кто про меня сказал: он в прошлом,
Песен не быть ему запевалой.

Разве среди голубей тех не был
Дикий голубь — старого данник.
Песен скорее, амханагебо,
Чтобы не знать стихового Седана!

Тут Гильгамеш, а рядом Библия,
Здесь же больших пятилеток опыт,
Знаю, безжалостный критик хмыкает:
Ты, брат, тропы старые топчешь!

Разве не помню я, что дашнаки
Продали родину, клятвоубийцы,
Что мне поделатъ, еще ведь я вижу
Клинопись, выбитую ассирийцем.

Выходит, гостил в чужой стороне я,
Чужих не нашел я, как ни странно,
Слушал зато я эпос Чаренца,
Был Сарьяном я очарован.

В стихах грузинских Исаакяна
Рыдал бедуин мне Абул Ала Маари,
Сам Автодор пустынь великих,
На нас Арарат прищуривал веки,
Занга ревела, что у поэтов
Братство настало отныне вовеки.

СБЫЛАСЬ МЕЧТА ПОЭТОВ

Ованесу Туманяну

Хоть вовсе о прошлом не думал ты тут,
Оно оживет на мгновенье,
И вот из ущелья, ты видишь, идут
Навстречу могучие тени.

Я вижу твою седину, Ованес,
Ожившими в вечер румяный
Биенье бездонного сердца и блеск
Улыбки в волненьи Севана.

Исчез, как мечтали, раздор вековой,
Брат брата не губит войною,
И тот, кто вчера был пастух кочевой, —
Сегодня он правит странною.

Народы Кавказа в единстве живут,
Поют они песни иначе,
В стране нашей мирный господствует труд,
Ануш твою больше не плачет.

Пришли мы как братья, и каждый мечтал
Сказать про единство поэтов
Тебе, кто впервые об этом писал, —
И песню продолжить про это.

Ты сладость лорийского меда впитал
В свое неповторное слово,
И тот, кто, прозрев от тебя, не признал
Тебя, пусть ослепнет он снова.

Ты знаменем дружбы, сказать без прикрас,
Быть должен под родины небом,
Ты ожил сегодня вторично для нас,
Хоть мертвым для нас ты и не был.

И ржавчине времени не переесть
Цепь дружбы сердечной и новой,
Незримый хозяин в Армении, здесь
Прими наше братское слово.

ЗДРАВИЦА

Здесь когда-то Григол Орбелиани
Начал здравицу давних дней,
Или «Пир возле стен Еревана»,
После битвы победной своей.

«Там, где битва гремела, бушуя,
Тихий сумрак вечерний лежит,
У костров бивуачных, пируя,
Победившее войско сидит».

Ереванская крепость упала,
И турецкий сардар убежал,
Долго пламя войны полыхало,
Над руиною черной дрожа.

И лежали под каменной кручей
Трупы беженцев, втопанных в грязь,
Ливни мыли их, щебнем колючим
Ветер их засыпал, торопясь.

И в Аракса неистовом шуме
Вопль сиротский к Араксу приник,
И отец проклинал, обезумев,
День рожденья детей-горемык.

В горных дебрях зима их кончала,
Враг в долине приканчивал их,
Волчья стая по следу рычала
И бросалась на еле живых.

Стала яма в ущелье знакомом,
Словно зверю нора, дорога,
Человек называл ее домом,
От ужасного прятась врага.

Разоритель крестьянского мира,
Поджигатель и деспот большой,
Назывался он Карабекиром,
За жестокость был прозван «пашой».

Но не только здесь турки сжигали,
И не надо искать за горой,
И свои здесь своих убивали,
Брату брат рыл могилу порой.

Чтобы крови поток этот лился,
Верно, кто-то на небе решил,
Вот тогда человек и явился,
Человек этот Лениным был.

Нынче курд с армянином не в ссоре,
Тюрк в грузинах не видит врагов,
О вражде, как о прошлом позоре,
Пионер рассказать вам готов.

Пионерская дробь барабана,
Слышен в поле пастуший рожок,
Сон веков над грозой Еревана,
Над Иракли-тапа глубок.

Нет, мы Карса, как предки, не брали,
Новым людям дан новый удел,
Но зачтутся им в будущих даях
Героических тысячи дел.

Вот оно, столкновение классов,
Поколение вступает в борьбу,
Мы с ним вместе, и сборище масок
Темных происков будет в гробу.

Вот то место, где сам Орбелиани
Свою здравницу написал,

Или «Пир возле стен Еревана»,
Где он с войском своим пировал.

И вблизи Еревана мы тоже,
Сад Сардарский нам пир украшал,
В новой здравице сад этот ожил,
Но новее всех здравиц — ваша!

Мы поэты Кавказа! Не книзу —
Путь наш в гору и только вперед,
Где фундамент социализма
Так уверенно строит народ.

Кто видал разоренные страны,
Где в ущельях из трупов редут,
Превращенные в хаос поляны
И долины, где царствовал труд?

Это кладбище — крик без ответа,
Сотни верст, где пустыне лежать,
Да, друзья, это долг наш — об этом
Поколеньям о всем рассказать.

Здесь не здравицы гордое слово,
Тут и слезы и дрожь! А потом —
Кто светлей нас, нежней и суровой,
Лучше нас скажет миру о том!

Пусть и голос свирели чудесной
Для народа звучит до конца,
А за нами, товарищи, песня,
Что надежду вселяет в сердца!

ПОЕЗДКА НА АЛАГЕЗ

Путь к Алагезу — ну совсем недлинный,
Хоть тут впервые буду пробираться.
Сознаемся: нет тяги у грузина
Далекими краями увлекаться.

Но песню вдруг грузина на арбе я
Как голубей услышал воркованье,
Как будто бы в ущелье, не робея,
Породы все вступили в состязанье.

«Пойду за солью на Агзевань я,
Привезу глыбу соляную,
Прежде мать я расцелую,
Потом сына и жену я».

Мне показалось: небо расколосось
И прямо в душу стрелы угодили.
Мне показалось: слушаю я голос,
В нем тысячи Вано Сараджишвили.

И соль-хрусталь и красота жены мне
Сдавили горло — слезы, хлынув сами,
Всё сердце залили, как заливают ливни
Весеннюю Бердуджу с берегами.

Чугунные стояли моуравы,
До Вавилона горы простирались,
От утренней зари и до вечерней славы
Свирели пели — голоса сплетались.

Мне чудилось, что в буйвола ярме я
На Алагезе песенном кочую
И ноши нет такой, что не посмею
Поднять на плечи, если захочу я.

ЗА ЛАВИНОЙ — ЛАВИНА

Гром, в вершину скалы громовой ударяя,
Оголяет скалу, и сверкает скала,
Что сама — как гроза и сама — как седая
Борода Шамяля, неприкрыто бела.

Есть ли где на земле человек, чтобы просто
Перед этим бессмертьем сумел устоять.
Я единственный среди живущих апостол —
В час утери геройства, ушедшего вспять.

Я — как тетерев, хищником схваченный хмуро, --
Нет, молиться не пробую и не начну.
Я кольцо, что сорвали с кольчуги хевсура...
Сам священную я объявляю войну.

Я как бурею сбитая бурка лезгина,
Все суставы свои перебить я успел.
Но отважный, осмелившись, станет лавиной, —
Так и вы мне судите отвагу в удел.

Для чего на чернила нам тратить озера,
А тончайший хрусталь — на простое перо,
Если в гневе сердца согреваются скоро,
Если дрожь по суставам проходит порой.

За лавиной лавина, обвал за обвалом,
И скала на скалу — ни дорог, ни пути.
Небеса надо мною склонились устало,
Так что даже не жаль мне из жизни уйти.

1932

* * *

Лежу в Орпири мальчиком в жару,
Мать заговор мурлычет у кровати
И, если я спасусь и не умру,
Сулит награды бесам лихорадки.

Я — зависть всех детей. Кругом возня.
Мать причитает, не сдаются духи.
С утра соседки наши и родня
Несут подарки кори и краснухе.

Им тащат, заклинанья говоря,
Черешни, вишни, яблоки и сласти.
Витыми палочками имбиря
Меня хотят избавить от напасти.

Замотана платками голова,
Я плаваю под ливнем роз и лилий;
Что это — одеяла кружева
Иль ангела спустившегося крылья?

Болотный ветер, разносящий хворь,
В кипеньи персиков теряет силу.
Обильной жертвой убажуют корь
За то, что та меня не умертвила.

Вонжу, не медля мига, в сердце нож,
Чтобы напев услышать тот же самый,
И сызнова меня охватит дрожь
При тихом, нежном причитаньи мамы.

Не торопи, читатель, погоди —
В те дни, как сердцу моему придется
От боли сжаться у меня в груди,
Оно само стихами отзовется.

Пустое нетерпенье не предлог,
Чтоб мучить слух словами неживыми,
Как мучит матку без толку телок,
Ей стискивая высохшее вымя.

1933

АПРЕЛЬ В ОРПИРИ

Орпирский знойный и апрельский день
(В потоке лепестков айва и персик)
Так перепутан солнцем, что везде
Хотят лететь деревья, ветви срезав.

И голос птиц деревне тоже впрок,
Их стройный хор всех так уверил,
Как будто песне не заказан срок,
Грядущий май звенит в их перьях.

И в целину работы дух проник,
Готова обвалиться, соревнуясь,
И я не сомневаюсь ни на миг,
Земля следит в газетах посевную.

Стоит один протяжный гул работ
От недр Орпири и до Чаладиди:
Ну, кажется, свались утес — и тот
На плечи примут в лучшем виде.

И видны горы гордые вдали,
И на хребте Аджарском лед томится,
Он хочет пасть лавиной до земли
И бурными потоками разлиться.

Не знаю я, что раньше означала
Та песня под названьем «Чарирами»,
И вот сегодня вижу вновь сначала,
Что вся Колхида ныне чай и рами

1933

* * *

Поэты, безутешно плача, пели,
Но безнадежно лет тянулась лента,
О том твердит всем школьникам доселе
И. Чавчавадзе с сумкою студента.

Тут и оплакивал Бараташвили
Печаль свою и мира неотступно,
И Софью, мудрую супругу Леонидзе,
Что более, чем канцлер, неприступна.

Досель видны на Тереке, в Дарьяле
Следы от шпор Григола Орбелиани,
Всё та ж река и грохот, как вначале,
И плач такой, как вечности заданье.

Важа Пшавела чудится мне ночью,
Вот черный конь, Арагвы плески злые,
Он помогать поэтам хочет
И мечет в реку глыбы стиховые.

И на Казбек опасно восхожденье,
И не всегда Ягор — наш друг — надежен.
Кто ледников освоил громожденье?
Здесь время гроб Сандро Казбеги гложет.

Форелями разорваны ловушки,
И ласточки по гнездам упорхнули,
Трава Мухрань пленительную душит,
И две Арагвы повстречались в гule.

Так в сквозняке и в вихре ледниковом
Горам казалось средь ущелий-братьев:
Хоть Терек вдвое вод наполнись громом —
Для слез воды вовеки в нем не хватит.

1933

НАДШИСЬ НА РОГЕ

Говорят, что кому-то верится:
Тициан не терпит вина.
Значит, «In vino veritas»¹ —
Ложная глубина.

Умереть однажды — это
Смертью нельзя назвать.
День последний неведом,
Он — как дань и как благодать.

От любви не однажды я —
Десять раз умирал.
Оставь в своем сердце жаждущем
Острый этот кинжал.

Я познал, что в вине — истина.
До дна этот смысл мне дан.
В остальном же наивно-искренним
Остался ваш Тициан.

Ноябрь 1934

¹ «Истина в вине» (лат.). — *Ред.*

* * *

Бежит, ревя, в открытые ворота
Абдушагиля раненая лань.
И гложет — как другим помочь? — забота,
И столько ран вокруг — куда ни глянь.

Летит, разгневан острием кинжала,
Баши-Ачуков конь, не чуя ног.
И тысячу сердец пусть грудь вмещала, —
С тысяча первым ты расстаться смог.

За облаками в небе не угнаться, —
Как паруса, плывут во все концы.
Идут под ними сестры Чавчавадзе,
Две розы Цинандали — близнецы.

Но хан коварно ловит их дыханье,
На Цинандали точит острый зуб.
Украсть удастся? — что тогда для хана
Далекая дорога, — он не скуп.

И это всё мотивы старой сказки, —
Когда Вачнадзе Ната с Верико
Плясали и звенел над ними в пляске
Луны легчайший бубен высоко.

То было неба и земли рожденье,
Мечта, огонь, зажженный навсегда.
Как сотни Нат Вачнадзе, в отдаленье
Стояла кахетинских гор гряда.

1935

РОДИНА

Горы и доли твои пенаглядные
Издавна слыли подобием рая.
Взглянешь — пылают сады виноградные.
Взглянешь — и глаз не достигнет до края.
Ночь — молоко голубое оленье.
День позолочен кизиловой ягодой.
Где-то черкешенки жнут в отдаленье.
Сладко тучнеют могучие пахоты.

Азбуке нашей, плодам нашей родины
Много похвал на пергаменте ветхом.
Так, славословя и радуясь, бродим мы
С лаской по всем твоим листьям и веткам.
Там, где туман на гомборской дороге,
Где остролистник и куст можжевельный,
В каждой тычинке цветка, в недотроге,
Капля слезы еще блещет Пшавеловой.

Нет крутизны, не отыщется выступа,
Пяди такой, чтоб сверкнула впервые.
Всюду каналы прорыты неистово,
Подняты все целины яровые.
Нет человека, чтоб не был в работе,
В битве, и в стройке, и в музыке огненной.
Озеро Палеостоми у Поти
С древних трясин окончательно прогнано.

Все летописцы когда-то лукавили —
И Гиппократ, и царевич Вахушти.
Как бы они это время прославили!
Повесть такую могли бы подслушать?

Топа Риона, где слухи глухие
Некогда шли о Калхиде загадочной,
Ныне лежат перед нами сухие.
Изгнан оттуда озноб лихорадочный.

Ставят плотины, чтоб цитрусам вырасти,
Чтобы дышали сады в апельсинах.
Квохчут насадки, не чувствуя сырости.
Плавится небо в промоинах синих.
Здравствуйте, други-соседи! Не счесть их —
Первенцев в Грузии новой,
Верных в работе и преданных чести,
Даже не знающих чувства иного.

Глянь на Эльбрус, запрокинувши голову,
К пику Мкинвари лицом обернись ты —
В тучи, не зная подъема тяжелого,
Цепко врубаясь, идут альпинисты.
В каждом дыханье, что вьется, бушуя,
Цепкой и гибкой лозою родимой,
Ленина душу узнаешь большую,
Волю народную, неколебимую.

Родина! Лес Чианури задебренный,
Воды Энгури, ширакские дали,
Сердце Кахетии — в неге серебряной,
В розовых купах совхоз Цинандали!
Эхо за Ушбой и за Ушгулом,
Синь ледников над могучими сванами
Песне моей откликаются гулом,
Вышли к столу домочадцами зваными.

Сорок мне стукнуло. Если пригнуть еще
Новых мучительных сорок на старость —
Не остановит поэта и кладбище —
Молодость той же безусой осталась.
Родины участь — как матери участь,
Заново к сердцу пришла, позвала меня.
И без кремня, не стараясь, не мучась,
Сердце охвачено песней, как пламенем.

Помнишь ли старую повесть, краса моя?
Будь она вдвое древнее Кавказа, —

Слушай же! Я расскажу тебе самую
Черную из незапамятных сказок.
Двое детей твоих брошены в бурю,
К мачте канатами крепко прикручены
И бороною пророка, в Стамбуле,
Клятвой турецкою клясться приучены.

Много дорог с мамелюками пройдено,
Долго тянул янычар свою песню.
Всё-таки, всё-таки снится им родина,
Где же на карте она? Неизвестно.
Тщетно кривой ятаган был наточен,
Тщетно храпели арабские кони им.
Проданным в рабство, голодным и тощим,
Нет избавленья в притоне драконьем.

Если же мы позабыли их, ты-то ведь
Помнишь и слезы, и кровь, и невзгоды!
Станешь ли, родина, вновь перечитывать
В книге гаданий о днях непогоды?
Разве мы раньше работали мирно —
Правды, труда и свободы сторонники?
Вырви хоть день из неволи всемирной,
Перелистай наши древние хроники.

Был Вавилон, воевали халдеяне.
Дальше не ясен твой путь и не светел.
Миропомазанных ждало рассеянье.
Прах твой развеял скитальческий ветер.
Землю меняли. В больничной палате
Так же меняют подушки горячечным.
Если не в саване смертном, а в платье
Ты подвенечном, о чем же ты плачешь нам?

Сорок мне стукнуло. Если пригнать еще
Новых мучительных сорок на старость —
Не остановит поэта и кладбище —
Молодость той же безусой осталась.
Сорок мне стукнуло. Только бы выстоять
Сорок еще с ремеслом стихотворца.
Лишь бы страну освещало лучистое
Счастье и слава ее ратоборцев.

Эти слова неожиданно выпелись.
Песня не ждет оседания мути,
Чтобы, как оползень горный, осыпались
Чувства, огромные в первой минуте.
В день Конституции мною воспета
Слава ударников — знамя огня.
Я не играю в большого поэта,
Школьник-отличник сильнее меня.

День разукрашен кизилowym золотом.
Ночь — молоко голубое оленье.
Чувство, когда оно сильно и молодо,
Перерождает сердца поколенья.
Смеешь ли ты, свою песнь обрывая,
Спрятать за пазуху и не запеть ее,
Если орава гремит хоровая —
«Лилео» в горных отгулах Сванетии.

Не вспоминаю о сказочных женщинах,
О Кетеване, Медее и Нине,
С песней великих поэтов обвенчанных,
Царственных, мирно почивших ныне.
Слушай, Рукайя! Мы сделаем сказкой
Новые нас обступившие облики —
Нашу ударницу с красной повязкой,
Парашютистку, летящую в облаке.

Древних монахов, отшельников грамотных,
Двух Теймуразов, Тмогвели, Арчила —
Всех, чье старание с дней незапамятных
Нашу грузинскую речь отточило,
Саба-Сулхана и Гурамишвили
И Руставели семивекового —
Всех я зову, чтобы милость явили
И помогли бы мне песню выковать.

Верных свидетелей ныне зову я.
Я не стыжусь, что в таком-то году,
Слушая времени речь грозovou,
С бедной волынкой на праздник иду.

* * *

О, Мкинвари когда проснется
Под гром, вернувшийся сюда,
То в вечной верности клянется
Сползающему морю льда.

Но, застоявшись над тобою,
Мчат ливни, пенясь и звеня.
Ты — друг? Нет, больше. Брат? Нет,
больше.
Не знаю, кто ты для меня.

И к двум Арагвам — Белой, Черной —
Арагва слез моих течет.
И мир, еще не нареченный,
Господня взгляда молча ждет.

1935 ?

РОЖДЕНИЕ СТИХА

1

С неба на землю огромным мостом
Был перекинут Эльбрус-великан.
Сдвинулись горы с подножий кругом
В час, когда дэва разил Амиран.

Тополь высокий, стройный и резкий,
Дал на примерку ты деве черкесской.
Трудно сарматского князя сыскать,
Бурку его нелегко разорвать.

Небо в кизиле и горы в кизиле,
Пурпуром залит Эвксинский Понт.
Точно гигантский вздымается грифель —
Старый Эльбрус, заслонив горизонт.

Волны бушуют вокруг исполина,
К горлу стихов подступает лавина.
Солнце взойдет и растопит ее.
Что ж ты печалишься, сердце мое?

С неба на землю огромным мостом
Был перекинут Эльбрус-великан.
Сдвинулись горы с подножий кругом
В час, когда дэва разил Амиран.

Сердце поэта — Эльбрус вековой —
Ждет, когда ветер повеет чудесный.
Сели стихи, как голубки, над бездной —
Знак, что окончен потоп мировой.

2 июня 1936

2

Я знал: слова ронять не следует, —
Не предавал их во славу рифмы.
Когда строка строку преследует —
Биенье сердца диктует ритмы.

Еще невысказанной истиной
Душа томится, как в одиночке.
Но — кто я, что? Смычок таинственный...
А кто-то бурю провидит в строчке.

Нет, дорогие, не рождается
Любовь ни силой, ни ядом лести.
Слова бессильно распадаются,
Пока их ярость не сцепит вместе.

И вот, родившись, сочетание
В чужие руки тебя швыряет, —
Когда их мужество чеканило,
Твой стих отвагу не потеряет.

Но стих — лишь стих, покамест обжигом
Он не испытан в любви и вере, —
Тогда стихом, тобою сложенным,
Народ наполнит свои свирели.

А мне всё чудится: бессонница...
Дрожат все связи стихотворенья.
Сейчас оно сквозь ливень тронется,
Пойдет обвалом через мгновенье.

И мир, с умом его рассудочным,
Падет, как нива под саранчой.
Но станет в мире, слепом и сумрачном,
Как будто больше одной свечой.

1936

СЕСТРА ДОЛОРЕС, БРАТЬЯ БАСКИ

Умолкла песня, стихла серенада,
Не слышно Инезилии моей.
Огнем и пламенем объятая Гренада
Залита кровью женщин и детей.
Уж смех Кармен не радует Толедо —
Горячий, страстный, оборвался он.
Раздавленные дети... До рассвета
Вопль матерей летит со всех сторон.
И точит нож дон Хозе, баск суровый,
С врагом по-вражьи встретиться готовый.

На баррикадах крик единодушный
Сквозь грохот выстрелов доносится до нас:
«Позор тому, кто дрогнет, малодушный,
И смерть тому, кто родину предаст!»
На карту здесь поставлена свобода,
О помощи взывает вся страна.
И, словно гром, упавший с небосвода,
Зовет народ к отмщению она —
Пасионария, взъяренная тигрица,
Кому весь мир не устает дивиться.

Бой до конца и битва до победы!
Вот клич ее. И, отвечая ей,
Встает Астурия, вздымается Толедо,
Чтоб жизнь отдать республике своей.
Здесь каждый знаменосец, каждый воин —
Как лев израненный. Он мщением горит.

И, оцетинившись, весь город дышит боем.
Но защищен со всех сторон Мадрид.
И, не страшась раскатов грозной бури,
В рядах бойцов шагает Ибаррури.

Слышал я, что в Испанию когда-то
Отправился пустынный Иоанн,
Чтоб разыскать грузинского собрата,
Страну Иберию среди далеких стран.
Предшественник печальный Дон-Кихота,
Вторую родину искал он на пути.
Печаль многострадального народа
Гнала его... Но что он мог найти?
Не только две — одна страна родная
И та лежала в прахе, изнывая.

Теперь Испания — дочь грозных революций —
Вот наша родина! Она взывает к нам.
Смотри туда — там наши братья бьются.
Идут за нас и погибают там.
И голосу неистовой Долорес
Ученье партии дает такую мощь,
Что для рабочих этот грозный голос
Верней и крепче, чем снарядов дождь.
В нем — революция и пламень беспримерный.
Сестра Долорес, братья баски... Тает
Гора Астурия, и кровью залит свет.
Но бьются яростно, и вся страна мужает,
И это — верное преддверие побед.

25 сентября 1936

ПРАЗДНИК АЛЛАВЕРДЫ

Посвящается Нате Вачнадзе

Огромные арбы покрыты ковром.
Здесь буйвол пугается собственной тени.
Кончают бурдюк с кахетинским вином
Герои Важа́ из нагорных селений.

Нацелившись боком, влюбленный Кавказ
Простер свою длань к аллавердской святыне,
Но церковь сияет и смотрит на нас,
Как голубь, привязанный к этой долине.

И вот к Алазани пробрался рассвет,
Недолго он странствовал в море туманном.
«Не гасни, о день мой, сияньем одет,
А если погас, не свети никогда нам!»

На том берегу, приведенная в дол,
Хмельная отара лежит без движенья,
Как будто накрыли для Миндии стол
Кудесники-дэвы на поле сраженья.

И кончив свой танец, кистин-акробат
Застыл у костра в молчаливом экстазе,
И люди толпятся, и песни шумят
Под звуки шарманки и стон мухамбази.

А что ж не споют нам о белом гусе
И белый кабан не вспомнят доселе?
И новым Леваном любят все,
И песни его умножают веселье.

Здесь жертвенный бык прикольцован к столбу,
Он вырвал бы дзелкву с ее корневищем,
А ныне он жалок: клянет он судьбу,
Испуганный пиром и старым кладбищем.

Седая весталка и нищий юрод
В такое пускаются здесь причитанье,
Что спрыгнул бы сам вседержитель с высот,
Имей он в высотах свое пребыванье.

Народу здесь надобно столько вина,
Сколь может воды в Алазани вместиться,
А сколько он мяса тут съест и пшена —
Никто на земле сосчитать не решится!

Да будут обильны, Кахетия-мать,
Сосцы твои, полные млечного сока!
И тучи выходят на небо опять,
И ночь, словно буйвол, встает одиноко.

Костры с шашлыками горят над рекой,
Слезятся от дыма веселые лица.
Олень угощает оленя травой,
Вином кахетинец поит кахетинца.

Здесь сам Пиросмани, и кистью его
Набросаны арбы и гости на пире.
Важа восхваляет его мастерство,
И туры рога погоняют шаири.

И «Шашви какаби», и Саят-Нова,
И песни Бесики — для сердца отрада,
И жажда веселья в народе жива,
Когда наступает пора винограда.

Сентябрь 1936

КОЛХИДА ЖДЕТ НОВОГО ОРФЕЯ

Над сыростью древних болот
Сгибались плакучие ивы.
Но верилось мне, что народ,
Упорный и вольнолюбивый,
О будущем счастье поет.
Я видел Колхиду счастливой.

Еще не причалил Язон,
Медея спала без движенья.
Что ж, детские сны не резон,
Но детское воображенье
Рисует во весь горизонт
Троянцев и греков сраженье.

Как сердце ребенка горит,
Как каждая книга на благо,
Как старый бродяга Майн Рид
Воинственной пышет отвагой,
Как пена Риона бурлит
Морскою соленою влагой!

Поэт не такой уж мудрец,
Хоть людям и кажется мудрым.
Я всё еще тот сорванец
И вышел рыбачить под утро,
И южного зноя багрец
Еще золотит мои кудри.

И кажется ярче парчи
Холщовой рубахи заплатка,
Сладка кислота алычи,
И райская птица, в ночи
Поющая дико и сладко, —
Как всё это хрупко, как шатко!

И образы богатырей,
Плененных монгольской ордою,
Встают по ночам у дверей,
Теснятся в мечтах чередою,
И с каждой весною щедрей
Рассвет над разливной водою.

Танцуют в кустах светлячки.
Под струны старинной чонгури
Читает Натела стихи,
И в бездне рассветной лазури
Алеют вершин ледники.

Озноб продирает по коже:
Негаданно ты наступил
На муравейник. Но кто же
Напасть на тебя напустил?
Ползут и ползут, и похоже,
Что дьявола ты потревожил!

Ты милой не видел в глаза,
Влюбленный в нее, как в Этери,
Но вот в благодатном доверьи
Глаза тебе застит слеза,
И больше очнуться нельзя.

Пусть слезы твои безнадежны,
Ты всё-таки плачешь навзрыд.
Волынка, поющая нежно,
С тобой о любви говорит.
Ты тянешь к ней руки, — и это,
Наверно, рожденье поэта.

Не ведали мы отрезвленья
И счастливы лишь оттого,

Что с отрочеством поколенья
Совпало страны торжество.

Мы молодости благодарны,
Мы низко поклонимся ей
За этот рассвет легендарный,
За гордое званье людей.

Не снами, а жизненной явью
Долина Риона живет.
В цветущем обильи и славе
Колхида Орфея зовет.

Декабрь 1936

* * *

Искошились и тают с разбега,
Истончаются льдина за льдиною,
И клянутся вершины Казбека,
Что вернуться на землю лавиною.
Надо знать — разве этого мало? —
Средь Тамар есть одна лишь Тамара.
Лань для лани, олень для оленя
Подстелет травку молочную.
Только Терек до остервененья
На постель свою зол одиночную.
Я — охотник — лань подстерег,
Я убил. Я — убитый — замер.
На вершину горы выходит в свой срок
Женщина с ледяными глазами.

1936

* * *

Родной очаг свой любит и отчизну
Лишь тот, кому грозит утрата их.
Поэт, немало испытавший в жизни,
Сложил когда-то этот горький стих.

Лишь тот отчизне верен, вырастая,
Кто осушал народных слез поток.
Всё остальное — выдумка пустая,
Так мы подводим жизненный итог.

Мы заклинаем молодых поэтов,
Что вырастут в грядущие года:
Прославьте свой очаг, Страну Советов,
Отчизну песен, родину труда.

1936

ДВЕ АРАГВЫ

Это потоп заливаает долины,
Молния в горные блещет вершины.
Ветра стенанье и ливень в горах,
В музыке той просыпается Бах.
Всё здесь возможно, и самоубийство —
Здесь не пустое поэта витийство:
В буре он слышит напев колыбельный,
Гибель надежду ему подает.
Это клинок безысходно-смертельный
Демон под руку Тамаре сует.
Это шатается Мцыри отважный,
Барсовой кровью заляпан, залит.
Траурный ворон на падали страшной
В устье Арагвы, хмелея, сидит.
Две тут Арагвы, две милых сестрицы, —
Белая с Черной, — как день и как ночь,
Вровень идут, чтобы вдруг устремиться
Прямо в Куру и в Куре изнемочь...

1936

4

БАГДАДСКИЕ НЕБЕСА

Владимиру Маяковскому

Я
в долгу
перед Бродвейской лампией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,
перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.

(В. Маяковский.
«Разговор с фининспектором о поэзии»)

Много не сделано — вижу воочию.
Долг у нас общий, и нужен возврат.
Мне вспоминается днем и ночью
Синее небо твоих Багдад.

В душу нам песня могучая веет,
Буйволу шерсть шевеля на спине.
Кто ее силой вполне овладеет?
Кто ее меру постигнет вполне?

С юности сердце вздымавшая птицей,
Слабый язык превращавшая в меч, —
Этого не постигнут тупицы
Под лампией в тысячи свеч.

Слово встает над корой ледниковой,
Камнем летит из пращи сквозь века.
Если не выскажешь новое слово,
Дверь оно силой снесет с косяка.

Да, но когда наконец, напоследки
С жизнью в упор беседует смерть —
В Токио на вишневые ветки
И на поля, что бегут в Саирме,
Падает ровно большое сиянье,
Холод, и трепет, и содроганье.

Много не сделано — вижу воочью.
Долг у нас общий, и нужен возврат.
Мне вспоминается днем и ночью
Синее небо твоих Багдад.

Вновь захотел напомнить тебе я
Тихих Багдад колыбельную песнь.
Нынче апрель. А апрель умеет
В облаке яблонь душу унести.

Матери ртом и губами младенца
Лопнул бутон над бутоном. Во тьме
Сыплются яблони. Некуда деться.
Слушай — олени кричат в Саирме.

Дубом огромным среди чащи багдадской
Ты бы в апрельское утро возник.
Вновь дилижанса звонков дожидаться
Вышел бы школьником с сумкою книг.

Снова с тобою, над партой склоненным,
Голые ноги я ставлю рядком.
Виселица царя Соломона —
Пятисотлетний платан за окном:

В небо ушел, окунаясь в грозы
Ночью несокрушимым стволем.
Катит Рион обломки утеса.
Мы, словно рыбы, плещемся в нем.

Нас ожидая, от полного сердца
Птицы свистят и крепчает весна.
... Снова доносится новых марсельцев
Песня, как буря гневна и грозна.

В бешеном свисте нагаек казачьих
Вновь Алиханов рубит сплеча.
... Митинг за митингом! Стачка за стачкой!
Смерть и проклятие палачам!

... Многое, многое вспомнить бы надо.
Радугой стих упадет за леса.
Всё языком трехъярусных радуг
Скажут багдадские небеса.

В Грузии юноши выросли тоже,
Видишь, как смена твоя велика!
В бой они выйдут, не ведая дрожи,
Если к нам сунется войско врага!

Ты нам не должен. И рады Багдады,
Что к грозной лире твоей одну
Накрепко прикрутили когда-то
Поющую по-грузински струну.

... Снова по тихим Багдадам повеет
Петая здесь колыбельная песнь.
Нынче апрель. А апрель умеет
В облаке яблонь душу унести.

Матери грудью и ртом ребенка
Лопнул бутон над бутоном. Во тьме
Сыплются яблони... Слушай, как звонко
Нынче олени кричат в Саирме!

1936.

ТЕЛЬМАН

Пришли к тюрьме с корзиной алых роз.
И в необычайной передаче
Народ любовь для узника принес
И ненависть к тюремщикам в ней прячет.
Толпились дети у тюрьмы чуть свет,
Сердечко каждое раскрылось медальоном,
И в каждом Тельман видит свой портрет,
А в галстуках алеющих — знамена.

Кругом жгли книги Гейне на кострах,
Но в пламени его бессмертье крепло,
И остроклювый стих его вразмах
Взмывал к высотам фениксом из пепла.
Как черный снег берлинских улиц,
Лежит костров зола.
Европа мглистая, сутулясь,
Опять войной занемогла,
Ведет полки цивилизованный Аттила,
Их путь неодолимо крут,
Дымятся книги в огненных могилах...

А наши дети Тельману несут
Корзины, полные цветов.
Прими же, узник, в утреннем привете
Рассветную любовь, понятную без слов,
И горную весну мою в расцвете.
Ты слышишь, как звенит, забулькав,
Повсюду звонкая капель, —

Из каждого сосца веспы — сосульки —
По капле солнца выдоил апрель.
А ночью в тишину луна сползает с крыши
И растекается от сада по деревне,
Прислушайся, и, может, ты услышишь,
Как лопаются почки на деревьях.
А позже яблони неслышно отцветают, —
Их лепестки несутся в каждый двор,
Повсюду опускаясь белой стаей...

Так счастье с некоторых пор
Ко всем с восточным ветром прилетает.
А знаменосец радостей — весна
Свои дары несет благоговейно
Туда, где ты... Я думаю, она
Придет к тебе на берег Рейна.

Пусть книги Гейне жгут. Мы не лишимся их.
Пускай упрячут в тюрьмы всех героев —
В огне фарфоровый крепчает стих,
Герой в тюрьме сильнее станет втрое.
Гремят на Рейне пушечные жерла
И заглушают песни Лорелеи,
Но, знаешь, у тевтона хрупко горло —
Оно в петле легко сомлеет...
Вот преврати любовь к тебе в весну —
И полководий не отыщешь многоводней, —
Ты видишь, сколько к твоему окну
Людей стекается сегодня.
Народ твой сам теперь в неволе.
Здесь все с тобой, а ты со всеми,
И знамя алое подполья
Не сорвано, а спущено на время.
Пусть будет спущено, покуда
Поэты вражеского мира
Торгуют с ловкостью Иуды
Своим пером и гейневскою лирой.

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

На холмах Грузии играет солнца луч.
Шумит Арагва, как бывало.
Здесь, на крутой тропе, среди опасных круч,
Мысль о тебе — как гул обвала.

Мы знаем счастье. Мы помним этот миг,
Когда любимой обладали,
И, полный песнями, изнемогал тростник,
И млели розы Цинандали.

Сто лет уже прошло, и тысяча пройдет,
Но пред тобой бессильно время,
И слава звонкая по следу путь найдет
До Эльбруса, до Ванкарема.

Погибельный Кавказ! Его живой красы
Ты не узнал бы в наши годы,
Счастливых этих гор не раздирают псы,
Насильники людской свободы.

Ты не услышишь вновь печальной песни той, —
Ее красавица допела.
Протяжный гул работ владеет высотой,
Жизнь молодая закипела.

Пройди мою страну всю из конца в конец,
Куда лишь может свет пробиться,
Везде отыщется горячих пуль свинец
Сразить жандармского убийцу.

Я встану, как хевсур старейший, у котла,
Чтоб в чашу первую, запенясь, потекла
Струя кипучего веселья.
И слово я скажу заздравное над ней
В честь храбрых прадедов и в честь советских
дней,
О Пушкине и Руставели.

Два гения войдут в один могучий сплав,
Два мощных первенца народа,
Чтоб зазвучал напев, крылат и величав,
И неподкупен, как свобода.

Пусть, как созвездия, горят они вдвоем
Над родиной счастливой нашей.
Мы в память Пушкина и Руставели пьем
И чокаемся звонкой чашей.

20 января 1937

МАТЬ И СЕСТРЫ
ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

«Что же сказать мне Люде и Оле?
Как же, сынок, исцелиться от боли?
Слезы текут помимо воли. . .»

Плачет женщина, тихо сгорбясь,
Матерью став для всех поэтов.
Братья, поддержим бедную в скорби, —
Нас и самих возвышает это.

Мне вспоминается в детстве недавнем
День революции здесь, в Кутаиси.
Смелость была в нем,
И никогда в нем
Наши не стерлись горные выси.

Он не остался в долгу перед веком,
Каждым шагом и каждым жестом
Дрался за то, чтоб быть человеком,
Званье поэта пронес над веком.

В черных сугробах лежала Пресня,
Была метель над путником поздним.
В сердце его возникала песня,
Слышал он гул над Кавказом грозным.

Он вспоминал светляков мерцанье,
Пар облаков в поднебесной сини,

Пену Терека, бубна бряцанье
Он вспоминал в далекой России.

Землю Багдади, шелест травы ее
Мать и сестры слезой оросили, —
Здесь узнал он счастье впервые,
Здесь узнал о славной России.

Будет в Багдади отлит искусно
Бронзовый мальчик, такой, как вначале, —
Так и сказал я матери грустной,
Чтобы отвлечь гостей от печали.

2 апреля 1937
Дербент

ДАГЕСТАНСКАЯ ВЕСНА

Возвращался я в Грузию, передо мной
Дагестан шел горами калеными,
Не чужим я увиделся с этой страной,
Точно вскормлен я горными склонами.

Позолота небес так была высока,
А долина — с лугами открытыми,
Как чаны для араки, стоят облака
Над костром, притворившись джигитами.

Если бы, у Мухрани сейчас появясь,
Я кипчака бы встретил отчаянного,
Я б отчизну доверил ему, не боясь, —
В нас единой отчизны звучанье.

И в прозрачности моря Каспийского я
Точно каждую вижу икринку,
Вижу Терек, которому в этих краях
Глину степи ломать не в новинку.

И с толпою апрельских больших облаков
Приближаюсь к Дербенту я городу,
Персик цвел, и цветы благовонных садов
Сулеймана осыпали бороду.

Но запомнил и горькое время народ —
Кровь ручьи здесь обильную пили,
И обвалы и ливни, сорвавшись с высот,
Плен оплакивали Гурамишвили.

Делом чести считал тогда каждый грузин
Биться насмерть, стоять не робея,
И стонали селения тихих долин,
Кровью сабель мюридских темнея.

Не воюют с гяурами нынче у нас,
Истребилась вражда неустанная,
Солнце счастья сейчас наполняет Кавказ,
Льет долиной лучи дагестановой.

Два Серго как соратники были в те дни
У него народом любимыми,
То Серго был и Киров, и были они
И на жизнь и на смерть побратимами.

В черных бурках хевсуры спасали Серго.
Окружали героя заботами,
Вы послушайте голос стиха моего,
Раз мне выпало петь пред высотами.

Вы же, пшавы, тушины, хевсуры, и ты,
Брат Алуда Кетелаури, —
Мир нисходит на горные ваши хребты,
Чтобы мстью вам брови не хмурить.

И споем мы, как дети единой страны,
И с адатами кончим старинными,
Ведь под солнцем свободы мы ныне равны,
Все — хевсуры, кистины с лезгинами.

И привет тебе, брат коммунар, много лет,
Горы-братья с объятьями снежными;
И могучему духу Серго наш привет,
Что летит над краями безбрежными.

Орджоникидзе оставив в Кремле,
Встретил город здесь — Орджоникидзе;
Мальчик с пальчик, и тот на зеленой земле
Знает — мирно здесь горцам селиться.

Знает, жизнь за отчизну он смело отдаст
И за город в уборе зеленом,

И не верит, что сердце Серго в этот час
Уж покоится в зале Колонном.

И почетный в том зале стоит караул,
Люди-волны вздымаются в гуле,
Здесь же горы скорбят, за аулом аул,
И в почетном стоят карауле.

Плача, я становлюсь в их ряды и стою,
Горе сердце неистово точит,
Точно деревом стал я у скал на краю,
И на ветках разбухшие почки.

Точно здесь моей юности скрыт талисман,
Не дивись этим почкам разбухшим, —
Встал хребет надо мной, за титаном титан,
Весь Кавказ — как вулкан непотухший.

Жизнь сама есть поэма, она для меня
Негасимого творчества пламя,
Рад душой, что дождался я этого дня,
Свод единый сияет над нами.

Грузии ль то, Дагестана ли горы —
Это наши деревья, луга и просторы!

Апрель 1937
Дербент

ТАК ЖЕ ПРОСТО

Так же просто, как в долине Мухрани
Каждая травинка славит апрель,
Так же просто, как в утренней рани
В Арагве плещется и пляшет форель;

Так же просто, как ласточки кружат
Вокруг своих прошлогодних гнезд,
Так же просто, как горцам служат
Изголовьем кошницы утренних звезд;

Так же просто, как по кручам от века
Гонит овечьи гурты пастух,
Как туман скрывает вершину Казбека,
Как в Тереке луч блеснул и потух;

Так же просто и произвольно,
Как песни пахаря в сельском краю,
Грузинской речью, впервые вольной,
Я нынче о родине нашей пою.

15 сентября 1937

ВАЖА ПШАВЕЛА НА МТАЦМИНДЕ

Не думала спорить гора с Магометом,
Кто двинется первый на празднестве этом,
Мтацминда поэту тесна не казалась,
Ведь пшавская кровь и на ней проливалась.
И он не просил ее первой явиться:
Решил, как туман, на нее опуститься.

И ожили вдруг помертвевшие кости,
Дошел бы домой он, чем тлеть на погосте.
Он мог бы, как Миндия, прыгнувший с выси,
Сегодня колена склонить у Тбилиси.
Но был колыбелью поэта Чаргали,
А стрелы Тбилиси его озаряли.

И вдруг он заметил, поднявшись из гроба:
Илья и Акакий на кладбище оба, —
Покоятся рядом их славные тени. . .
И он преклонил перед ними колени. . .
Поклона его мы не видели сами,
Арагва шептала о нем со слезами.

23 сентября 1937

МАТЕРИ

Я был похож на Антиноя,
Но всё полнею, как Нерон.
Я с детства зрелостью двойною
Мук и мечтаний умудрен.

Я вскормлен топями Орпири,
Как материнским молоком.
Будь юношею лучшим в мире —
В два дня здесь станешь стариком.

В воде ловили цапли рыбу,
И волки резали телят.
Я людям говорю «спасибо»,
Которые нас возродят.

Я лить не стану слез горючих
О рыщущих нетопырях,
Я реющих мышей летучих
Не вспомню, поberi их прах.

Ты снова ждешь, наверно, мама,
Что я приеду, и не спишь;
И замер в стойке той же самой,
Как прежде, на реке камыш.

Не движется вода Риона
И не колышет камыша,
И сердце лодкой плоскодонной
Плывет по ней едва дыша.

Ты на рассвете месишь тесто —
Отцу-покойнику в помин.
Оставь насиженное место,
Край лихорадок и трясин!

Ты тонешь вся в кручине черной.
Чем мне тоску твою унять?
И рифмы подбирать позорно,
Когда в такой печали мать.

Как, очевидно, сердце слабо,
Когда не в силах нам помочь.
А дождь идет, и рады жабы,
Что он идет всю ночь, всю ночь.

Отцовскою епитрахилью,
Родной деревнею клянусь,
Что мы напрасно приуныли,
Я оживить тебя берусь.

Люблю смертельно, без границы
Наш край, и лишь об этом речь.
И если этих чувств лишиться —
Живым в могилу лучше лечь.

1937

КОЛХИДА

Три года промчатся — грузинский народ
Придет и откроет в Колхиду ворота,
И вместо унылых колхидских болот
Блеснет плодоносных садов позолота —
Без меры в длину, без конца в ширину.
Сиянием цитрусов вспыхнет долина,
Как будто приподняло море волну
И небо с землею слилось воедино.
Кто вырастить саженцы эти успел?
Кто выходил рощи плодовые эти?
Кто усики лоз закрутил и сумел
К стволам подвести виноградные плети?
Не с Черного моря нахлынула мгла —
Простерлась в долине плантация чая.
О том, что оковы Колхида сняла,
Узнай, изобилье ее примечая!
Горянки, мегрелки, абхазки и все,
Кто ныне сомкнулся в одном хороводе,
Воспрянули здесь в небывалой красе,
И труд их поистине славен в народе.
Прочти сочиненья былых знатоков,
Разрой фолиантов старинные груды,
Признайся, в каком «Восхваленье плодов»
Найдешь фейхоа ты и эти грейпфруты!
Блестит канделябром морская волна,
А ты не на море глядишь, а в долины,

Где иволог желтая стая видна, —
Но это не иволги, а мандарины!

Огромного мира раскинут ковер,
И в этом ковре, наподобье Флориды,
Провидел народа взволнованный взор
Живые сады обновленной Колхиды.
В корзинах несут и в подолах несут,
В плетенках из таволги — дар урожая...
Чему удивляться, коль трудятся тут
Крестьяне, успехи свои умножая!
О них и в Сибири гуляет молва,
Плоды сквозь тайгу проникают к востоку.
Литой апельсин, мандарин и айва
В рабочих домах появляются к сроку.
Мужчины и женщины — целая рать —
Творят небывало великое дело,
Чтоб славной работой своей увенчать
Отчизну свою и любовь — Сакартвело.

1937

ТАМУНЕ ЦЕРТЕЛИ

Несчастному — что может счастье дать?
При жизни мне над собственной могилой,
Над музою разодранной рыдать.
Нет, этой не забыть весны постылой!

Зачем вопрос, когда пришла беда!
К чему ответ в безмолвии жестоком!
Судьба не слыла щедрой никогда,
А нынче гонит горести потоком.

О «Моди-Нахе» пусть молчит язык.
Мне видится, мне верится в печали:
Не приживется к тростнику тростник
И сердцем сердце заменить едва ли.

Придут другие в этот адозной,
Увидят взрыв, огонь поры суровой.
Я радости и не хочу иной,
Чем вырезной свирели тростниковой.

Обидно только, что я не успел
Тебе в те годы рассказать в печали,
Как мы среди поэтов в сонме дел
Безногого Рембо не забывали.

1937

ОРПИРСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ В КРЕМЛЕ

Я не один, смог сам понять я это,
Колхида вся поет во мне, со мной.
Широкий путь зовет к себе поэта,
Выходит он из хижины родной.

Я от села к селу, от дома к дому
Иду — цветет Орпири предо мной.
Все рады солнцу жизни золотому,
Зажженному над нашей стороной.

Счастливые мои односельчане
Берут перо в стремлении одном:
В простом, сердечном выразить посланьи
Своих высоких чувств Палиастом.

Здесь тысячи сердец слилось биенье,
Когда слагалось общее письмо.
Я преданно исполнил их веленье —
Врата открыло небо мне само.

Мы верили, мы ждали счастья с детства:
Оно пройти не сможет мимо нас. . .
Об этом сердце пело с малолетства —
Сады в цветенье вижу я сейчас!

Великий план осуществлен воочью,
Мы в глубину садов погружены.
Простились мы с угрюмой зимней ночью,
Дыханье вечной чувствуем весны.

Колхида в славе вновь встает победной.
Кто древнее в ней золото сочтет?
Поэт, что выросал в лачуге бедной,
Оповестит об этом весь народ.

..Мать-труженица встретится с героем,
Пригонит стадо с пастбища она...
И солнце смотрит им в глаза обоим,
И на груди обоих ордена.

Как мать обнять любимца сына рада!
Он, депутат, вернулся из Кремля!
И слезы счастья оросят награду,
Падут на плодородные поля.

Друзья, однофамильцы и соседи
За праздничный его усадят стол, —
Союзники, собратья по победе,
Которых полнит силой Комсомол!

Сон явью стал. И если с флагом черным
Пираты-аргонавты приплывут —
Кавказских Альп хребтом высокогорным
Сыны Колхиды новой встанут тут.

Споет потомок Ленина счастливый
Про подвиг наш в грядущие года,
И старых песен грустные мотивы
Напев веселый сменит навсегда.

1937

НЕДАТИРОВАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
И ОТРЫВКИ

РАСТЯНУТЫЙ МАДРИГАЛ

М<арте> М<ачабели>

Ты вся отточена, как сабля Мачабели.
Ты — выше виселицы! Взор твой — это взор
Мадонны в час, когда от белой колыбели
Падет на Картли он, и светел и нескор.
То мне река Лиахва снится... То не спится...
А лишь засну: и бой! и мчится атабек!
Плывут тела татар сраженных. И Аспиндза
В Куру засмотрится отныне и навек...
Опять в грузинских погребках играют вина,
И рыцарь к рыцарю спешит, и к рогу — рог.
Бессмертно солнце наше! Нет еще грузина,
Чтоб перед смертью он забыть об этом мог.
Не быть мне мастером, стыдливым и невинным —
Пусть он царицын лик во фреске сохранит, —
Но надо стыд забыть, чтобы пером гусиным
Махать настойчиво, когда клинок звенит.
Вот сердце! В Картли ты — последняя царица!
Возьми себе — да из него не пожалей
Корону вырезать. Пусть побледнеют лица
Других поэтов от гиперболы моей.

* * *

На судьбу человека глядит с высоты
Аллавердский высокий собор,
Словно книг летописных раскрылись листы —
Беды Грузии видит мой взор.

Колокольня и врезанный в небо монах,
Звон тревожен, и плачет народ.
Близ Кварели — лезгинское войско в горах,
Алазань оно перейдет...

Кахетинцев сломили в решительный час.
Бахтриони в багровом огне, —
Словно дань позабыл захватить Шахабаз
И примчался назад на коне!

Плач младенцев не молкнет, погибель их ждет,
На гумне избивают детей...
В Чиаурской дубраве укрылся народ
От неожиданных кровавых гостей.

Долго-долго в печали глядит Теймураз
На измученной матери труп.
Как бы сердце свое не замкнул он сейчас —
Слово скорби срывается с губ.

Он встречает степенных российских послов,
Боль за землю свою велика,

Край грузинский в беде, но за горечью слов —
Свет надежды в душе старика.

Царь над книгой склоняется, верой согрет...
Как мудры Низами и Хайям!
Слезы долго не высохнут, плачет поэт
По родным разоренным краям.

* * *

Привозит дилижанс
И письма и газеты,
И лошади бредут, забрызганы до грив,
Промерив на пути все лужи и кюветы.

За три версты слышать,
Когда взывает кучер:
— Вот «Цнобис пурцели», вот знания листок...
А ну-ка, детвора, набрасывайся кучей!

А я того и жду.
На голову — потуже —
Платок.
Через плетень! Канава позади!
И с пачкою газет обратно — через лужи.

Уже народ притих.
Уже сырой, нехрусткой
Бумагой я шуршу, чтоб гордо прочитать
Народу о войне —
Войне японо-русской.

Отец глазами слаб.
Но всё село считает,
Что, пусть бы даже он и вовсе был здоров, —
Нет лучше, если сын
Вот так отцу читает.

Крестьяне смотрят в рот,
Качают головами,
Превыше новостей они поражены:
Малыш, а не смущен мудреными словами...

БРАТУ ГАЛАКТИОНУ

Двое братьев, почти близнецы,
Там, в Орпири, мы выросли оба.
Там зарыты и наши отцы,
Да истлели, наверно, два гроба.
Там дома наши рядом стоят.
Мы в одной малярии горели
У разлива Риона в апреле,
И одни нас истоки поят.

Ты томишься по лаврам, а мне
Любо вспомнить о той стороне,
Слушать хриплую жалобу жабью
Или ржавое хлюпанье хляби.
Дилижанс, приближаясь, скрипит,
Чаландари бредет и вопит,
Босоногий певец, и проселок
Полон песен его невеселых.

Моя песня лишь отзвук глухой
Той трясины, где прошлое тонет.
То в ней волчий послышится вой,
То как будто бы колокол стонет.
Наши матери сгорбились, ждут,
И поминки справляют старухи,
Да соседи в проклятой округе
Никогда уже к ним не придут.

ВОССТАНИЕ В ПУСТЫНЕ

(Отрывки из поэмы)

1

Не то это восстание в пустыне,
Что Лоуренс разжечь умел легко,
Когда капитализм стучал у врат твердыни
И влезть хотел верблюду в игольное ушко.

И коль Фейсал появится вдруг рядом
Да с шейхами Саул покажется во мгле —
То только для того, чтоб выпить чашу с ядом
Иль кончить жизнь в намыленной петле.

Без соловьиной грусти Ал-Корана,
Без созерцанья сладкого, грозны,
Тут племена, восставшие нежданно,
Огонь гражданской высекут войны.

Хочу, чтоб уподобилось поэме
Восстание, сметающее зло,
Чтоб вековое рабство, гнета бремя
Фитиль у бомбы гнева подожгло.

Пускай проступит в каждой букве, в слове
Сад янычара яркой полосой,
Пускай на шеях палачей суровой
Веревка оставляет след косой.

Тут не забыты пытки, ярость зреет —
Тиранам отольется слез поток...

Пусть Коминтерн за пазухой согреет
Поднявший знамя алое Восток!

Столкнулись в небе громы, и сверканье
Победных молний блещет в вышине...
Так древнее сбывается сказанье,
Lux orientis¹ поздний виден мне.

1932

2

Как лошадь,
Кули тянет груз свой тяжкий...
Но лошади друг друга берегут,
Когда они бредут в одной упряжке.
В Китае — кули,
Бедуины — тут.
Их облик поражает худобою...
Идут —
С верблюдом связанный верблюд...
Пустыня, изнывавшая от зноя,
Одною мыслью,
Верую одною
Оживлена, как ливнем:
«Час настал!»
Одно лишь солнце
Сушит людям раны:
Он близок, день свободы долгожданной!
Вот для чего написан «Капитал»...

3

Вот Гамлет
Произносит монолог —
Не выпускает
Книгу он из рук.
И Фауста
Представить кто бы мог
Без старых книг,

¹ Свет с востока (лат.). — *Ред.*

Без мудрости наук?
Но в книгах тех
Невнятен разговор,
В них спутан, смутен
Рассуждений ход,
Там мысль одна
С другой вступает в спор
И утоленья жажды
Не дает.
Так летом ястреб
Воду жадно пьет:
В песке уж клюв —
А жажда всё сильна...
Но среди книг —
А кто их все сочтет —
Есть книга небывалая одна!
Читал ту книгу Ленин,
Мудр, велик,
На тайной сходке
В давние года
В том доме,
Где собак хозяин стриг...
Стройна в той книге
Мыслей череда.
Нет ни одной
Ненужной строчки в ней, —
Так вылеплен,
Лишенный общих мест,
Написанный
Для трудовых людей
Компартии
Бессмертный «Манифест».

4

В богатом караван-сараяе
Сидит жестокий компрадор.
В любом голодном, нищем крае
Таких людей отыщет взор.

Считает он свое добро —
Оно награблено повсюду...

Тут золото и серебро,
Парча, и жемчуг, и посуда.
Хватило б множеству полков
Тяжелых золотых подков —
Какая их рука ковала?
Чья с ними связана судьба?
Здесь труд раба,
Здесь пот раба
Пустыня голая впитала...
Об этом тут поет арба
И молвят строки «Капитала».

* * *

Вспомнилось детство, топи Орпири,
Крыши в соломе, таянье дня...
Мальчик я самый неистовый в мире —
Лучше и пальцем не трогать меня!

Чудится: в чаще прибрежной возводит
Башню за подвиг красавица мне...
Я с Саакадзе в военном походе,
Персов сражая, несусь на коне...

ЦИНАНДАЛИ

Паруса облаков бьются в небе, ветрами влекомы,
И небесную синь переносят они, как паромы.

Две сестры Чавчавадзе проходят, в руках у них
розы —

Никогда не увянуть прекрасным цветам Цинандали...
Дагестанские горы синеют, до неба достали, —
Так синеют одни виноградные юные лозы.

* * *

Наше солнце пылает губительным жаром —
Всё сжигает неистовой силой.
Встанет мертвым, вечерним, негреющим шаром
Над моей безымянной могилой...

ПОЭМЫ

РИОН-ПОРТ

1

Прочел я некогда у Гиппократ
(А лучше бы я не читал его):
«В омытой Фазисом стране проклятой
От засухи и ливней всё мертво.
Там что ни день, то ливень хлещет снова,
Там люди в дебрях сумрака лесного
На сваях строят жалкое жильё,
Долбят из сосен челноки и лодки,
Ведут существование свое
В затопленном от века околотке.
Пьют воду из стоячих луж они.
В гнилых болотах, в мертвенной тени
Любой баштан безлиствен и бесплоден.
Висит над всей округою туман.
Народ распух, как будто пил дурман,
А по рожденью статен и дороден.
Желта их кожа, мутный взгляд потух
От вечных лихорадок и желтух».

2

Домочадцы,
Соседи,
Товарищи,
Я вас издали
Братски приветствую.

Рядом с вами
Покуда не стар еще,
Низко кланяюсь
Нашему детству я.
Мало, мало для вас
Потрудился я,
Хоть стихами сегодня
Обрадую.
Пусть огонь очага,
Где родился я,
Снова служит мне
Лучшей наградою.
Вы поймете
Правдивую речь мою,
Что в письме этом
Еле вмещается.
Вы услышите
Радость сердечную,
Что в стихах
Нелегко воплощается.

3

Сбылась мечта. Из отдаленья
Плывут в Орпири корабли —
Вот мимо каждого селенья
И дома каждого прошли.

Нас разорял Рион, бывало,
Нам половодьем угрожал,
Здесь малярия бушевала,
То бил озноб, то мучил жар.

Здесь лишь одной святой водицей
Лечили всякого, кто хил,
А в деревнях могли родиться
Одни лишь камни для могил.

От материнских причитаний,
От стольких слез, пролитых втайне,
Не ограждали испокон
Благословения икон.

Вот груды одеял в заплатах,
И пар от них струится в зной.
И от лохмотий тех проклятых
Смельчак теряется иной.

Вот, обвязав листом капустным
Горячкой пышущие лбы,
Бредут детишки, смотрят грустно.
Их бьет озноб, они слабы.

Кто их лечил, чьей доброй лаской
Была их доля поднята?
Нет, их гноили в топи вязкой,
Хлеб вырывали изо рта.

Но вот дохнул Октябрьский ветер —
И спину распрямил народ.
И день его грядущий светел,
И вышел к счастью из ворот.

Бесследно старый призрак тает.
Всё ближе наше торжество.
Корабль у взморья вырастает,
Но не Язон ведет его.

4

Новый эпос не нуждается
Ни в Язоне, ни в Медее.
Днесь иной рассказ рождается,
Сердцем искренним владея.

Что нас исстари печалило,
Погребло навеки время.
Ибо сказка к нам причалила,
Но не в сказочной триreme.

Золотым песком не платим мы,
Золотым руном не бредим,
Землю милую охватим мы,
Гимном праздник новый встретим.

Обманулся ждавший золота —
Ибо труд в цене от века,
Ибо труд дороже золота
В светлом царстве человека.

Так мы правду подытожили,
И она владеет нами,
До такой победы дожили,
Веря в ленинское знамя.

5

А если мне дыханья не хватает
И смолкну я, на полпути устав,
Другой поэт недаром вырастает, —
Я лишь свирель в тех молодых устах.

6

Шелковичных коконов груды,
Лесопилок протяжный звон,
Новостроек добрые гуды,
Что шагнули через Рион.

Лягут дамбы по нашим весям,
Мостовые дуги взлетят.
По дорогам, где грязь мы месим,
Поезда промчатся хотят.

В тех местах, где от малярии
Нет спасенья и сладу нет,
Озарит те дебри сырые
Климатических станций свет.

Мы затопчем следы драконьи,
Мы развеем туман седой,
И моторов стальные кони
Запоют над ржавой водой.

Мне обидно, что не заметил
Я причаливших кораблей,
Что Тараса Спринквели не встретил
У порога хаты моей,

Что в стихах моих нет искусства,
Что высокий мне стиль не дан,
Только в сердце сильное чувство,
Чтоб обнять тебя, капитан!

Так в Орпири сбылись мечтанья
Отдаленных детских годов,
И всё явственней очертанья
К нам летящих легких судов.

Май 1928

**ИЗ ПОЭМЫ
«ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД»
«БУЭНОС-АЙРЕС»,
АЛЕХАНДРО И КАСТИЛИЯ**

Горийский телеграфист Александр Татишвили уехал в Аргентину и шестнадцать лет жил там. В 1917 году он вернулся в Грузию и открыл в Тбилиси бакалейную лавку «Буэнос-Айрес». Свое имя он сменил на Алехандро (по-испански). Алехандро мечтал как-нибудь облегчить голод, царивший тогда в Тбилиси.

Ночь в Тбилиси.
Зима.
Восемнадцатый год.
Мокрый падает снег.

Студено.
Ветер сводит с ума.
Всем тепло, кроме нас...
А на улице холод и тьма.

В котловине — Тбилиси,
Как врытое в горы гнездо.

Это злое ненастье —
Откуда оно?..

Разве еще
Выпекается хлеб?
Где-то печи полны
Благодатного жара.
Трудно в холод
Уйти от волны
Ароматного теплого пара.

Знать, гвардейцы
Жирными родились.
А быть может,
Их Гогуа
Кормит особо.

Чтоб запомнили все —
На всю жизнь, —
Это их революция,
А остальных —
В темень,
Полную
Страхом и злобой.

Кто поспорит?
Только посмей.
Это стыдно...
Но это так.
Это всем
Воочию видно.

А откуда взялись
Эти жирные туши,
Торгаши?
На крови и на голоде
Ожиревшая банда...

Как за глотки ухватишь их?
И само собою,
Как взрыв, возникает:

«Душй!
Бей спекулянтов!»

И войска недалеко.
Наткович
Вместо Эйнама.
«Е-есть тянучки!»
Шпарь, фельетонщик!
Хлесткая тема!
Беспризорники,
Пасынки
«Беженца» — война
Энвера-паши.
Их осеняет сегодня
«Десница господня».

Дружная братия...
Наперебой
Эти подхватят
Лозунг любой.

И иступленно
Кричат они хором:
«Бей спекулянтов!
Дави под забором!..»

А в трактире в песнях соревнуются,
Где поют,
и плачут,
и целуются:
«Ах, люблю я Нари,
Нари я люблю,
Дорогого Наримана
Очень я люблю!..»

Эта песенка о Нари,
Воспеваемом в духане,
Знаменитом на базаре, —
«Гимн» безвременья,
Въевшийся до отвращения, —

Нынче снова
Припомнилась мне.

В мокрой бурке
Чья-то тень
Чьей-то тени
Говорит сердито:

«Дело не в том,
Нравится вам или нет,
А в том,
Что бесстыдно,
Открыто
Англичане хозяйничают
Во дворце,
Где вчера заседал Профсовет.

Где вчера вы
Спорили бессонно
О судьбе страны,
Англичане
Развесили бесцеремонно
Мокрые исподние штаны.

Не просохнуть
Мокрым штанам
Под дождем ледяным
Зимней ночи.

Это нам
На позор,
Чтоб
Надежды
Людей
Осмеять,
Опорочить...»

Тьма...
Страх...
Месть...
Летит леденящая весть:
Розу Люксембург
И Либкнехта

Убили под Берлином...
И как в спину рана:
Втихомолку
Из Баку
На казнь увозили
Джапаридзе
И Степана Шаумяна.

Ветер хлещет
Режущий,
Слухами взбухая.
А в зубаловском убежище
Укрывается Цхакая.
И в английские казармы
Сыплется
Прокламаций выюжный клин:
«Вас обмануло правительство!
Долой Макдональда!
Да здравствует
Джон Маклин!»

Кто не с нами —
Тот против нас.
Близится
Избавления час!

И говорил
Грузин,
Сбежавший от меньшевиков:
«Я древний
Трон подточил,
Чтоб рухнул гнет веков,
А тут на собраниях
Меня, как ребенка,
Заставляли голосовать,
Руку сломанную поднимать.
Не для того дана мне рука,
Чтоб подымалась за меньшевика.

Скажите,
Где
Революция наша?

Но кое о чем
Разговор
Отложим
До будущих пор. . .»
Полночь настала.
Служба окончилась в опере.
Сказка погасла, подобно комете.
Кружит по улице
Мокрое сеево.

Поет студёный ветер
Голосом Сабанеевой.

Если бы даже
Был у нас дом,
Еще рано идти
Домой.

Нам, безвестным поэтам,
В Тбилиси ночном
Где приют обрести?
Если где и открыт
Нам кредит —
Это лишь в «Аргентине» одной.
«Буэнос-Айрес».
Свет брезжит
Сквозь ставень окна,
Мы зайдем —
Ведь хозяин не спит допоздна
И не рано зайти никогда.
Дремлет он, дожидается,
Рад нам всегда —
Посетителям верным своим.

Александр,
Бедняга. . .
Как долго
По странам далеким
Он бродил,
Но и там, на чужбине,
Хлебосольства

Грузинского
Не позабыл.
Кахетинского даст,
На углях
Поджарит колбас —
Это весь его ныне
Актив
В подвальной его «Аргентине».
Даст и на дом
Сверток с едой,
Если надо. . .

Он покажет нам
Флаги
Всех стран.
До утра рассказывать рад.
О каждой стране
У него готов
Неписанный свой доклад.
Знает он,
Что хлеба в Грузии нет,
И меньшевикам
Дает совет
Покупать
Аргентинский хлеб.

Написал
В «министерство» иностранных дел:
«Словно птица
В клетке
Зимой,
Умирает от голода
Край родной! . .
Поручили мне б —
Я в Кастилии хлеб
Достать бы сумел. . .»

Не добился бедняга
На посольство мандата, —
До того ль
Было шайке их,

Страхом объятый,
Дрожавшей за шкуру свою!..

Но доньше,
Как вспомню я,
Горечь и боль
Проникают в душу мою.
И позднее
Встречался я со стариком:

На спине у него
Громоздились ковры,
Он таскал их с рассвета
До поздней поры.

У владельцев
Он брался их продавать,
Да никто у него
Не хотел покупать!..

А дома
Старуха
Бранится,
Дочка сердится —
Просит приданое.

И за голоштанними
Шотландцами
Бегает старик.
Взвалив «товар» на плечи,
Удивляется:
Не понимают чужаки
Кастильской речи.

«Вы, поэты,
Скажите
Правителям, милые, —
Говорит он,
Держа
Под мышкой ковер, —
Чтоб скорее

В собраньи своем учредительном
Поручили мне ехать
За хлебом
В Кастилию!»

Ну, а где ж ты
Скитался потом,
Александро
Наш дорогой? ..
Был, должно быть, такой же
Чудак и добряк,
Как и прежде? ..

А быть может, ты умер,
И в последний твой час
Пред тобой
Буэнос-Айрес
Виденьем струился
В лазурной одежде.

Верно, ангелы
В светлом бреду низошли
И безгрешную душу,
Как дитя,
Унесли
Из юдоли обид.
О скитаньях твоих —
Нам казалось тогда —
Рассказать не сумели
Жюль Верн
И Майн Рид.

Пусть же будут они
Эпитафией
На безвестном надгробьи твоём —
Эти строки,
Что в темном Тбилиси ночном
О тебе обещал написать я
В те дни.

Январь 1928

НА ФРОНТАХ

1

«Как петух иной
С соседним
Сводит в драках
Счет обид,
За хохол дерет,
Сражаясь,
И бывает сам избит,
И схватить бойцов обоих
Пес голодный норовит,

То ж Кахетии и Картли
От соседей предстоит».

Стара история эта,
Знаю. . .
Но всё же —
Время,
Которое я вспоминаю,
С ней удивительно схоже.

2

«Граждане! —
Ной возгласил Жордания,
Старый петух
Учредительного собрания, —
Мы исчерпали

Все средства
Поддержания
Мира.
Но армяне
Дерзко обнажили
Меч,
Санаин войсками обложили!..
Ждем
От демократии,
От нашего кумира,
Что сумеет
Пресечь
Наступление!
Да посрамятся седины
Рубена Качазуни!»

Так проклинал
Новоявленный Ной
Нового Хама —
Седого, как сам он,
Председателя
Правительства Армении.

И другие члены,
Яростью объята,
Затрубили в рога.
Рев, свист,
Звон...
И в единый миг
Армяне-депутаты
Были
Выброшены вон.

«Презренье дашнакам!
Долой!
Под арест их!
Шпионы!
За детей принимают нас, что ль?
В самом деле?

В центре Тбилиси
Нашли себе место,

Под кровлей правительства
Штабом засели
И кукуют себе, как кукушки! . .

В Ереван убирайтесь!
Да помогите
Вашему паршивому Дро! . .»

В гневе бешеном
Взрывы брани.
И депутаты-дашнаки
Поспешно
Покидают
Зал заседаний. . .

3

А в Ереване
Другие петухи
Кукарекуют
Столь же воинственно.
Взъерошились
Друг против друга
Соседи,
Как будто вовек не дружили,
А жили
Мыслью единственной:
Опередить,
Не остаться в долгу,
Первым вцепиться
В горло «врагу».

4

Ни лезгин, ни кистин
Тогда не грозили нам,
И у турок
Завязли
Обе ноги.
И не пес ухватил

Петухов обессиленных,
Лев британский
Их придавил
Лапой в бархате
Дипломатии,
И хвосты петухов
Торчали, подмятые,
Из-под бархатной лапы его.

А над берегом Храми
Поднимался кровавый туман,
Где в преступной резне
Полегли головами
Ополченья грузин и армян.

5

Джонсон к Каспию шел
Кровавой дорогой
Новых искать петухов,
Благо много их развелось. . .

А в Баку,
На угрюмых холмах промыслов,
Пламя бурное поднялось.

Стяг рассвета багрян.
Стук сердец как удары набата,
Джапаридзе и Шаумян
Созывают рабочий
Совет депутатов.

Но в крови среди ночи
Предместье проснулось.
Кто-то черный проходит,
Кто-то предал. . .
Не сыщешь следа. . .
Лапа Джонсона
Дотянулась сюда.

А в Тбилиси
У каждого горе свое,

Разговоры
То там, то тут.
«Врали нам,
Что, мол, трусы армяне,
Не годны для войны. . .
А они
Хорошо вооружены, —
Непременно Тбилиси возьмут».
«Горе нам!
Помрачился Грузии взор! . .
Кто защитит нас? Кто?

Лавочки?
Сопляки?
Кинто?
Это не гвардия,
Это — позор!

А туда же —
Сражаться лезут они.
Как баранов их перебыют!
Обязательно
В ближайшие дни
Армяне Тбилиси возьмут.

Весь мир глядит
На этот стыд! . .»
Кричат приятели.
Как в экстазе,
Шумят обыватели
В кафе «Дарбази».

6

«Чего вы хотите?
Положим: сегодня
Ты его одолел,
Завтра он тебя.
Так и будем

На день со дня
Бить друг друга,
Разоря и губя?

Можно додуматься
Только спьяну разве:
В новые Балканы
Превратить Закавказье! . . .»

«Это кто,
Подкупленный большевиками,
Здесь лукавым треплет языком?
Всё отлично мы знаем сами!
Агитируй-ка где-нибудь
В месте другом!

Мы хоть с армянами —
С чуждым народом —
Разрешаем оружием спор.
Что ж у вас в России
Непогода —
Меж своим народом раздор?

Не надейтесь,
Что в Ереване
Рабочие победят.
Да скорее
Потоп всемирный
Настанет,
Чем возникнет
Из тамошней рвани
Организованный пролетариат! . . .»

«Надо, чтоб вы, товарищи, знали:
Меньшевик — это
Тот же дашнак! . . .»
Не дали кончить,
Забрали,
Повели куда-то во мрак. . .

Значит — дело
 Так и обстояло:
 Шло войско на «фронт»,
 Песни орало.
 Песни на грузинские
 Не походили,
 Их невидимый кто-то
 Собирал,
 Составлял. . .

Словно под тучей
 Удушливой пыли,
 Жидкой грязи
 Пенился вал.

«Главкововерх
 Армянский Дро
 Вместо шашки
 Взял ведро.
 Журавей,
 Журавей,
 Пташечка!
 Прекрасной Грузии
 Тебе не видать,
 Полей ее
 Не топтать, —
 Пой,
 Сервер-бек,
 Пой. . .
 Сердце
 Успокой. . .»

Кутаисский
 Отряд добровольцев
 Шел.
 Впереди
 Находился Григол.

Шел
Григол.
Добровольцы — за ним,
Один за одним.
Шел Григол.
(Грудь вперед!
Ша-аг шире!)

А за ним —
Добровольцев:
Раз,
Два,
Три,
Четыре. . .

«Не спи, богатырь,
Вставай!
Ржут кони в стане врагов.
Кольчугу, шлем надевай,
Скликай своих удальцов.
Идут!
Из иных семей
По девять пришло сынов! . . .»

Вы думаете,
Что это поет
В саду Муштаиди
Кавсадзе хор?

То из Панкиси,
От Черной Арагвы,
Живые хевсуры
Спускаются с гор.
Их глава — Карумидзе Шалва.
Вечны льдами покрытые выси,
Древних песен правдивы слова.

Сбор, как сто лет назад,
У Бердуджи-ручья на рассвете. . .

Идут хевсуры,
Надеясь, как дети,
Царя Ираклия встретить войска,
Удивляются,
Что не видно пока.

Как же будут хевсуры изумлены,
Узнав,
Что господин
Шалва Карумидзе
С остатками
Царской казны
Перебрался в Берлин,
Процветает,
Как в годы счастливые,
И усердно печатает
Деньги фальшивые.

Буйволов грузинских
Угоняют армяне,
Угоняют грузины
Армянских овец.
Гвардейцы насильничают. . .
Будущее — в тумане.
Свищет смертельный свинец.

Трещат в ночи
Пулеметы из мрака,
Поди — отличи
Меньшевика от дашнака.

Вознесенская улица,
Дом 18.
Как патриарх,
Сидит Ованес Туманян.
Детей и внуков своих
Заставляет он клясться,
Что не примут участия

В войне
Грузин и армян.

Потом к перу
Протягивает руку,
Гневное письмо
Ведет к концу:
«Стыдно
Нам — соседям —
Избивать друг друга.

«Франции
Кавказской»
Это не к лицу! . . .»

По улицам
Стаи ребят
С газетами носятся,
Голосят:
«Гвардия наступает!
Дашь реванш!
Грузинское войско
Войдет в Ереван!
В Екатеринфельде
Одержана победа!
Вечерние новости!
Вечерняя газета!»

Блестящее общество
В клубе новом.
Грохочет
Оркестр
Слуцкого слепого.
Аплодируют
Мужчины и дамы.
Пляшут лезгинку
Средь грома и гама.

Сумрак
Пьяными воплями вспорот,

На рассвете
Брань
В душу и мать.

Шумом дебошей
Измученный
Город Тбилиси
Не может спать.

1928

РОАЛЬД АМУНДСЕН

Надо ль народ убеждать?
Едва ли...
Это понятно
 всем и везде,
Чтоб твое имя,
 Амундсен,
Дали
К солнцу ближайшей,
 лучшей звезде.
Пятница. Четырнадцатое декабря.
На всем свете —
Сердце земли тревожащий звон.
Те — две минуты проплачут,
А эти?
Этим — до смерти
Запомнится он.
Этим до смерти
Чтить героя.
Сам, измененный,
Твержу:
«Дивись!»
Сам приказал я,
Песню строя,
Голосу,
Чтоб восходил он ввысь.
Этому подвигу
Присягаю.
Настежь сердце
Открыто всем,

Только зачем
Поэма другая?
Имя такое

мощнее поэм.

Издавна помню: его бряцанье,
Множа волнение, росло всё звучней.
Да не осудим воспоминанья
Тех удаленных

и ранних дней.

Детство. Рион.
Бывало — снится:
Север послал
Аргонатов ко мне.
Мать окликает,
Но, сжав ресницы,
Их разглядеть
Стараюсь во сне.
Нет, не трирема,
То, волны пеня,
Обыкновенный корабль

скользит.

Душу мне тешил
Облик оленя,
Лед пересекали
Удары копыт.
Вот и мечтал я,
Притихший, пёмо,
Скрыв одеялом
Лицо свое.
Если выходит
Сейчас поэма —
Воспоминанья
Ведут ее.
Сам я семьею оброс,
Но гложет
Та же давнишняя греза
Грудь.
Ты не удержишь
Уздой лошадь,
Без принужденья
Конь помнит путь.
И аргонатов

Полярных сани
Помню,
И шерсть оленей
Бела.
Хоть, сиротя,
Не знаем сами,
Где же

«Латам»

Надломил крыла.
Надо ль народ убеждать?

Едва ли...

Это понятно

всем и везде,

Чтоб твое имя,

Амундсен,

Дали

К солнцу ближайшей,

лучшей звезде.

В топах Риона я рос.

А дале —

Палеостомское озеро...

Окрест

Те же виденья...

Лягушки скакали,

Реквиемом звучал их оркестр.

Тютчева демоны глухонемые

Переговаривались меж собой.

О, и доселе,

Будто впервые,

Голос меня покоряет такой,

Словно грузинская речь.

А ныне

Разве мечта

Запрещена?

Грез корабли,

Из глубинной сии

Сетью какой

Поднять их

Со дна?

Ночи бессонные.

До рассвета

Сколько провел их!

Пускай,
Сменя
Пост мой,
Другой испытает
Это,
Новый поэт
Заменит меня.
«К полюсу,
К полюсу!
Поскорее
Новые тайны
Открыть!»

 Паря,
Мне кораблей
Погибших
Реи
Видятся.
Вслед
Вросли
Якоря.
Полюс —
Скращение меридианов,
Словно твердит он:
«Проникни ты
В тайну мою!»
На дне океанов
Вижу
Обрушившиеся мосты.
Дно Атлантиды
Я осязаю.
Знаю: кто ночи провел без сна,
Тот лишь поймет,
Что значит морская,
Непроницаемая глубина.
Было мне ясно всегда,
Каков он —
Амундсен.
Сердце небес
И земли
Слышал он.
Мы по путям ледниковым,
Кажется, вместе,

Как братья, шли.
Только ли Скотту
Дорогу к цели
Он пересек?
О нет!
Сквозь года
Те же мечты
Мною владели.
Их не отдам
Никому,
Никогда.
Амундсен,
Даже в час кончины
Ты не остался вдали один.
Словно и нас
Погребали льдины,
Белая гладь
Снеговых равнин.
Надо ль народ убеждать?
Едва ли...

Это понятно
 всем и везде,
Чтоб твое имя,
 Амундсен,
Дали
К солнцу ближайшей,
 лучшей звезде.

Этому мужеству
Где преграда?
Вот и отдал
Жизнь за других.
Викинги
В нем
Опознали бы брата,
Поняли б:
Он из породы их.
Пусть же звенит
В мировых просторах,
Пусть по планетам
Несется весть,
Есть же сердца,
Гибель которых

Что, вздрогнув, вокруг притих,
О героизме Страны Советов?
Спас он во льдах
Мертвецов живых.
Разве Чухновскому
Труп Мальмгрена
Нужен?
Чухновский не трупы искал,
Чтобы терзать их.
Он — не гиена,
Кто-то другой
Ледяной шакал.
Голод томил.
Усталость томила.
Выстрел в медведя меток —
И вот
Тут же на льдине
Шашлык Автандила
Летчик Чухновский
Друзьям подает.
Столь же сверкающ
И прекрасен
Был ли спектакль
В театре когда?
Будто дышали
«Малыгин» и «Красин»,
В зале ломая
Настилы льда.
Полюс вплотную
К лицам придвинув,
Мужеством веет
Докладчиков речь.
Подвиги эти тебе, Литвинов,
Мир на земле
Облегчают беречь.
И, напрягая жадно вниманье,
Слушает мир о геройстве отчет:
Победоносное повествованье,
Амундсен,
Лишь до тебя не дойдет.
Был бы я
Гаха Циклаури,

Что ледники утрамбовывал сам,
Будто у сакли кровлю, —
Нахмуря
Брови,
Я дал бы скатиться слезам
По бороде седой.
Этот Гаха,
Знаю, живет
У любого в мечтах,
«Вечную память»
Не знавшему страха
Спеть не пришлось нам
На похоронах.
Впрочем, из всех
Часов последних
Смерти другой
И желать он не мог.
Будто на катафалк,
На ледник,
Видится мне,
Циклаури лег.
Горцев гудушаурских
Сквозь дали
Мысленно я представляю тут,
Турьи рога поднимая в печали,
Тостами память Гахи чтут.
И, возвышаясь над миром,
Молча,
Верю я, сохранит навек
О человеке с коленом волчьим
Воспоминание Казбек.
Амундсен,
Знаю, ничья другая
Участь твоей не равна.
Не хочу
Вспомнить двоих,
Пополам ломая
Грез моих ледяную свечу.
Если в горах одолеет вьюга,
Снегом осыплет,
Каждый из нас
Амундсена вспомнит,

Как друга,
Мерзлые слезы заколют глаз.
Надо ль народ убеждать?
Едва ли...

Это понятно
 всем и везде:
Чтоб твое имя,
 Амундсен,
Дали
К солнцу ближайшей,
 лучшей звезде.

Декабрь 1928

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлено наиболее полное на русском языке собрание поэтических произведений Тициана Табидзе. За пределами сборника осталось незначительное число непереуведенных стихотворений. Многие стихи на русском языке печатаются впервые, некоторые — в новых переводах. Автобиографический очерк печатается по рукописи, сохранившейся в архиве поэта.

Стихотворения и поэмы расположены в хронологическом порядке. Названия стихотворений даны в соответствии с оригиналом; случаи изменения заглавий, допущенные переводчиками в ряде других изданий, оговариваются в примечаниях.

Цитируемые в примечаниях статьи и выступления Тициана Табидзе опубликованы в его сборниках: «Статьи. Очерки», Тбилиси, 1957; «Избранное», Тбилиси, 1960 (на грузинском языке).

В составлении и подготовке книги принимали ближайшее участие Симон Чиковани и вдова поэта Н. А. Табидзе.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Медая. *Медая* (греч. миф.) — дочь колхидского царя *Аэта* (Ээта), которая своими чарами помогла Язону, предводителю греков (аргонавтов), завладеть золотым руном. Полубив Язона, она покинула родину и уехала с ним в Коринф. Узнав об измене Язона и его решении жениться на дочери коринфского царя, она страшно мстит Язону — убивает своих детей. В очерке «Новая Колхида» (1931) Табидзе вновь возвращается к образу Медей: «Медая — сама Колхида, прекрасная и гордая... Яд Медей — это колхидский малярный пар, дрожь тропической лихорадки».

Адонай. *Адонай* (евр.: господин, господь мой) — одно из наименований бога Ягве (Иеговы) в Библии.

Белое сновидение. *Мадонна*. Культ богоматери был особенно распространен в Грузии. С ним связана старинная легенда о том, что на доло богоматери выпал жребий проповедовать христианство в Грузии.

В парке. Гектор *Берлиоз* (1803—1869) — французский композитор. Поль *Верлен* (1844—1896) — французский поэт-символист.

Князь Магог. В Библии и Коране рассказывается о двух мифических народах — Гоге и *Магоге*, — которые перед «Страшным судом» явятся с севера во главе со своими предводителями-князьями.

Автопортрет. Оскар *Уайльд* (1856—1900) — один из крупнейших представителей английского декаданса. *Инфанта* — титул дочери короля в Испании и Португалии. Стефан *Маллармэ* (1842—1898) — французский поэт, один из первых теоретиков символизма.

Без доспехов. Эмиль *Верхарн* (1855—1916) — выдающийся бельгийский поэт, драматург и критик, в начале своего творческого пути был видным представителем символизма; с 1892 г. член бельгийской рабочей партии. *Эредиа* (1842—1905) — французский поэт испанского происхождения, принадлежал к парнасской школе. Артур *Рембо* (1854—1891) — французский поэт. Лучшие свои стихи посвятил Парижской коммуне (1871): позднее в его творчестве начинают преобладать символистские тенденции.

L'art poétique. *L'art poétique* («Искусство поэзии») — известное произведение французского поэта и теоретика классицизма Буало (1636—1711), в котором изложен литературный кодекс классицизма, и название стихотворения французского поэта-символиста Верлена, где было сформулировано основное требование его поэтики: «Музыка, музыка прежде всего». *Гафиз* (Хафиз) — великий ирано-таджикский поэт (1300—1389). *Прюдом* (Сюлли-Прюдом) — французский поэт (1839—1907). В начале своего творческого пути, как и Верлен, был связан с литературной группой «Парнас». *Бэсики* — псевдоним Бессариона Габашвили, выдающегося грузинского поэта (1749—1791). Шарль *Бодлер* (1822—1867) — французский поэт, предшественник декадентов. В 1857 г. вышел его сборник стихов «*Цветы зла*». *Чанги* — восточный музыкальный инструмент, вроде лиры. *Сакртовело* — Грузия.

Сон Халдеи. *Халдея* — одно из названий древнего государства Урарту (IX—VI вв. до н. э.), расположенного в районе озера Ван, между верховьями рек *Евфрат* и *Тигр*. Одно время считалась в науке прародиной грузин и армян. Тема Халдеи занимает большое место в раннем творчестве Табидзе. Здесь, видимо, сказалось его увлечение теориями Н. Я. Марра, лекции которого он слушал. В 1916 г. Н. Я. Марр предпринял экспедицию в район озера Ван с целью «нащупывания этапов развития местной культуры» и ее связей с «исчезнувшими загадочными народами Месопотамии и Малой Азии», в том числе халдским. В том же 1916 г. у Табидзе возникает замысел создания цикла стихотворений под заглавием «Халдейские города». *Мтвари* (Кура) — река в Закавказье, на ней стоит Тбилиси. *Элиазар* (Элиезер) — имя, упоминаемое в Библии.

Халдейское солнце. *Прадеды-волхвы*. Имеются в виду жители Халдеи, славившиеся образованностью. Слово «халдей» стало синонимом «звездочета», «мага», «прорицателя». *Сидон* — один из крупнейших городов древности на побережье Средиземного моря, центр Финикийского рабовладельческого государства.

Маг - прародитель. *Священнодействует доселе Из века в век мой род*. См. «Из автобиографии», стр. 45—46. *Псалом* — религиозное песнопение. *Астарта* — сирийская и финикийская богиня земного плодородия и любви. *Приснодева* — богоматерь. *Лития* — богослужение в дни больших праздников.

«Асаргадон твоей упился плотью...». *Асаргадон* (Асархаддон) — ассирийский царь, покорил Сирию и Финикию, в 671 г. до н. э. завоевал Египет, вел борьбу с племенами Ирана и Закавказья. *Мускат* — душистое семя плодов мускатного дерева, употребляющееся для парфюмерных целей. *Лотос* — водяное растение с красивыми крупными цветками; египтяне считали его символом солнца, а также символом невинности, скромности. *Спасалар* — военачальник, полководец в древней Грузии.

Трепещи, Валтасар! *Валтасар* — последний вавилонский царь Белшарусара, упоминается в Библии под именем Валтасар; убит в 538 г. до н. э. во время нашествия персидского царя *Кира* на *Вавилон*. В библейской книге пророка Даниила содержится красочное описание пира во дворце Валтасара и пророчества о его гибели («*Валтасаров пир*».) *Вавилон* — крупнейший город древней Месопотамии, столица Вавилонского царства в XIX—VI вв. до н. э.

Фатъма Хатун. В Москве Т. Табидзе познакомился с К. Бальмонтом, который в 1915—1917 гг. переводил на русский язык поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Они проводили долгие вечера за чтением поэмы и в разговорах о ней. Стихотворение «Фатъма Хатун» было навеяно ею. В нем упоминаются герои поэмы Руставели — молодой арабский военачальник *Автандил* и *Фатъма Хатун* — жена купца Усена, женщина, легко дарящая свою любовь то *Чачнагиру*, то *Автандилу*.

Пьеро. *Пьеро* и *Коломбина* — персонажи французского народного театра. На одной из стен кафе «Химерион» в Тбилиси, где собирались поэты, Тициан Табидзе и его будущая жена Нина Макашвили были изображены в костюмах Пьеро и Коломбины. *Саят-Нова* (1712—1795) — псевдоним народного певца (ашуга) Арутина Саядяна. Армянин по происхождению, Саят-Нова жил в Грузии и сочинял свои произведения на армянском, грузинском и азербайджанском языках. *Теймураз* — имя грузинского царя и поэта XVII в. (возможно, Табидзе имеет в виду другого царя и поэта, жившего в XVIII в., Теймураза II).

Петербург. *Скиталец-Моряк* (Летучий Голландец) — легендарный образ морского капитана, осужденного вместе со своим кораблем вечно носиться по бурному морю.

Ванкский собор. *Ванкский собор* — армянский собор в Тбилиси, построен в 1580 г., был снесен в конце 30-х годов. *Наири* — название (в ассирийских клинописях) союза племен, населявших Армянское нагорье во 2-й половине II в. до н. э. Около 860 г. до н. э. из этого союза выделилось самостоятельное государство Урарту (Халдея).

Халдейский балаган. *Поставим «Душу» мы*. В оригинале: «Не боюсь проиграть душу с дорогими братьями, и старый спектакль сыграю заново». *Тамара* (Тамар) — царица Грузии (1184—1213), при которой страна достигла высокого культурного, политического и экономического развития.

Второе апреля. *Второе апреля* — день рождения Т. Табидзе. *Сдан уж Батуми*. В апреле 1918 г., нарушив условия Брестского мирного договора, турки захватили Батуми. *Орпири* — селение на правом берегу Риони (Зап. Грузия), родина Табидзе. *Сатурн* — шестая планета солнечной системы; в древнеримской мифологии — бог времени и плодородия. Джузеппе *Гарибальди* (1807—1882) — народный герой Италии, возглавивший борьбу за национальное освобождение и объединение Италии. Стронников Гарибальди называли краснорубашечниками.

Валериану Гаприндашвили. *Валериан Гаприндашвили* (1889—1941) — грузинский советский поэт, в начале своего творческого пути был теоретиком грузинского символизма и активным членом литературной группы «Голубые роги». *Гойя* (1746—1828) — испанский живописец и гравер; его творчество отличается широтой охвата жизненных явлений, в нем своеобразно сочетаются народные реалистические традиции и элементы гротеска, чудовищной фантастики. *Эскуриал* — дворец-монастырь в Испании, резиденция и место погребения испанских королей. В стихотворении «Другу-поэту» Валериану Гаприндашвили (1919) Паоло Яшвили писал об *Офелии*:

Она к тебе пришла из райских сфер,
Залогом встреч — в свой орден посвятила...
Единственный достойный кавалер
Офелии — ей верен до могилы.

Лотреамон — псевдоним французского поэта Изидора Дюкасса (1846—1870), автора «Песен Мальдорора» («Жабы» — одна из песен).

Осень в Орпири. *Левиафан* — в Библии чудовищное морское животное. *Имеретия* — часть Западной Грузии, с центром в Кутаиси. *Пантеоном* выдающихся грузинских писателей Грузии служит

небольшое кладбище б. монастыря св. Давида на горе Мтацминда в Тбилиси. *Дидубе* — северная окраина Тбилиси, где расположено старое кладбище, — там похоронены многие известные общественно-политические деятели Грузии. В церковь Дидубе ходила молиться еще царица Тамара (XII в.).

Бирнамский лес. *Бирнамский лес* упоминается в «Макбете» Шекспира («Макбет, не бойся, пока не двинулся Бирнамский лес на Дунсинан!»). В этом стихотворении Табидзе сталкивает темы, в то время часто звучавшие в молодой грузинской поэзии. Здесь Шекспир (*леди Макбет, Офелия* — любимый образ *Валериана Гаприндашвили; Гамлет*); тема *Халдеи, Пьеро и Коломбина; Артур Рембо*, которого переводил на грузинский язык *Паоло Яшвили*; он же в 1916 г. написал известное стихотворение «*Павлины в городе*»; из его стихов и «*малаец*».

Безумный священник и малярия. Это и два последних стихотворения посвящены отцу поэта Юстину Степановичу Табидзе (1861—1919); см. о нем — «Из автобиографии», стр. 45. *Сатурналии* — в Древнем Риме семидневный всеобщий праздник в честь Сатурна, бога посевов и урожая, по окончании полевых работ, отличавшийся разгульным весельем. Здесь: бесшабашный праздник, кутеж. *Георгий Саакадзе* — полководец и политический деятель Грузии конца XVI — начала XVII вв. *Мономан* — человек, преданный какой-нибудь одной страсти или мысли.

Священник и малярия в гробу. *Епитрахиль* — облачение священника.

Нине Макашвили. *Нина Александровна Макашвили* — с 1920 г. жена Т. Табидзе. *Терцины* — трехстрочные ямбические строфы с перекрещивающимися рифмами. *Ванкский храм* — армянский собор в Тбилиси, расположенный на правом берегу Куры, выше *Мухранского моста. Ило и Зенон* — братья Н. А. Табидзе; оба трагически погибли в молодости. *Танит* (из романа Флобера «Саламбо») — богиня луны и любви у древних карфагенян.

Чемпион сезона. *Дезертирский базар*. Так назывался один из тбилисских базаров, расположенный вблизи вокзала, где в те годы солдаты часто распродавали свои вещи. *Лафорговское воскресенье*. Имеются в виду стихи французского поэта Лафорга (1860—1887) «Жалобы воскресенья». «*Проклятые поэты*» — так назвал Верлен серию очерков (1882—1883) о творчестве французских поэтов Рембо, Малларме и др. *Мирро* — благовонная смола, здесь в смысле: помазание, благословение. *Порфира* — длинная пурпурная мантия, символ власти монарха.

Орпирский златоуст. *Баккара* — азартная карточная игра. *Рафаэл Эристави* (1824—1901) — известный грузинский поэт и краевед. *Дедас Левана* — кахетинский народный певец. *Дадаисты* — представители даданизма, декадентского течения в литературе и изо-

бразительном искусстве, возникшего во Франции в 20-х годах. *Плутарх* (ок. 46—126) — древнегреческий писатель-моралист, автор «Сравнительных жизнеописаний», которые содержат ряд ценных исторических сведений. *Иван Джавахишвили* (1876—1940) — академик, историк. *НОТ* — Научная Организация Труда, пропагандируемая в 20-е годы система организации труда. *Цицамури* — местность, где был убит Илья Чавчавадзе. *Вано Мачабели* — общественный деятель, переводчик Шекспира, погибший при неизвестных обстоятельствах.

Паоло Яшвили. Паоло Яшвили (1894—1937) — поэт, близкий друг Т. Табидзе.

Мелите. Мелита Чолокашвили — знакомая Т. Табидзе. *Карабулах* — местность в *Кахетии*, где находилось имение Чолокашвили. *Пиндар* (VI—V вв. до н. э.) — древнегреческий поэт.

Знамя киммерийцев. *Киммерийцы* — древнейшие из известных в науке племен, населявших Северное Причерноморье. *Валериан* — Гаприндашвили. *Паоло* — Яшвили. *Патмос* — один из Sporadских островов в Эгейском море. По библейскому преданию, здесь жил в изгнании апостол *Иоанн. Иордан* — река в Палестине; согласно Библии, в ней крестился Христос. *Архангельский глас* (библ.) — глас, который должен возвестить о Страшном суде.

Двадцать третье апреля. *Двадцать третье апреля* — ежегодно отмечающийся в Грузии день поэзии. *Кафе «Монпарнас»* — кафе в Париже. *Ага-Мамед-хан* (Ага-Мохаммед-хан, конец XVIII в.) — шах Ирана.

Скверное воскресенье. *Котэ Марджанишвили* (Константин Александрович Марджанов, 1872—1933) — выдающийся советский режиссер, народный артист Грузинской ССР. Шалва Николаевич *Дадиани* (1874—1958) — грузинский советский писатель, драматург. *Ушанги Чхеидзе* — грузинский драматический актер. *Сандро Ахметели* — выдающийся грузинский режиссер, ученик Котэ Марджанишвили. *Братья Танти* (Лео и Константин) — владельцы цирка в Тбилиси. *Кула Глданели* — известный в свое время грузинский борец; А. Церетели посвятил ему поэму «Борьба». *Карачогели* — уличные торговцы, разносчики. Колау *Надирадзе* (род. в 1894 г.) — грузинский поэт, один из участников группы «Голубые роги». «*Веселая вдова*» — оперетта венгерского композитора Ф. Легара.

Мелита (Дадаистический мадригал). *Тициан* (1477—1576) — великий итальянский художник. *Мэри Шервашидзе* — бывшая фрейлина, ее рисовал художник Сорин. *Журнал Диасамидзе, журнал Сандро Кайчели* — журнал «Братство».

Тбилиси. *Горгасал* (Горгаслан) — прозвище царя Вахтанга I (буквально — «волколев»), который, согласно преданию, основал в

В в. Тбилиси. *Картли* (Карталиния) — часть Восточной Грузии со столицей в Тбилиси. *Подобно соколу в легенде о Тбилиси*. Имеется в виду один из вариантов легенды об основании Тбилиси: во время охоты царь ранил сокола, и тот упал в горячее серное озеро (тбили — значит «теплый»). *В Куру потоками стекала кровь с полей*. Имеется в виду многострадальная история Тбилиси, который неоднократно подвергался опустошительным нашествиям врагов. *Ираклий* — грузинский царь Ираклий II (1720—1798), выдающийся государственный деятель и полководец; в 1762 г. объединил Кахетинское и Карталинское царства, вел политику культурного и государственного сближения с Россией. *Марабда* — местность недалеко от Тбилиси, где в 1624 г. произошла битва между грузинскими войсками и войском персидских захватчиков.

Мухамбази, которое не поется. *Мухамбази* — форма восточного стихосложения, которую использовали многие кавказские поэты, в том числе *Саят-Нова*. В грузинской поэзии этот вид стиха имел характер застольной песни. *Ортачалы* — район на окраине старого Тбилиси, знаменитый своими фруктовыми садами; во времена Григола *Орбелиани* (1804—1883), известного поэта-романтика, был местом пиров и увеселений. *Коджорские леса* — живописное дачное место около Тбилиси. *Кабахи* — район Тбилиси, где когда-то был старинный ипподром, а позднее — сад, принадлежавший князьям Орбелиани. *Кашвети* — церковь, памятник древнего зодчества, на проспекте Руставели в Тбилиси.

Тамуне Церетели. *Тамуне Церетели* посвящены также стихотворения «В Анапури» и «Тамуне Церетели» (1937). *Ташискар* — местность в окрестностях Боржоми, где Великий *Моурави* Георгий Саакадзе разгромил войско крымских татар. *Мамия Гуриели* (1836—1891) — грузинский поэт, часто воспевавший в своих стихах старую Грузию и царицу *Тамару*. *Моди-Нахе* («Приди-посмотри») — старинная крепость в Западной Грузии над рекой Квирила, когда-то принадлежала феодалам из рода Церетели.

Илаяли. Стихотворение посвящено *Али Арсенишвили*, грузинскому критику, другу Т. Табидзе. *Илаяли* — имя, придуманное героем романа К. Гамсуна «Голод». *Бахчисарай* — город в Крыму, со знаменитым дворцом, построенным в 1519 г. ханом Абдул-Сахал Гиреем; дворец и его мраморный *фонтан* были воспеты *Пушкиным* в поэме «Бахчисарайский фонтан». *Важа Пшавела* — псевдоним выдающегося грузинского поэта Луки Разикашвили (1861—1915). Родился в одной из горных областей Грузии — Пшаветии — и провел там большую часть своей жизни. Примерно раз в год он садился на коня, положив в *хурджин* — переметную суму из ковровой ткани — свои рукописи и по горной тропе спускался вниз, к Тбилиси. «Литературные враги поэта еще при жизни возводили на него поклеп, будто Важа Пшавела в хурджине... привозил в Тбилиси стихи из Чаргали и что большинство их было записано в народе... Тут мы, несомненно, имеем дело с весьма поверхностным суждением

о поэзии Важа Пшавела, который в своем творчестве сознательно спирался на народные мотивы и сознательно пользовался народным шаири. . . Важа Пшавела обогатил грузинскую литературу XIX века подлинным эпосом. В горах, где он большей частью жил, сохранились исторический быт и старый уклад жизни, по сей день питающие народную фантазию, которая находила и находит свое воплощение в героическом эпосе, с преобладанием мифологического элемента. Важа нашел этот первоисточник эпоса и щедро использовал его для создания своих замечательных поэм» (Т. Табидзе. «Важа Пшавела»). *Овидий* — римский поэт (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.); был сослан в г. Томы на берегу Черного моря. Образ поэта-изгнанника неоднократно привлекал внимание Пушкина, который сопоставлял свою ссылку на юг с ссылкой Овидия. *Встреча с живым Лознгрином* — К. Д. Бальмонтом, который приезжал в Грузию летом 1917 г. (*Лознгрин* — герой средневекового немецкого эпоса, рыцарь-лебедь). *Белый мост* — в Тбилиси. *Вардисубани* — улица в Тбилиси (теперь — ул. Джанашиа). *Буэнос-Айрес в Тбилиси. . . Алехандро*. См. поэму «Восемнадцатый год», стр. 266. *Сабанеева* — известная в 20-х гг. русская певица. *Давидов колокол* — колокол церкви на горе Мтацминда в Тбилиси. *Скифия* — в сочинениях древних греко-римских писателей название страны, расположенной в Причерноморье, степное Приазовье и степной Крым.

Сергею Есенину. В 1924 г. Есенин приезжал в Тбилиси. Грузии и ее поэтам он посвятил стихи «На Кавказе» и «Поэтам Грузии». *Паоло* — Яшвили. *Амиран* — герой грузинского народного эпоса, подобно Прометею, похитил небесный огонь ради людей, был наказан богом, который приковал его к скале Кавказских гор. *Мирро* — благовонное вещество. *Аллаверды* — дружеское обращение на пиру, приглашение выпить. *Чопурашвили* — владелец духана.

Танит Табидзе. *Танит Табидзе* — дочь Тициана Табидзе. *Ганнибал* (Аннибал) (ок. 247—183 до н. э.) — карфагенский полководец; чтобы не попасть в руки своих врагов — римлян, принял яд. *Второе апреля* — день рождения Тициана Табидзе.

Чагатар. *Чагатар* — сын Чингисхана. *Мкинвари* (ледник) — грузинское название Казбека. *Ага-Мамед-хан* и *поле Крцанисское* — см. стр. 308.

В Ананур. *Ананури* — селение и крепость, расположенные на Военно-Грузинской дороге. Михаил Александрович *Врубель* (1856—1910) — русский художник; известны его иллюстрации к поэме Лермонтова «Демон».

Понт Эвксинский. *Понт Эвксинский* — Черное море. *Нина Макашвили* — Н. А. Табидзе, жена поэта. В стихотворении использованы образы греческого мифа об *аргонатах*, которые под предводительством Язона поплыли в Колхиду за *золотым руном*. Их спр-

вождал *Орфей* — мифический поэт и певец Древней Греции. Другой вариант этого стихотворения (в переводе Л. Озерова):

Читал сегодня я Еврипида.
Медea напомнила мне тебя.
Любая мне не страшна обида
С тобою: и сердце верит, любя.

Печь известковая, челюсть дракона,
Колышется золотое руно. . .
Я схвачен мечтою неугомной,
Со счастьем таким совладать не дано.

Выскажу слово, но с ног меня валят
Обвалы невысказанности моей.
Старой грозы подхваченный валом,
Я песню пою о тебе, Орфей.

Понт Эвксинский — да есть ли милее!
Звук тот исторгла какая струна?
Тебя напомнила жизнь Медea,
И сердце мое обожгла она.

Крепкая, точно Саргис Джакели,
И словно Понт Эвксинский нежна,
Невысказанность томит доселе,
И глотка сохнет, обaгрена.

Кто во мне запрудил эту страсть, что с ходу
Еще бы с десятков поэтов взяла?
Почему отделили меня от народа,
Если душу эпоха так подняла?

5.VII.1926
Тбилиси

Саргис Джакели — владетель Месхети, полководец.

Еврейская мелодия. *Вавилон* — крупнейший город древней Месопотамии, столица Вавилонского царства XIX—VI вв. до н. э. *Сион* — гора близ Иерусалима. *Кавкасион* — Большой Кавказский хребет. *Сидели и плакали на реках вавилонских* (библ.). Вавилонский царь Навуходоносор в 586 г. до н. э. вел войну с Палестиной и разрушил Иерусалим. Зажиточная часть населения города была переселена в Вавилон (т. н. Вавилонское пленение). *Аракс* — река в Восточном Закавказье, приток Куры. *Адонай* (библ.) — одно из имен бога Иеговы. *Псалмы Давида* — песнопения, приписываемые библейским преданием царю Давиду. *Пентефрий* (библ.) — египетский сановник. *Яфет* (библ.) — один из трех сыновей Ноя, от его сына Картлоса, по преданию, произошли грузины. Наряду с библейскими образами в стихотворении упоминаются имена, встречающиесяся

в старинной грузинской хронике «Обращение Грузии»: *Сидония* — дочь Авиатара (*Абиатара*), который был первосвященником в святилище евреев в Мцхете и принял крещение из рук Нины. *Свети-Цховели* — древний кафедральный собор в Мцхете. *Суд над Бейлисом*. В 1913 г. царским правительством был организован судебный процесс над евреем Бейлисом по обвинению его в ритуальном убийстве христианского мальчика. Дело Бейлиса было создано с целью отвлечь трудящихся от борьбы с самодержавием, от нараставшего революционного движения. В ряде городов состоялись демонстрации протеста против погромно-провокационной политики царизма.

Картлис цховреба. *Картлис цховреба* («Жизнь Грузии») — сборник исторических трудов феодальной Грузии. *Арго* — корабль аргонавтов, на котором они приплыли в Колхиду. *Прародина эвксинская* — Колхида. *Кахабери* — прославленный грузинский витязь средневековья.

Новый Мцхет. *Мцхет* — древняя столица Грузии, ныне — районный центр. *Джвари* — старинный грузинский монастырь у слияния Арагвы и Куры, вблизи Мцхета, описан Лермонтовым в поэме «Мцыри». Тит Флавий *Веспасиан* — римский император (69—79). *Икар* (греч. миф.) — сын строителя лабиринта на острове Крит — Дедала. С помощью крыльев, изобретенных отцом, поднялся в воздух, но воск, скрепивший крылья, растаял на солнце, и он упал в море. *Гардакешани* — герой народного иранского эпоса «Караманиани», отличавшийся чудовишной силой. *Ормузд* — в древнеиранской религии бог добра и света. В древней Грузии был распространен культ Армаза, которого отождествляли с Ормуздом. Под сводами христианского храма Джвари сохранились остатки древнего языческого жертвенника. Ладо *Сухишвили* — грузинский революционер, коммунист. *Нина* — святая, обратившая Грузию в христианство (IV в.).

Исе Назаровой. «*Восстание в Гурии*» — исторический роман Э. Ниношвили.

Из древле. *Дербент* — город в Дагестане, на берегу Каспийского моря. *Никосия* (Анакопия) — город, основанный греками задолго до нашей эры на месте нынешней Псырцхи (Новый Афон), на берегу Черного моря. В средние века была резиденцией абхазских правителей. Николоз *Бараташвили* (1817—1845) — выдающийся грузинский поэт-романтик. «*Химерион*» — название литературного клуба, кафе поэтов в Тбилиси (в подвальном этаже театра им. Руставели).

Встреча с Бальмонтом. Константин Дмитриевич *Бальмонт* (1867—1942) — русский поэт-символист. «*Я был в России. Грачи кричали. Весна смеялась в мое лицо*» — первые две строки стихотворения Бальмонта «Лишь с ней» (1916). У Бальмонта: «*Весна дышала в мое лицо*». *Важа в ту пору сошел в могилу*. В статье «*Важа*

Пшавела» Табидзе писал: «Волею судьбы Важа умер в Тбилиси. Перед кончиной из окон военного госпиталя он все еще видел зеленую листву, частицу природы, и попросил положить его среди листьев и травы. Поэт, видимо, вспомнил свои остролисты и «пиримзе» — горный цветок, — жизнью которых он когда-то сам жил. И когда наступила агония, поэт прильнул к этим листьям и траве, чувствуя, что в этих посланцах природы таится жизненная сила, а он верил в неуязвимость жизни». Александр Николаевич *Скрябин* (1871—1915) — выдающийся русский композитор и пианист, жил в переулке у *Собачьей площадки*. Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873—1944) — поэт-символист. Максимилиан Александрович *Волошин* (1877—1931) — русский поэт. *Шаири* — грузинский народный стихотворный размер.

Тбилисская ночь. *Тари* — восточный струнный музыкальный инструмент. *Шавнабада* (Черная бурка, груз.) — гора около Тбилиси, потухший вулкан. Арсен *Джорджиашвили* — грузинский революционер, убивший 17 января 1906 г. тифлиского генерал-губернатора Грязнова. Арсен Одзелашвили возглавил в 30-е годы XIX века восстание грузинских крестьян; об Арсене существуют многочисленные сказания и песни.

Заздравный тост. *Жил в Грузии мастер*. «Настоящий народный художник, Нико Пиросманашвили до того растворился в народе, что нашему поколению трудно уловить черты его индивидуальной жизни. Его будни так таинственны, что, пожалуй, ему придется остаться без обычной биографии. . . Достоверно, что Пиросмани — уроженец Кизикии. Эта часть Кахетии замечательна многим. Здесь не было крепостного права. Кахетинцы вообще твердого характера, кизикиец завершает этот тип. Издревле зовется «буйволиной» эта страна. Природа не жалеет ни простора, ни приволья для своих дюжих сынов. Страна виноградная, обильная хлебом. Даже горы как бы смазаны маслом. Земля щедрая, урожайная. В картинах Нико Пиросмани, истого кизикийца, явственно видны его кахетинская кровь и порода. Огромные его кувшины, полные марани, бесконечные свадьбы и храмовые праздники, хлеб и вино ослепительных натюрмортов проходят в картинах, как плоды его детской памяти. . . В привокзальном районе Тифлиса буквально каждая лавка и подвал были завалены его картинами. . . Впоследствии духаны позакрылись, а по запрещении продажи спиртных напитков в рабочих районах и вовсе исчезли. Лишь незначительная часть картин Пиросмани уцелела. Остатки хранятся в Национальной галерее и в частных собраниях, а все остальное погребло или вывезено из Тифлиса в провинцию. . .» (Т. Табидзе. Нико Пиросманашвили. — «Литературная Грузия», 1958, № 2, стр. 127—130).

В Кахетии. *Кварели* — село в Грузии; расположено в долине р. Алазани (приток Куры), родина выдающегося грузинского поэта и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе (1837—1907). *Шильда* — деревня в Кахетии. *Дедас Левана* — народный кахетинский певец.

Артани — деревня в Грузии. *Каралашвили* — родственник Н. А. Табидзе, который хорошо пел. *Мравалжамьер* («Многие лета») — грузинская заздравная песня, существующая во множестве различных вариантов. *Цинандали* — селение в Кахетии около Телави, бывшее имение поэта Александра Чавчавадзе, ныне — винодельческий совхоз.

Гуниб. *Гуниб* — старинный аварский аул, последний оплот Шамиля (1798—1871), возглавлявшего борьбу горцев Дагестана и Чечни против колониальной политики русского царизма; 25 августа 1859 г. русские войска овладели Гунибом. Шамиль был взят в плен. *Мюрид* — послушник, последователь имама (наставника, руководителя) у мусульман. *Одним джигитам... Шамиля рай отверзся*. Мусульманам, принявшим участие в этой «священной» войне, согласно шариату, был уготован «рай». Грузины принимали участие в этой войне на стороне русских. В 30-х годах Табидзе собирался писать роман «Имам Шамиль» и пьесу о нем для театра им. Руставели.

Ликование. В русском издании произведений Т. Табидзе (М., 1936) печаталось в переводе Н. Ушакова без названия («Не грезуйли Грузии целой...»).

Шапка Гарибальди. *Надсмелялись турки над Батуми* — см. стр. 300.

Восходит солнце, светает. В русском издании произведений Т. Табидзе (М., 1936) печаталось в переводе С. Спасского под названием «Рассветает». *Химикаури* — хевсур, герой поэмы Важа Пшавела «Сон Ираклия».

Соганлуг. *Соганлуг* — местность к юго-востоку от Тбилиси на левом берегу Куры. *Метехи* — в прошлом крепость и дворец грузинских царей, позднее — тюремный замок; расположен на высоком левом берегу Куры в Тбилиси. *Холмы Крцанисские* — местность к югу от Тбилиси на правом берегу Куры, где 11 сентября 1795 года произошла ожесточенная битва небольшого войска грузин под предводительством Ираклия II с войсками персидского шаха Ага-Мохаммедхана, мстившего Грузии за ее союз с Россией. *Нарикала* — старинная крепость в Тбилиси, расположенная на высоком скалистом обрыве.

В Гомборах. *Гомборы* — село и лесистый хребет в Кахетии, отделяющий ущелье реки *Иоры* от Алазанской долины. *Уджарма* — крепость в Кахетии, построенная в V в. грузинским царем *Вахтангом I Горгасланом*. *В ночь такую Вахтангу послышался звон*. Вахтанг I — герой многих поэтических сказаний. В одной из народных песен говорится про него: «Царь Вахтанг был любезен богу: слышал он небесные звоны». *Сартачалы* — деревня в Кахетии, заселенная немецкими колонистами. *Тари* — восточный струнный инструмент. *Сако* — певец, пел под аккомпанемент тари. «*Сулико*» (буквально: душа, душенька) — популярнейшее стихотворение А. Церетели (1840—1915), стало народной песней. *Суламифь* (Суламита) — возлюбленная царя Соломона (библ.). *Иль с моста из волос — нам откры-*

лось сияние рая. По старинному грузинскому преданию, в рай входили по волосяному мосту.

Посвящается чужестранке. *Тифлис и тигра помнит посещение*. В 1924 г. неподалеку от Тифлиса двумя охотниками был убит огромный тигр. *Фатьма, Авандил* — см. стр. 299. *Окроканы* (буквально: золотая нива) — деревня, расположенная высоко над Тбилиси по Манглинской дороге. Оттуда открывается замечательный вид.

Окроканы. *Короглы* (Кёроглы) — развалины средневекового замка близ селения Коджоры в окрестностях Тбилиси, на вершине потухшего вулкана. *Удзо* — гора в той же местности с руинами старинной церкви на вершине. *Мацоницики* — продавцы мацони, кислого молока.

Яр али. *Ярали* — грузинский поэт из рода Шаншиашвили, друг поэта Гр. Орбелиани, сопровождал в Петербург грузинских царевичей. *Сандро Шаншиашвили* (род. в 1888) — современный грузинский поэт и драматург. *Толумбаиш* — руководитель пира, тамада. *Имеры* (имеретины) — жители Западной Грузии.

Осенний день в Окроканах. *Манглис* — в то время село к югу от Тбилиси. *Лаваиш* — грузинский хлеб особой выпечки. *Пиросмани* (Нико Пиросманашвили, ум. в 1918 г. — см. стр. 307). Франсуа *Рабле* — великий французский писатель, ученый-гуманист XVI в., автор романа «*Гаргантюа и Пантагрюэль*». *Иоанн Батонишвили* (1768—1839) — грузинский царевич, автор книги «*Калмасоба*» (Хождение по сбору), где изложение основ ряда отраслей науки и искусства сочетается с показом широкой картины нравов, быта, истории и культуры грузинского народа на рубеже XVIII—XIX вв. Своей энциклопедичностью напоминает знаменитый роман Рабле. В одной из своих статей Табидзе называет эту книгу «величайшей эпопеей феодальной Грузии».

ВСЕМ СЕРДЦЕМ

В переводе Б. Брика первые два стихотворения цикла печатались как одно, под названием «Поэту» («Новый мир», 1935, № 5, стр. 100), последнее стихотворение — под названием «*Всем сердцем*» — «Литературная газета», 1935, 14 февраля.

«Друзья, старинный облысел Парнас...». *Что пользы плакать над давно забытым* и т. д. — строки из стихотворения И. Чавчавадзе «Грузинке-матери» (перевод В. Звягинцевой).

Стихи к посевной, сказанные по радио. В ряде изданий печатался перевод Б. Брика под названием «Урожай». *Циндандали, Бандза, Вани, Ахметы* — названия грузинских деревень.

Апрельский сев. В ряде изданий перевод Б. Брика печатался под названием «Письмо односельчанину». *Лаба* — традиционная крестьянская кличка быка. *Апеури* — веревка, связывающая ярмо. *Гвелешани* — дракон из народных поверий.

Когда ласточка лепит гнездо. *Энгури* — река в Западной Грузии. *Ломиси, Лаша* (Лашари) — старые полужыческие святилища, в честь которых грузины-горцы приносили жертвы.

Тапараванское сказание. *Тапаравани* — озеро на юге Грузии, в Ахалкалакском районе. *Аспиндза* — город на юге Грузии.

«Давно то было...». *Иверия* — одно из названий Грузии. *Махмед-хан* (Ага-Мохаммед-хан) — см. стр. 302. *Мерани* — мифологический образ крылатого коня; в 1842 г. Николоз *Бараташвили* написал стихотворение «Мерани». «Где меч царил в былые времена, Видна рука гражданского порядка» — строки из стихотворения Бараташвили «На могиле царя Ираклия» (перевод Б. Пастернака).

Стихи о Мухранской долине. *Давид Гурамишвили* (1705—1792) — известный грузинский поэт. Т. Табидзе писал в статье «Давид Гурамишвили и Важа Пшавела»: «Судьба Гурамишвили сильно напоминает нам судьбу Данте Алигьери, оплакивавшего раздробление своей родины — Италией... Давид Гурамишвили был свидетелем агонии феодальной Грузии; он с необычайной силой оплакивал бедствия Картли... Мы знаем, что еще в юности Давида Гурамишвили похитили лезгины в поле Ламис-Кана, и юноша тяжело переживал неволю. Его стенания в плену действительно уподобляются великим причитаниям псалмопевца Давида, в голосе звучат отчаянные стоны тысяч грузинских невольников, которых продавали в рабство на азиатских и стамбульских рынках...»

«Во веки веков не отнимут свободы...». *Эристави* — титул полунезависимого феодального властителя в старой Грузии. *Шиола Гудушаури* — племенной вождь горцев в середине XIX в. *Ачхоти* — селение в Грузии. *Мтрехели* — грузинский революционер.

В А Р М Е Н И И

В письме А. Белому от 16 июня 1929 г. Т. Табидзе рассказывает о первой своей поездке в Армению: «Эту неделю мы провели в Армении, ездила туда целая делегация грузинских писателей. Приняли нас изумительно. Дорога с Караклиса через Делижан и озеро Севан на Эривань очаровала, особенно поразило Севанское озеро своим спокойным величием и лазурью, сейчас же вспомнили о Вас, как Вы в прошлом году не могли нахвалиться этой природой, поразила также Арарат и потом Эчмиадзин. А также развалины великолепного Звартноца; и природа и старая культура очень роднят Армению с Грузией, чувствуется общность исторической судьбы. Мне даже

казалось, что эти страны близнецы, и было больно сознаться, что я здесь первый раз, меня признать потянуло после ваших слов. Познакомились с Мартиросом Сарьяном...». Одновременно с циклом стихотворений Т. Табидзе написал серию очерков об Армении под общим названием «Грузинские писатели в Армении» («От Тбилиси до Караклиса», «Озеро Гокча-Севан», «Арагат», «Ереван», «Два призрака»).

Камни говорят. *Багдад* — столица Ирака, основан в 762 г. халифом Мансуром, на протяжении столетий играл видную политическую и экономическую роль среди стран Востока. *Шираз* — главный город провинции Фарсistan в Южном Иране.

Шахсей-вахсей. В издании 1936 г. печаталось в переводе Б. Брика под названием «Пролог». *Шахсей-вахсей* — старый мусульманский религиозный праздник, отличавшийся особым изуверством и дикостью. *Гильгамеш* — полубог-полубоги правитель шумерского города Урука (Южная Месопотамия) в начале III тысячелетия до н. э. Позднее возник цикл мифов о необыкновенных подвигах Гильгамеша, изображавшегося героем-полубогом. Сохранилась копия вавилонской поэмы о Гильгамеше, с большой художественной силой ставящей вопрос о смысле жизни и неизбежности смерти человека.

Автодор пустыни. В переводе Б. Брика печаталось под названием «В предгорьях Арагата» — «Новый мир», 1935, № 8, стр. 46. *Звартноц* — развалины большого армянского храма, дворца и крепости VII в., недалеко от Эривани. *Ленинакан* — город в Армянской ССР, разрушенный 22 октября 1926 г. сильным землетрясением и построенный заново. *Зангезур* — горный район на юге Армении. *Алагез* (Арагац) — гора в Армении. *Арагат* (Масис) — потухший вулкан; расположен на границе Армении. *Амханагебо* (груз.) — товарищи (звательный падеж). *Седан* — город на северо-востоке Франции, в районе которого в 1870 г. потерпела поражение французская армия. *Дашнаки* — члены разгромленной революционным пролетариатом буржуазно-националистической армянской партии «Дашнакцутюн». *Клинопись, выбитую ассирийцем*. Имеются в виду обнаруженные в районе озера Ван наскальные клинописные надписи. *Егизе Чаренц* (1897—1937) — армянский писатель. *Мартирос Сарьян* (род. в 1880 г.) — известный армянский художник, с которым Т. Табидзе познакомился во время своей поездки в Армению в 1929 г. *Аветик Исаакян* (1875—1957) — выдающийся армянский советский поэт, автор поэмы «*Абул Ала Маари*», названной так по имени арабского средневекового поэта. Т. Табидзе писал в 1931 г. в предисловии к сделанному им переводу этой поэмы на грузинский язык: «Аветик Исаакян — прекрасный армянский поэт... Его творчество выражает ту безнадежность, бездорожье и отчаяние, которые переживала Армения перед революцией, когда жизненные устои находились в руках армянской буржуазии, которая своей авантюристической политикой ставила под угрозу само физическое существование нации... Караван Абул Ала Маари хочет покинуть этот мир беспер-

спективности, где царят ложь и двуличие. В этом отношении «Абул Ала Маари» — творческий шедевр, выражающий предреволюционное настроение, образец резкой характеристики буржуазного общества... Для грузинского перевода я пользовался прекрасным русским переводом этой поэмы, выполненным Валерием Брюсовым... Насколько мне известно, поэма «Абул Ала Маари» переведена на одиннадцать различных языков, и тем более необходимо было перевести ее и на грузинский язык».

Сбылась мечта поэтов. В издании 1936 г. — перевод Б. Брика под названием «Ованес Туманян». *Ованес Туманян* (1869—1923) — классик армянской литературы. Стихотворение Т. Табидзе является своеобразным ответом на стихотворение О. Туманяна «Поэтам Грузии» (см. «Из автобиографии», стр. 51). *Брат брата не губит войною*. Имеется в виду спровоцированное грузинскими и армянскими националистами в 1917—1918 годах столкновение, против которого выступал Ованес Туманян. «В каждом его выступлении, в каждом его слове чувствовалось страстное желание избежать этого проклятия, — писал Т. Табидзе в статье «Ованес Туманян» (1923). — Его искренности верили в Грузии все... Ованес Туманян был большим армянским патриотом, но этот патриотизм не мешал ему по-родному любить и грузинский народ... Всему миру известно, что на войну с Турцией, в которой погиб его старший сын, О. Туманян послал сестрами милосердия всех своих дочерей, а когда началась грузино-армянская военная провокация, он отправил своим детям (они оказались тогда в Ереване) письмо, в котором приказывал им не принимать участия в этой грязной войне. В противном случае Туманян грозил отцовским проклятием. Это было проявлением величайшей любви. *Ануш* — героиня одноименной поэмы Ованеса Туманяна. *Лори* — местность в Армении.

Здравница. *Григол Орбелиани* — см. стр. 303. «*Пир возле стен Еревана*» — подзаголовок (точнее — «Пир после Ереванской битвы») «Заздравного тоста» Гр. Орбелиани, написанного в честь победы русских войск над персами в Армении. Вторая строфа — цитата из этого стихотворения. *Сардар* — звание персидских сановников; в частности, сардаром назывался персидский правитель Эриванской провинции. *Аракс* — река в Восточном Закавказье, правый приток Куры. *Карабекир-паша* — командующий турецкой армией на Закавказском фронте во время первой мировой войны. *Иракли-тапа* («гора Ираклия») — гора близ Эривана, названная в честь грузинского царя Ираклия II. *Карс* — крепость в турецкой Армении, была взята русскими войсками в 1877 г.

Поездка на Алагез. *Агзевань* — грузинское название горы Алагез. *Вано Сараджигишвили* (1879—1924) — знаменитый певец, народный артист Грузии. *Бердуджа* — грузинское название реки Дебеда-чай.

Апрель в Орпри. «Чарирами» — народная грузинская песня. *Рами* — особая китайская крапива, которую разводят для выработки прочных тканей.

«Поэты, безутешно плача, пели...». Николоз *Бараташвили* в поэме «Судьба Грузии» повествует о *канцлере* Ираклия II Соломоне *Леонидзе* и его жене *Софье*, противившихся решению царя отдаться под покровительство России. *Ягор* Казалишвили (ум. в 1935) — известный народный поэт-горец и отважный альпинист-проводник. *Сандро Казбеги* (1848—1893) — видный грузинский прозаик, писавший о жизни грузин-горцев; похоронен в селении Казбеги, на Военно-Грузинской дороге. *Мухрань* — Мухранская долина.

«Бежит, ревя, в открытые ворота...». *Абдушагиль* (Абдушахиль) и *Баши-Ачук* — герои повести А. Церетели «Баши-Ачук».

Родина. *Озеро Палеостоми* — в Западной Грузии, вблизи Поти. При Советской власти там были проведены грандиозные работы по осушению болот. *Гиппократ* — см. «Из автобиографии», стр. 44. *Вахушти* (ок. 1696—1772) — видный грузинский ученый, автор исторических и географических работ о Грузии; вместе со своим отцом — грузинским царем Вахтангом VI — в 1724 г. эмигрировал в Россию. *Мкинвари* — Казбек. *Чиаури* — большой лес в Кахетии. *Энгури* — река в Западной Грузии. *Ширак* — степь в долине рек Иори и Алазани в Кахетии. *Ушба* — труднодоступная гора в Верхней Сванетии, с нею связано много легенд. *Ушгул* — горная вершина и селение в Верхней Сванетии на высоте 2250 метров. *Проданным в рабство*. Страшным бичом для населения Грузии была укоренившаяся в стране продажа крестьян в рабство. Рынки Передней Азии были полны рабами, особенно из западных областей Грузии. «*Ли-лео*» — сванская народная хоровая песня в честь солнца. *Сванетия* — горная область в Западной Грузии. *Рукайя* — героиня пьесы А. И. Сумбатова-Южина «Измена». *Два Теймураза*. Речь идет о двух грузинских царях, известных поэтах — Теймуразе I (1589—1663) и Теймуразе II (1700—1762), авторе «Восхваления плодов» — произведения, которое неоднократно упоминает Т. Табидзе. Саргис *Тмогвели* — грузинский писатель XII в., автор повести «Висрамиани», представляющей собой прозаическую обработку персидской любовной поэмы Гургани «Вис и Рамин». *Арчил* (Арчил II, 1647—1713) — грузинский царь и поэт. В своей государственной деятельности решительно придерживался русской ориентации; в 1699 г. эмигрировал в Россию. *Саба-Сулхан* Орбелиани (1658—1725) — знаменитый грузинский писатель, ученый, лексикограф, автор книги «О мудрости вымысла», где он дает живописную реалистическую картину общественной жизни феодальной Грузии XVII в.

«О, Мкинвари когда проснется...». *Мкинвари* — грузинское название Казбека.

Рождение стиха. В русских изданиях произведений Т. Табидзе две части стихотворения печатались самостоятельно: 1. «Рождение слова» и 2. «Рождение стиха». Вторая часть стихотворения печаталась также без названия.

Сестра Долорес, братья баски. *Долорес Ибаррури (Пасионария)* — выдающаяся деятельница испанского и международного рабочего и демократического движения, генеральный секретарь Коммунистической партии Испании. Родилась в 1895 г. в семье горняка в стране *басков* — древнейшего коренного населения Пиренейского полуострова. Существует мнение, что предками как басков, так и грузин являются народы хетто-ибэрийской группы, жившие пять-шесть тысяч лет назад в Передней Азии. *Гренада, Толедо* — города в Испании. *Астурия* — область в Северной Испании.

Праздник Аллаверды. Ежегодно 26 сентября в старинном храме *Аллаверды*, построенном в X в. в Кахетии, совершается, по старой традиции, так называемый храмовый *праздник*, который в настоящее время превратился в народный праздник урожая. *Ната Вачнадзе* (1904—1953) — грузинская киноактриса. *Миндия* — герой поэмы Важа Пшавела «Змеед», наделенный сверхчеловеческой мудростью, прозорливостью, проникший в тайны природы. *Кистины* (кисты) — грузинское название ингушей. *Леван* (Дедас Левана) — кахетинский народный певец. *Дзелква* (дзельква, зелькова) — каменное дерево, разновидность вяза с очень крепкой древесиной. *Шашви* (груз.) — дрозд. *Какаби* (груз.) — куропатка.

Колхида ждет нового Орфея. *Майн Рид* (1818—1883) — английский писатель; его произведения насыщены романтической путешествий и приключений. *Натела* — героиня одноименной поэмы А. Церетели. *Этери* — героиня грузинского народного сказания «Абесалом и Этери».

Две Арагвы. В ряде русских изданий Т. Табидзе печаталось под названием «В ущелье Арагвы».

Багдадские небеса. *Багдади* — деревня в Западной Грузии, родина В. В. Маяковского. *Саирме* — лес в Западной Грузии, недалеко от Багдади. *Царь Соломон* вступил на престол в Имеретии в 1751 г. и возглавил борьбу за объединение Западной Грузии и освобождение ее от турецкого господства. *Алиханов* — генерал, начальник карательной экспедиции по подавлению гурийского революционного движения (1905).

Тельман. В переводе Б. Брика («Новый мир», 1937, № 1, стр. 111—112) печаталось под названием «Эрнсту Тельману». Эрнст *Тельман* (1886—1944) — выдающийся деятель германского и международного рабочего движения, председатель ЦК Коммунистической партии Германии. После установления фашистской диктатуры в Германии Тельман стал одной из первых жертв гитлеровского террора.

Он был арестован 3 марта 1933 и убит в концентрационном лагере Бухенвальд.

Александрю Пушкину. В ряде русских изданий Т. Табидзе печаталось под названием «За Пушкина и Руставели». В 1937 г., когда вся страна готовилась к 100-летию юбилею со дня смерти А. С. Пушкина, Т. Табидзе кроме этого стихотворения написал несколько статей о Пушкине, о влиянии его поэзии на грузинскую литературу. От грузинского пушкинского комитета Табидзе выступил с речью на торжественном юбилейном заседании в Большом театре в Москве (см. «Правда», 1937, 11 февраля). Две начальные строки стихотворения — перифраз начала пушкинского стихотворения «На холмах Грузии...». *Ванкарем* — мыс на Чукотском полуострове за полярным кругом.

Мать и сестры Владимира Маяковского. В русских изданиях печаталось под названием «Матери Маяковского».

Дагестанская весна. *Арака* — водка. *Кипчаки* — половцы. *Сулейман* — Сулейман Стальский (1869—1937), народный поэт Дагестана. *Два Серго* — С. М. Киров и Серго Орджоникидзе. *Пишавы, хевсуры* — грузинские племена, живущие в горах Центрального Кавказа. *Алуда Кетелури* — герой одноименной поэмы Важа Пшавела.

Важа Пшавела на Мтацминде. В 1935 г., в день 20-й годовщины со дня смерти, прах *Важа Пшавела* был перенесен со старого кладбища в Дидубе в пантеон писателей и общественных деятелей Грузии на *Мтацминде*. Там же похоронены великие грузинские поэты *Илья Чавчавадзе* и *Акакий Церетели*. *Миндия* — герой поэмы Важа Пшавела «Змеед». *Чаргали* — родина Важа Пшавела.

Колхида. «*Восхваленые плодов*» — см. стр. 313. *Фейхоа* — субтропический цитрусовый плод. *Грейпфрут* — субтропический цитрусовый плод. *Флорида* — полуостров на юго-востоке Северной Америки с субтропической и тропической растительностью. *Сакартвело* — Грузия.

НЕДАТИРОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ОТРЫВКИ

«На судьбу человека глядит с высоты...». *Аллавердский собор* — см. стр. 314. В середине XVII в. у крепости *Бахтриони* состоялась битва между войсками вторгшегося в Грузию персидского шаха *Аббаса (Шахабаз)* и грузинского царя *Теймураза I*, мать которого — царица Кетеван — была замучена в Персии.

Брату Галактиону. Посвящено известному грузинскому поэту Галактиону Табидзе (1893—1958), двоюродному брату Тцициана Табидзе. *Чаландари* — погонщик выючных лошадей.

Цинандали. *Цинандали* (ныне винодельческий совхоз) — в прошлом имение князей Чавчавадзе. *Две сестры Чавчавадзе* — дочери поэта Александра Чавчавадзе: Нина Александровна Грибоедова и Екатерина, супруга мегрельского князя Дадияни.

ПОЭМЫ

Рион-порт. Начальные строки поэмы представляют собой вольное поэтическое переложение 22-й главы труда греческого ученого Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.) «О воздухе, водах и местностях». В годы первых пятилеток на Риони были произведены большие работы по улучшению судоходства, по осушению Колхидской низменности. На берегу р. Энгури, впадающей в Черное море, были построены лесопильный завод и бумажная фабрика. Теме социалистического преобразования родного края Т. Табидзе посвятил и ряд очерков: «Суходоство на Риони», «Морской курорт Анаклия», «Ткварчели», «От Риони до Энгури» и др. *Трирема* — у древних греков и римлян судно с тремя ярусами весел. *Тарас Спринквели* — советский капитан.

Из поэмы «Восемнадцатый год». После свержения самодержавия в России в Грузии возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, но большинство в них принадлежало меньшевикам и эсерам. 9 марта 1917 г. в Тифлисе был создан Закавказский комитет — орган буржуазного Временного правительства. 15 ноября 1917 г. антисоветская коалиция в Закавказье создала новый орган власти — Закавказский комиссариат. В феврале 1918 г. контрреволюционная националистическая буржуазия созвала Закавказский сейм. Большевицкие организации ушли в подполье. В мае 1918 г. Закавказская федерация распалась на три государственных единицы; 26 мая в Грузии было образовано правительство во главе с Ноем Жордания. Трудящиеся Грузии стремились к объединению с Советской Россией. В период меньшевистского господства в стране неоднократно происходили вооруженные восстания, но лишь 25 февраля 1921 г. в Грузии победила Советская власть. В марте 1918 г. турецкие войска, перейдя в наступление, захватили Карс, Ардаган и Батум. Не встретив сопротивления со стороны меньшевистского правительства, Турция и Германия ввели в Грузию свои войска. В декабре 1918 г. их сменили англо-американские оккупанты. В составе английского войска были колоннальные малайские войска. Хозяинчанье в Закавказье иностранных империалистов и буржуазных националистических правительств — меньшевиков, дашнаков и мусаватистов — было причиной участившихся кровавых столкновений между народами Закавказья. *Гогуа* — заместитель начальника меньшевистской гвардии Джугели. *Наткович* — владелец фабрики тянучек. *Эйнем* — владелец фабрики кондитерских изделий. *Энвер-паша* — военный министр турецкого правительства в период первой мировой войны (грузин по происхождению). *Нариман* — грузинский

спекулянт в период меньшевистского господства. *Роза Люксембург* и *Карл Либкнехт* — выдающиеся вожди германского пролетариата. *Прокофий Апраксионович Джaparидзе* (1880—1918) и *Степан Шаумян* (1878—1918) — выдающиеся деятели коммунистической партии и Советского государства; в числе 26 бакинских комиссаров были расстреляны интервентами. *Зубаловское убежище* — дом для инвалидов, построенный капиталистами Зубалашвили. *Михаил Григорьевич Цхакая* (1865—1950) — видный грузинский революционер, большевик. *Макдональд* (1866—1937) — английский реакционный политический деятель, один из основателей и лидеров лейбористской партии. В 1918—1920 гг. стремился сорвать борьбу английских рабочих против антисоветской интервенции. *Джон Маклин* (1879—1923) — деятель английского рабочего движения. Во время первой мировой войны 1914—1918 гг. стоял на интернационалистских позициях. *Сабанеева* — известная русская певица.

На фронтах. В ряде русских изданий печаталась как 2-я часть поэмы «Восемнадцатый год». Поэма начинается строфой из произведения Д. Гурамишвили «Беды Грузии» (из главы «Возмездие божие за грехи людей»). *Время, которое я вспоминаю* — см. выше. *Ной Жордания* — председатель меньшевистского правительства в Грузии. *Санаин* — село близ г. Аллаверды Армянской ССР. *Дашнаки* — члены армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн». *Рубен Качазнун* — председатель дашнакского правительства в Армении (1920). *Хам* — один из сыновей *Но*, библейского патриарха. *Дро* — главнокомандующий армянской дашнакской армией. *Храми* — река в Грузии, правый приток *Куры*. *Джонсон* — командующий английскими оккупационными войсками в Баку. «*Дарбази*» — кафе в Тбилиси. *В новые Балканы превратить Закавказье!*.. Имеется в виду политика грузинских меньшевиков и дашнаков, которые прибегли к «македонскому» способу решения национальных проблем Закавказья, что привело к войне между армянами и грузинами и ряду других конфликтов. В 7-й гл. песня «Главковерх армянский Дро...» — в оригинале по-русски. *Сервербек* — турецкий генерал времен первой мировой войны. *Григол Лагидзе* — один из лидеров грузинских социал-федералистов. *Мушати* — сад в Тбилиси. *Кавсадзе* — руководитель грузинского хора. *Панкиси* — ущелье на севере Грузии. *Шалва Карумидзе* — грузинский национальный демократ. *Бердуджа* — грузинское название Дебед-чая, реки, протекающей по территории Армении и Грузии. *Идут хевсуры, надеясь... царя Ираклия встретить войска*. Затерявшиеся в горах племена хевсуров жили в мире далекого прошлого, сохраняя многие черты патриархально-родового строя и не ведая, что Грузия сильно изменилась со времен последнего могущественного и независимого царя Ираклия II, жившего в конце XVIII в. *Екатеринфельд* — деревня недалеко от Тбилиси, ранее заселенная немцами-колонистами, ныне — Болниси. *Слуцкий* — скрипач.

Роальд Амундсен. *Роальд Амундсен* (1872—1928) — норвежский полярный путешественник и исследователь. 14 декабря

1911 г. достиг Южного полюса, опередив на целый месяц английскую экспедицию *Р. Скотта*, который пробивался к полюсу другим путем. 18 июня 1928 г. вылетел на гидроплане «*Латам*» в поисках арктической экспедиции Нобиле и бесследно исчез вместе с *Гильбо* и *Дидерихсом*. *Самойлович*, *Чухновский* — советские летчики, участники экспедиции, посланной на поиски Нобиле. В оригинале цитата из «*Пьяного корабля*» А. Рембо дана в переводе на грузинский язык *Паоло Яшвили*. *Мальмгрен-Финн* (1895—1928) — шведский геофизик, исследователь Арктики, погиб во время экспедиции Нобиле. «*Малыгин*» и «*Красин*» — советские ледоколы, вышедшие на поиски Нобиле. *Литвинов* — в то время министр иностранных дел. *Гаха Циклаури* — знаменитый грузинский альпинист, погибший в горах.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Тициан Табидзе. Фото 1922 г.
2. *Между стр. 64 и 65*. Тициан Табидзе. Фото 1913 г.
3. *Между стр. 96 и 97*. Тициан Табидзе. Фото 1916 г.
4. *Стр. 123*. Автограф стихотворения «Илаяли» (перевод).
5. *Стр. 131*. Автограф стихотворения «Ликование».
6. *Между стр. 160 и 161*. Фото 1928 г. Слева направо стоят: Тициан Табидзе, Андрей Белый, Паоло Яшвили, Сандро Шаншиашвили; сидят: Колау Надирадзе, жена Андрея Белого Клавдия Николаевна Бугаева, Тамара Георгиевна Яшвили, Нина Александровна Табидзе и Николо Мицишвили.
7. *Между стр. 192 и 193*. Тициан Табидзе. Фото 1931 г.
8. *Между стр. 256 и 257*. Тициан Табидзе. Фото начала 30-х гг.
9. *Между стр. 288 и 289*. Тициан Табидзе. Фото. Март 1937 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- Автодор пустыни («Без лишнего мяса утес обойдется...») 192
Автопортрет («Профиль Уайльда. Инфанту невинную...») 73
Адонай («Господь, прости, я правду не таю...») 59
«Александрия... Карабулах...» (Мелите) 109
Александру Пушкину («На холмах Грузии играет солнца луч...») 230
Ангел тишины («Над спящим зефиром — пыльца, словно дым...») 60
Апрель в Орпири («Орпирский знойный и апрельский день...») 202
Апрельский сев («Мне снятся юные года...»; Всем сердцем, 4) 181
«Асаргадон твоей упился плотью...» 83
- Багдадские небеса («Много не сделано — вижу воочью...») 225
«Бежит, ревя, в открытые ворота...» 206
Без доспехов («Мне представляется порою...») 74
«Без лишнего мяса утес обойдется...» (Автодор пустыни) 192
Безумный священник и малярия («Старый Орпири... Руины пристани длинной...») 98
Белое сновидение («Для Грузии сгорали мы, чтоб снова...») 63
Бирнамский лес («Лес Бирнамский... Халдеи глубокие тени...») 95
Брату Галактиону («Двое братьев, почти близнецы...») 251
«Будто ожил древний миф...» (Камни говорят) 191
«Будь дальней! Бездну отдаленья...» (Дальней) 71
«Был необъезженным, как жеребеноч...» (Сергею Есенину) 126
- В Ананури («Тебе здесь не бывать, но я упорно...») 137
В Армении 191
«В Белом духане...» (Шарманщик) 151
«В богатом караван-сарая...» (Восстание в пустыне, 4) 254
В Гомборах («Распыляется, гибнет Уджарма. На свой...») 166
«В древней Наири, в Ванкском соборе...» (Ванкский собор) 89
В Кахетин («Слушайте зов Алазанской долины...») 159
«В Мухрани трава зеленой изумруда...» (Стихи о Мухранской долине) 188
В парке («Прошествовали сумерки лениво...») 65
«В простом стихе вместить мне хочется...» (Осенний день в Окроканах) 176

- Важа Пшавела на Мтацминде («Не думала спорить гора с Магометом. . .») 238
- Валериану Гаприндашвили («Мечта твоя варилась в кухне Гойи. . .») 93
- Ванкский собор («В древней Наири, в Ванкском соборе. . .») 89
- «Ветер с островов курчавит лужи. . .» (Петербург) 88
- «Во веки веков не отнимут свободы. . .» 189
- «Возвращался я в Грузию, передо мной. . .» (Дагестанская весна) 234
- Восстание в пустыне (1—4) 252
- Восходит солнце, светает («Солнце первыми лучами метит. . .») 164
- «Вот Гамлет. . .» (Восстание в пустыне, 3) 253
- «Вот мой сонет, мой свадебный подарок. . .» (Паоло Яшвили) 108
- «Время прошло — позабыть я смогу ли? . . .» (Исе Назаровой) 149
- Всем сердцем (1—7) 178
- «Всё мне кажется, будто на скачки. . .» (Запоздалые скачки) 97
- «Вспомнилось детство, топи Орпири. . .» 256
- Встреча с Бальмонтом («Я помню поле. . .») 153
- Второе апреля («Сдан уж Батуми, идут по Орпири татары. . .») 92
- «Высоким будь, как были предки. . .» 143
- «Высокий лист платана желтизной тяжелой вышит. . .» (Ноябрь) 72
- «Говорят, что кому-то верится. . .» (Надпись на роге) 205
- «Говорят, что раз в сто лет колышет. . .» (Картлис цховреба) 145
- Голубой Эдем («Рай потерянный и милый! . . .») 70
- «Горы и доли твои ненаглядные. . .» (Родина) 207
- «Господь, прости, я правду не таю. . .» (Адонай) 59
- «Гром в вершину скалы громовой ударяя. . .» (За лавиной — лавина) 199
- Гуниб («Я прошел по Дагестану, как мюрид. . .») 161
- «Давно то было. . .» (Всем сердцем, 7) 187
- Дагестанская весна («Возвращался я в Грузию, передо мной. . .») 234
- «Далекий путь, и беспредельность. . .» (Халдейское солнце) 79
- Дальней («Будь дальней! Бездну отдаленья. . .») 71
- Двадцать третье апреля («Снова мне снится кафе «Монпарнас». . .») 112
- Две Арагвы («Это потоп заливаает долины. . .») 224
- «Двое братьев, почти близнецы. . .» (Брату Галактиону) 251
- «Дворняжки малые тьяв-тьяв на месяц в небе. . .» (Сельская ночь) 170
- «Дезертиры палят из ружей. . .» (Того скрывать не надо) 96
- «Для Грузии сгорали мы, чтоб снова. . .» (Белое сновидение) 63
- «Друзья, старинный облысел Парнас. . .» (Всем сердцем, 2) 179
- Еврейская мелодия («От града Вавилона. . .») 140
- «Еду под киммерийским. . .» (Илаяли) 122
- «Если впрямь ты поэт, а не рохля. . .» (Окроканы) 172
- «Если ты — брат мне, то спой мне за чашею. . .» 168

- За лавиной — лавина («Гром в вершину скалы громовой ударяя...») 199
- Заздравный тост («Привыкли мы славить во все времена...») 157
- «Заплачет ли дева над горестной книгой моей...» (Моя книга) 68
- Запоздалые скачки («Всё мне кажется, будто на скачки...») 97
- «Здесь горевал Овидий о Риме...» (Скифская элегия) 129
- «Здесь когда-то Григол Орбелиани...» (Здравница) 195
- Здравница («Здесь когда-то Григол Орбелиани...») 195
- Знамя киммерийцев («Словно знамя киммерийцев...») 110
- «Иду со стороны черкесской...» 133
- Из книги «Халдейские города» 76
- «Из Орточалы плыл Орбелиани...» (Мухамбáзи, которое не поется) 119
- Из поэмы «Восемнадцатый год» («Ночь, в Тбилиси...») 266
- Издrevле («Издrevле дня каждодневной вершиной...») 150
- Илаяли («Еду под киммерийским...») 122
- «Имя мое — Тициан, — как ни странно...» (Мелита) 116
- Исе Назаровой («Время прошло — позабыть я смогу ли?...») 149
- «Искрошились и тают с разбега...» 222
- «Исчезнет всё. И все умрут. И эти...» (Сонет поэта) 64
- «Как будто умирающая ночь...» (Тбилисская ночь) 155
- «Как кладь дорожную, с собою...» (Ликование) 162
- «Как лошадь...» (Восстание в пустыне, 2) 253
- «Как петух иной...» (На фронтах) 275
- Камни говорят («Будто ожил древний миф...») 191
- Карменсита («Ты налетела хищной птицей...») 113
- Картлис цховреба («Говорят, что раз в сто лет колышет...») 145
- Князь Магоч («Ноябрьский бес приходил с бокалом вина...») 67
- Когда ласточка лепит гнездо («Синему небу...»; Всем сердцем, 5) 183
- Колхида («Три года промчатся — грузинский народ...») 241
- Колхида ждет нового Орфея («Над сыростью древних болот...») 219
- Король балагана («Я знаю, откуда пришел я сюда...») 87
- «Лазури, лазурью перекипевшей...» (Шахсей-вахсей) 192
- «Лежу в Орпири мальчиком в жару...» 200
- «Лес Бирнамский... Халдеи глубокие тени...» (Бирнамский лес) 95
- «Лет двадцати этих будто и не было...» (Орпири) 132
- Ликование («Как кладь дорожную, с собою...») 162
- «Ликует мир весенним ярким днем...» (Серенада) 57
- Маг-прародитель («Священнодействует доселе...») 81
- «Май, конечно, повсюду хорош...» (Сентиментальное путешествие) 167
- Матери («Я был похож на Антиноя...») 239
- Мать и сестры Владимира Маяковского («Что же сказать мне Люде и Оле?...») 232
- Медея («Ту весну, что пропала, в душе не буди ты...») 58
- Мелита («Имя мое — Тициан, — как ни странно...») 116
- Мелите («Александря... Карабулах...») 109

- «Мечта твоя варилась в кухне Гойи...» (Валериану Гаприндашвили) 93
- «Мечта целует прошлого следы...» (Сон Халдеи) 78
- «Мне представляется порою...» (Без доспехов) 74
- «Мне снятся юные года...» (Апрельский сев) 181
- «Много не сделано — вижу воочью...» (Багдадские небеса) 225
- Моя книга («Заплачет ли дева над горестной книгой моей...») 68
- Мухамбази, которое не поется («Из Орточалы плыл Орбелиани...») 119
- «На болтуна-златоуста взгляните-ка...» (Орпирский златоуст) 105
- На кладбище («Поэта на рассвете в могилу зарывали...») 66
- На маскараде («Темно в глазах. А всё кругом горит...») 62
- На рассвете («По небу мечется звезда денницы...») 144
- «На судьбу человека глядит с высоты...» 247
- На фронтах («Как петух иной...») 275
- «На холмах Грузии играет солнца луч...» (Александрю Пушкину) 230
- «Над спящим зефиром — пыльца, словно дым...» (Ангел тишины) 60
- «Над сыростью древних болот...» (Колхида ждет нового Орфея) 219
- «Надо ль народ убеждать?...» (Роальд Амундсен) 286
- Надпись на роге («Говорят, что кому-то верится...») 205
- «Наше солнце пылает губительным жаром...» 258
- «Не думала спорить гора с Магометом...» (Важа Пшавела на Мтацминде) 238
- «Не одним садам столицы...» (Стихи к посевной, сказанные по радио) 180
- «Не от вас — от себя я хочу разрешенья сомнений...» (Сатурн и малярия) 99
- «Не то это восстание в пустыне...» (Восстание в пустыне, 1) 252
- Не удивляйся («Не удивляйся, — Тициан не онемел...») 171
- «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут...») 158
- «Несчастному — что может счастье дать?...» (Тамуне Церетели) 243
- «Нет, я не смирен, не знаю страха...» (Чагатар) 135
- «Никогда не бывало так радостно мне...» (Тамуне Церетели) 121
- Нине Макашвили («Словно с креста балаганного — красное платье...») 102
- Новый Мцхет («Свети-Цховели, царей усыпальница...») 147
- «Ночь в Тбилиси...» (Из поэмы «Восемнадцатый год») 266
- Ноябрь («Высохший лист платана желтизною тяжелой вышит...») 72
- «Ноябрьский бес приходил с бокалом вина...» (Князь Магог) 67
- «О землю посохом ударил Горгасал...» (Тбилиси) 117
- «О, Мкинвари когда проснется...» 212
- «О родина, смотрю я на тебя...» (Халдейский балаган) 90
- «О, это всё темно и непонятно...» (Чемпион сезона) 103
- «Огромные арбы покрыты ковром...» (Праздник Аллаверды) 217
- Окроканы («Если впрямь ты поэт, а не рохля...») 172
- «Опять весна запенилась в саду...» (Пьеро) 86
- Орпири («Лет двадцати этих будто и не было...») 132
- Орпирский златоуст («На болтуна-златоуста взгляните-ка...») 105
- «Орпирский знойный и апрельский день...» (Апрель в Орпири) 202

- Орпирский комсомолец в Кремле («Я не один, смог сам понять
я это...») 244
- Осенний день в Ороканах («В простом стихе вместить мне хо-
чется...») 176
- Осень в Орпири («Трупом Левиафана Орпири гниет...») 94
«От града Вавилона...» (Еврейская мелодия) 140
- Паоло Яшвили («Вот мой сонет, мой свадебный подарок...») 108
«Парню одному с Тапаравани...» (Тапараванское сказание) 186
«Паруса облаков бьются в небе, ветрами влекомы...» (Цинандали)
257
- Петербург («Ветер с островов курчавит лужи...») 88
«По небу мечется звезда денницы...» (На рассвете) 144
- Поездка на Алагез («Путь к Алагезу — ну совсем недлинный...») 197
- Понт Эвксинский («Понт Эвксинский — да есть ли милее!...») 138
- Посвящается чужестранке («Стих не прочтешь ты этот, и о нем...») 169
- «Поэта на рассвете в могилу зарывали...» (На кладбище) 66
- «Поэты, безутешно плача, пели...» 203
- Праздник Аллаверды («Огромные арбы покрыты ковром...») 217
«Привозит дилижанс...» 249
- «Привыкли мы славить во все времена...» (Заздравный тост) 157
- «Пришли к тюрьме с корзиной алых роз...» (Тельман) 227
- «Пройдет годовщина... Ноябрь...» (Священник и малярия в гро-
бу...») 100
- «Профиль Уайльда. Инфанту невинную...» (Автопортрет) 73
- «Прочел я некогда у Гиппократы...» (Рион-порт) 261
- «Проществовали сумерки лениво...» (В парке) 65
- «Путь к Алагезу — ну совсем недлинный...» (Поездка на Алагез)
197
- Пьеро («Опять весна запенилась в саду...») 86
- «Рай потерянный и милый!...» (Голубой Эдем) 70
- «Распыляется, гибнет Уджарма. Но свой...» (В Гомборах) 166
- Растянутый мадригал («Ты вся отточена, как сабля Мачабели...») 246
- Рион-порт («Прочел я некогда у Гиппократы...») 261
- Роальд Амундсен («Надо ль народ убеждать?...») 286
- Родина («Горы и доли твои ненаглядные...») 208
- «Родной очаг свой любит и отчизну...» 223
- Рождение стиха («С неба на землю огромным мостом...») 213
- «Розу Гафиза я бережно вставил...» (L'art poétique) 76
- «С неба на землю огромным мостом...» (Рождение стиха) 113
- «Саламбо, босоногая, хрупкая...» (Танит Табидзе) 128
- Сатурн и малярия («Не от вас — от себя я хочу разрешенья сомне-
ний...») 99
- Сбылась мечта поэтов («Хоть вовсе о прошлом не думал ты тут...») 194
- «Свети-Цховели, царей усыпальница...» (Новый Мцхет) 147
- Священник и малярия в гробу («Пройдет годовщина... Ноябрь...») 100

- «Священнодействует доселе. . .» (Маг-прародитель) 81
 «Сдан уж Батуми, идут по Орпири татары. . .» (Второе апреля) 92
 Сельская ночь («Дворняжки малые тьяв-тьяв на месяц в небе. . .») 170
 Сентиментальное путешествие («Май, конечно, повсюду хорош. . .») 167
 Сергею Есенину («Был необъезженным, как жеребенок. . .») 126
 Серенада («Ликует мир весенним ярким днем. . .») 57
 Сестра Долорес, братья баски («Умолкла песня, стихла серенада. . .») 215
 «Синему небу. . .» (Когда ласточка лепит гнездо) 183
 Скверное воскресенье («Шесть лет собиралась. . .») 114
 Скифская элегия («Здесь горевал Овидий о Риме. . .») 129
 «Слова о том, что я тебя любил. . .» 61
 «Словно знамя киммерийцев. . .» (Знамя киммерийцев) 110
 «Словно с креста балаганного — красное платье. . .» (Нине Макашвили) 102
 «Слушайте зов Алазанской долины. . .» (В Кахетии) 159
 «Снова мне снится кафе «Монпарнас». . .» (Двадцать третье апреля) 112
 Соганлуг («Тихая, смолкла Кура этой ночью суровою. . .») 165
 «Солнце первыми лучами метит. . .» (Восходит солнце, светает) 164
 Сон Халдеи («Мечта целует прошлого следы. . .») 78
 Сонет поэта («Исчезнет всё. И все умрут. И эти. . .») 64
 «Старый Орпири. . . Руины пристани длинной. . .» (Безумный священник и малярня) 98
 «Стих не прочтешь ты этот, и о нем. . .» (Посвящается чужестранке) 169
 Стихи к посевной, сказанные по радио («Не одним садам столицы. . .»; Всем сердцем, 3) 180
 Стихи о Мухранской долине («В Мухрани трава зеленой изумруда. . .») 188
 «Судьбой ты нам послан, Ярали. . .» (Ярали) 174
- «Так же просто, как в долине Мухрани. . .» 237
 Тамуне Церетели («Несчастному — что может счастье дать? . .») 243
 Тамуне Церетели («Никогда не бывало так радостно мне. . .») 121
 Танит Табидзе («Саламбо, босоногая, хрупкая. . .») 128
 Тапараванское сказание («Парню одному с Тапаравани. . .»; Всем сердцем, 6) 186
 Тбилиси («О землю посохом ударил Горгасал. . .») 117
 Тбилисская ночь («Как будто умирающая ночь. . .») 155
 «Тебе здесь не бывать, но я упорно. . .» (В Ананури) 137
 Тельман («Пришли к тюрьме с корзиной алых роз. . .») 227
 «Темно в глазах, а всё кругом горит. . .» (На маскараде) 62
 «Терзает душу девы отраженье. . .» (Фатьма Хатун) 85
 «Тихая, смолкла Кура этой ночью суровою. . .» (Соганлуг) 165
 Того скрывать не надо («Дезертиры палят из ружей. . .») 96
 Трешчи, Валтасар! («Трешчи, Валтасар, сметено твое царство. . .») 84
 «Три года промчатся — грузинский народ. . .» (Колхида) 241
 «Трижды существуя. . .» 69
 «Трупом Левиафана Орпири гниет. . .» (Осень в Орпири) 94

- «Ты весну, что пропала, в душе не буди ты...» (Медая) 58
«Ты вся отточена, как сабля Мачабели...» (Растянутый мадригал)
246
«Ты налетела хищной птицей...» (Карменсита) 113
- «Умолкла песня, стихла серенада...» (Сестра Долорес, братья
баски) 215
- Фатъма Хатун («Терзает душу девы отраженья...») 85
- Халдейский балаган («О родина, смотрю я на тебя...») 90
Халдейское солнце («Далекий путь, и беспредельность...») 79
«Хоть вовсе о прошлом не думал ты тут...» (Сбылась мечта поэ-
тов) 194
- Циннандали («Паруса облаков бьются в небе, ветрами влекомы...») 257
- Чагатар («Нет, я не смирен, не знаю страха...») 135
Чемпион сезона («О, это всё темно и непонятно...») 103
«Что же сказать мне Люде и Оле?..» (Мать и сестры Владимира
Маяковского) 232
- Шапка Гарибальди («Я еще безусый был мальчонка...») 163
Шарманщик («В Белом духане...») 151
Шахсей-вахсей («Лазури, лазурью перекипевшей...») 192
«Шесть лет собиралась...» (Скверное воскресенье) 114
- «Это меня удивляет — стих...» (Всем сердцем, 1) 178
«Это потоп заливаает долины...» (Две Арагвы) 224
- «Я был похож на Антиноя...» (Матери) 239
«Я еще безусый был мальчонка...» (Шапка Гарибальди) 163
«Я знаю, откуда пришел я сюда...» (Король балагана) 87
«Я не один, смог сам понять я это...» (Орпирский комсомолец в
Кремле) 244
«Я помню поле...» (Встреча с Бальмонтом) 153
«Я прошел по Дагестану, как мюрид...» (Гуниб) 161
Ярали («Судьбою ты нам послан, Ярали...») 174
- L'art poétique («Розу Гафиза я бережно вставил...») 76

СОДЕРЖАНИЕ¹

Слово о Тициане Табидзе. <i>Симон Чиковани</i>	5
Поэзия Тициана Табидзе. <i>Вступительная статья Г. М. Цуриковой</i>	19
Из автобиографии	44

СТИХОТВОРЕНИЯ

Серенада. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	57
Медя. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	58 297
Адонай. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	59 297
Ангел тишины. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	60
«Слова о том, что я тебя любил. . .». <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	61
На маскараде. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	62
Белое сновидение. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	63 297
Сонет поэта. <i>Перевод С. Спасского</i>	64
В парке. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	65 298
На кладбище. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	66
Князь Магог. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	67 298
Моя книга. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	68
«Трижды существую. . .». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	69
Голубой Эдем. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	70
Дальней. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	71
Ноябрь. <i>Перевод Л. Озерова</i>	72
Автопортрет. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	73 298
Без доспехов. <i>Перевод Б. Лившица</i>	74 298
L'art roétique. Из книги «Халдейские города». <i>Перевод Б. Лившица</i>	76 298
Сон Халден. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	78 298
Халдейское солнце. <i>Перевод Б. Лившица</i>	79 299

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

Маг-прародитель. <i>Перевод Б. Лившица</i>	81 299
«Асаргадон твоей упился плотью. . .». <i>Перевод М. Шехтера</i>	83 299
Трепещи, Валтасар! <i>Перевод П. Антокольского</i>	84 299
Фатьма Хатун. <i>Перевод С. Спасского</i>	85 299
Пьеро. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	86 299
Король балагана. <i>Перевод П. Антокольского</i>	87
Петербург. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	88 300
Ванский собор. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	89 300
Халдейский балаган. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	90 300
Второе апреля. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	92 300
Валериану Гаприндашвили. <i>Перевод П. Антокольского</i>	93 300
Осень в Орпире. <i>Перевод С. Спасского</i>	94 300
Бирнамский лес. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	95 301
Того скрывать не надо. <i>Перевод П. Антокольского</i>	96
Запоздалые скачки. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	97
Безумный священник и малярия. <i>Перевод В. Рождественского</i>	98 301
Сатурн и малярия. <i>Перевод В. Рождественского</i>	99
Священник и малярия в гробу. <i>Перевод В. Рождественского</i>	100 301
Нине Макашвили. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	102 301
Чемпион сезона. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	103 301
Орпирский златоуст. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	105 301
Паоло Яшвили. <i>Перевод П. Антокольского</i>	108 302
Мелите. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	109 302
Знамя киммерийцев. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	110 302
Двадцать третье апреля. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	112 302
Карменсита. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	113
Скверное воскресенье. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	114 302
Мелита (<i>Дадаистический мадригал</i>). <i>Перевод С. Ботвинника</i>	116 302
Тбилиси. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	117 302
Мухамбази, которое не поется. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	119 303
Тамуне Церетели. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	121 303
Илаяли. <i>Перевод В. Державина</i>	122 303
Сергею Есенину. <i>Перевод Л. Озерова</i>	126 304
Танит Табидзе. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	128 304
Скифская элегия. <i>Перевод П. Антокольского</i>	129
Орпире. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	132
«Иду со стороны черкесской. . .». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	133
Чагатар. <i>Перевод П. Антокольского</i>	135 304
В Ананури. <i>Перевод С. Спасского</i>	137 304
Понт Эвксинский. <i>Перевод Л. Озерова</i>	138 304
Еврейская мелодия. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	140 305
«Высоким будь, как были предки. . .». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	143
На рассвете. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	144
Картлис цховреба (<i>Вступление к поэме</i>). <i>Перевод П. Анто-</i> <i>кольского</i>	145 306
Новый Мцхет. <i>Перевод П. Антокольского</i>	147 306
Исе Назаровой. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	149 306
Издrevле. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	150 306
Шарманщик. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	151
Встреча с Бальмонтом. <i>Перевод В. Державина</i>	153 306
Тбилисская ночь. <i>Перевод П. Антокольского</i>	155 307
Заздравный тост. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	157 307

«Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут...». <i>Перевод</i>	
<i>Б. Пастернака</i>	158
В Кахетии. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	159 307
Гуниб. <i>Перевод П. Антокольского</i>	161 308
Ликование. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	162 308
Шапка Гарибальди. <i>Перевод М. Шехтера</i>	163 308
Восходит солнце, светает. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	164 308
Соганлуг. <i>Перевод С. Спасского</i>	165 308
В Гомборах. <i>Перевод С. Спасского</i>	166 308
Сентиментальное путешествие. <i>Перевод А. Корчагина</i>	167
«Если ты — брат мне, то спой мне за чашею...». <i>Перевод</i>	
<i>Б. Пастернака</i>	168
Посвящается чужестранке. <i>Перевод С. Спасского</i>	169 309
Сельская ночь. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	170
Не удивляйся. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	171
Окроканы. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	172 309
Ярали. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	174 309
Осенний день в Окроканах. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	176 309
Всем сердцем	178 309
«Это меня удивляет — стих...». <i>Перевод Л. Озерова</i>	178
«Друзья, старинный облысел Парнас...». <i>Перевод Л. Озерова</i>	
.	179 309
Стихи к посевной, сказанные по радио. <i>Перевод Б. Брика</i>	180 309
Апрельский сев. <i>Перевод Б. Брика</i>	181 310
Когда ласточка лепит гнездо. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	183 310
Гапараванское сказание. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	186 310
«Давно то было...». <i>Перевод Л. Озерова</i>	187 310
Стихи о Мухранской долине. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	188 310
«Во веки веков не отнимут свободы...». <i>Перевод Л. Мальцева</i>	189 310
В Армении. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	191 310
Камни говорят	191 311
Шахсей-вахсей	192 311
Автодор пустыни	192 311
Сбылась мечта поэтов	194 312
Здравица	195 312
Поездка на Алагез	197 312
За лавиной — лавина. <i>Перевод Л. Озерова</i>	199
«Лежу в Орпире мальчиком в жару...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	200
Апрель в Орпире. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	202 313
«Поэты, безутешно плача, пели...». <i>Перевод Н. Тихонова</i>	203 313
Надпись на роге. <i>Перевод Л. Озерова</i>	205
«Бежит, ревя, в открытые ворота...». <i>Перевод Л. Озерова</i>	206 313
Родина. <i>Перевод П. Антокольского</i>	208 313
«О, Мкинвари когда проснется...». <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	212 313
Рождение стиха	213 314
1. «С неба на землю огромным мостом...» <i>Перевод</i>	
<i>Н. Заболоцкого</i>	213
2. «Я знал: слова ронять не следует...». <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	214
Сестра Долорес, братья баски. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	215 314
Праздник Аллаверды. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	217 314

Колхида ждет нового Орфея. <i>Перевод П. Антокольского</i>	219 314
«Искрошились и тают с разбега. . .». <i>Перевод Л. Озерова</i>	222
«Родной очаг своей любит и отчизну. . .». <i>Перевод П. Антокольского</i>	223
Две Арагвы. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	224 314
Багдадские небеса. <i>Перевод В. Державина</i>	225 314
Тельман. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	228 314
Александрю Пушкину. <i>Перевод П. Антокольского</i>	230 315
Мать и сестры Владимира Маяковского. <i>Перевод П. Антокольского</i>	232 315
Дагестанская весна. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	234 315
Так же просто. <i>Перевод П. Антокольского</i>	237
Важа Пшавела на Мтацминде. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	238 315
Матери. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	239
Колхида. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	241 315
Тамуне Церетели. <i>Перевод Л. Озерова</i>	243
Орпирский комсомолец в Кремле. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	244

НЕДАТИРОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ОТРЫВКИ

Растянутый мадригал. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	246
«На судьбу человека глядит с высоты. . .». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	247 315
«Привозит дилижанс. . .». <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	249
Брату Галактиону. <i>Перевод П. Антокольского</i>	251 315
Восстание в пустыне (<i>Отрывки из поэмы</i>). <i>Перевод С. Ботвинника</i>	252
1. «Не то это восстание в пустыне. . .»	252
2. «Как лошадь. . .»	253
3. «Вот Гамлет. . .»	253
4. «В богатом караван-сараяе. . .»	254
«Вспомнилось детство, топи Орпири. . .». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	256
Цинандали. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	257 316
«Наше солнце пылает губительным жаром. . .» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	258

ПОЭМЫ

Рион-порт. <i>Перевод П. Антокольского</i>	261 316
Из поэмы «Восемнадцатый год». «Буэнос-Айрес», Алехандро и Кастилия. <i>Перевод В. Державина</i>	266 316
На фронтах. <i>Перевод В. Державина</i>	275 317
Роальд Амундсен. <i>Перевод С. Спасского</i>	286 317
Примечания	295
К иллюстрациям	319
Алфавитный указатель стихотворений	320

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор),

В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов,

Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),

В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,

М. Ф. Рыльский, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,

Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский

Табидзе Тициан

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор *В. Н. Орлов*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 4/VIII 1964 г. Подписано
в печать 24/X 1964 г. М 26312 Бумага
84 × 108^{1/32}. Печ. л. 10^{3/8} + 7 вкл. (17,73).
Уч.-изд. л. 13,33. Тираж 10 000 экз.
Зак. № 1395. Цена 61 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати
Красная ул., 1/3